

Жак Лёв

***КАК БЫ ВИДЯ
НЕВИДИМОГО***

портрет апостола наших дней

***“Он, как бы видя Невидимого,
был тверд”
(Евр. 11,27)***

Москва 2007

JACQUES LOEW

COMME S'IL VOYAIT L'INVISIBLE

Un portrait de l'apôtre d'aujourd'hui

LES ÉDITIONS DU CERF
29, bd Latour-Maubourg, Paris
1987

Перевод с французского:
Ольга Курочкина 1999

Редактор:
Леонид Харитонов 2007

Рабочая Миссия Святых Апостолов Петра и Павла
Антонио Санти 2008 ©

Жак Лёв родился в 1908 году во Франции в неверующей семье. В 1932 обратился в католичество и стал учеником Иисуса Христа. С 1939 года священник-доминиканец. С 1941 по 1954 гг. поочерёдно, а иногда одновременно, был докером и приходским священником, участвующим в миссионерской работе в г. Марселе, затем в 1955 году основал Миссию Святых Апостолов Петра и Павла. До глубины души задетый неверием своих современников, Жак Лёв задал себе вопрос: какой апостол может сегодня нести Бога в мир? Как подняться до желаемой высоты, чтобы любить этот мир, и его «славу», и не дать ему поглотить себя? Как быть похожим на него, оставаясь в то же время в глубине самим собой, разным? Отдать всего себя служению и являть, что Бог есть, единый и живой? Для такой крайне неотложной задачи самым лучшим учителем оказывается святой апостол Павел. Эта книга вышла в 1964 году во время Второго Ватиканского Собора. С 1965 года, после утверждения Миссии Петра и Павла папой Павлом VI, стала бестселлером.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие стр. 6

Часть первая

ПРИЗЫВ ЕВАНГЕЛИЯ

Вера, Слово, Бедность.....	10
Благовествовать.....	17
Призыв	24
Растущее присутствие Господа.....	36
Идти язычникам.....	47

Часть вторая

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АПОСТОЛА

Настоятельная мольба	60
«Как послал меня Отец»	69
Мимы и прототипы	76
Сходство и различие	81
Поклонение истине	94
Забота о личности и уважение к ней	101
Терпение.....	112
На стыке созерцания и действия: настоящий миг	118

Часть третья

ЛЮДИ И ВРЕМЕНА

Три призыва Господа	
I Призыв Крещения	128
II Призыв Евангельских Советов	133
III Призыв к священству	136
IV Три различных, но дополняющих друг друга призыва.	138
Команда, орудие апостольства	
I. Рождение и эволюция	

<i>А) Первые определения:</i>	
<i>«общая задача и общее благо»</i>	<i>143</i>
<i>Б) «Воплощать свою жизнь любовью Господа»</i>	<i>147</i>
<i>В) «Лаборатория единства»</i>	<i>150</i>
II. Величие и бремя	
<i>А) Маховик или спасательный круг?</i>	<i>155</i>
<i>Б) Время для нового рождения</i>	<i>156</i>
<i>В) Связующее звено Мистического Тела</i>	<i>157</i>
<i>Г) Уединение и общение</i>	<i>159</i>
<i>Д) Если зерно не умрет</i>	<i>161</i>
<i>Е) Хартия команды</i>	<i>163</i>
<i>Ропот и ропчущие</i>	<i>165</i>
<i>Время и времена миссии</i>	<i>176</i>
<i>Установить миссию на желаемую высоту.....</i>	<i>187</i>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<i>«Для Него, я от всего отказался» ..</i>	<i>198</i>
<i>Краткие биографические сведения о Жаке Лёве</i>	<i>204</i>
<i>Краткие сведения о МОРР в России</i>	<i>210</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книги только одна цель: вернуть слову “апостол” его богатство и величие - скажем даже, его исключительность. Не потому, что не существует других проявлений апостольской духовности, выдающихся и лучших, чем описанное в этой книге - но слово “апостол”¹ сегодня употребляется в стольких различных смыслах, что оно рискует потерять в глазах многих - и в глазах самих апостолов - свое главное значение.

Не будем говорить о его употреблении в повседневном смысле — оно не самое опасное и лишь дает нам повод улыбнуться, когда мы здесь и там встречаемся с ним. В Сен-Бом² есть мраморная плита, установленная в память об одном выдающемся человеке, чьего имени я не помню, но прозвище у него было “Велосьо”, а почетный титул — “Апостол велотуризма”. Но будем серьезными. Какое угодно великодушие, даже героическое, — это еще не апостольство, и любая работа в Церкви, даже выдающаяся, — не обязательно апостольская, апостольским будет также не всякое деятельное присутствие в мире.

Для святого Павла это слово относилось в первую очередь и в полном смысле к “Посланнику и Первосвященнику исповедания нашего, Иисусу” (Евр 3:1)³, так как Иисус был истинным “Посланником Отца”,

¹ Греческое слово «апостол» означает посланник

² Святыня недалеко от Марселя

³ Стихи из Библии взяты из Синодального издания и из книги «Письма святого Павла», Общедоступный Православный Университет и Фонд Александра Меня, Москва 1998

“тем, кто свидетельствует” (Ин 3:17,34). С Него и только с Него одного начинается апостольство.

Христос Своей необыкновенной любовью посылает, в Свою очередь, Двенадцать, «как» Отец послал Его самого. Апостолы - истинные посланники. В вечности, говорится в Откровении Иоанна Богослова, стена Иерусалима “имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца” (Откр 21:14). Павел, недоносок, гонитель, ни в чем им не уступает. Он также своими глазами видел воскресшего Христа и получил от Него миссию быть Его свидетелем.

Со смертью последнего Апостола исчезает не передающаяся привилегия: Откровение, которое шло непосредственно через него, завершилось. “О Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания” (1 Тим 6:20). Больше уже ничего нельзя добавить, но это сокровище, эту жемчужину из самых драгоценных, что есть у человечества, нужно будет передать, сообщить, объяснить и в каждом поколении пережить в Церкви: Тимофей, Тит и, до скончания веков, наши епископы получили от Господа это задание — быть апостолами, преемниками Апостолов.

Но в этом деле — возвещении послания Спасителя — призваны участвовать все, уже одним фактом своего крещения и миропомазания, или получив особое поручение от Епископов. Такое посылание в мир каждого христианина — одна из великих черт нашей эпохи. И вот, для того, чтобы сделать из этого единственную цель, радость и мучение жизни, некоторые из них предлагают себя: “Вот я, пошли меня” (Ис 6:8). Им-то эта книга и адресована в первую очередь — но и всем остальным она должна бы напомнить о величии этого явления и помочь

им утвердить Миссию на желаемой высоте, которая превосходит человеческие способности.

Следующие далее страницы, конечно, несут на себе печать контекста, в котором они родились: например, роль и место команды — такой выбор может ввести в замешательство. Пусть читатель не думает, что это модели, которым необходимо неукоснительно следовать — это всего лишь примеры и практические пояснения.

Но целью книги остается придание слову “апостол” надлежащей ясности и неизблемости — и для этого необходимо поставить некоторые нерушимые вехи на пути апостолов наших дней. Именно это и заставило меня написать ее.

В мире, который расширяет свои пределы до того, что сам испытывает головокружение, апостол напоминает единственную истину: Иисус Христос и ничто другое.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИЗЫВ ЕВАНГЕЛИЯ

ВЕРА, СЛОВО, БЕДНОСТЬ

“Миссия” — это тайна. Подобное утверждение — не банальность и не убежище во дни неудач. Тайна заключается в самой её сути: участии человека в деле Бога, подчинении Духу, который “дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит ...” (Ин 3:8). Это путь неизменно таинственный, это в буквальном смысле блуждания, по дорогам, которые — не наши: “Мои пути — не ваши пути” (Ис 55:8). Это вечная алгебра, в которой идешь от неизвестного к неизвестному, — и удивительная алхимия, в которой спасение вырастает из изгнания, уверенность берет начало в испытаниях и свет — во тьме.

Если сорокалетний переход евреев через пустыню содержит в зародыше и уже рассказывает нам всю до скончания веков историю человечества в его постоянном движении к Богу, со всеми тяготами, сомнениями, то история Моисея — это история каждого апостола в течение сорока лет его собственной жизни. Поэтому историю Моисея святой апостол Павел подытоживает одной замечательной фразой: “Он, как бы видя Невидимого, был тверд” (Евр 11:27).

Никто не сможет дать более точного определения тайны апостольства: апостол — это тот, кто дает обет вести людей к Невидимому. Видит ли он сам лучше других эту скрытую цель? Вовсе нет. Тогда, может быть, он из тех слепых вождей, о которых говорит Господь, ведущих других прямо в бездну? Тем более нет. Кто же он?

Он человек веры: он не видит, он не знает, он верит. Всем своим существом он полностью доверяет Богу, Который не может “ни обмануться, ни обмануть”, согласно самой формулировке акта веры. Христос дал ему Своё Слово, а он — он поставил свою жизнь на это Слово, ставшее плотью: “Я знаю, в Кого уверовал” (2 Тим 1:12). Когда об апостоле говорят, что он человек Слова, в первую очередь это не потому, что он говорит для того, чтобы возвещать весть: это потому, что прежде чем начать действовать, он поставил свою жизнь, для себя и для всех людей, на Слово Бога.

Он не видит Невидимого лучше других, но он “твёрд”, “как если бы он его видел”. Он лицемер? Нет. Он не видит, но он понял слова Псалма, которые возвещают Евангелие: “Слово Твоё — светильник ноге моей и свет стезе моей” (Пс 119 (118): 105).

Апостол — это человек, который в ночи ждёт света: в Ветхом Завете часто употребляется красивое выражение “дозорные благодати”: “Моя душа у Господа, сильнее, чем дозорные на рассвете, ждёт она рассвета”.

Сегодня каждый знаком с телекоммуникационной связью; апостол не ведёт людей к непосредственно видимому: находясь на длине волны Бога, его вера ведёт его надежнее самого лучшего локатора.

“Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут ...” (Мф 24,35). Несмотря на видимости и противоречия, в зыбких песках и трясине, слово Христа — это скала, на которой Он возвышается, потому что Христос — это Слово Отца.

Перед таинством Евхаристии святой Фома Аквинский пел:

*“Вида Тебя, касаясь Тебя, вкушая Тебя,
Не узнаешь о Тебе ничего;*

Довольно всего лишь слышать Тебя, чтобы родить несомненность Веры.

Всему, что Ты сказал, Сын Божий, я верю, Надежнее всего сущего Твое слово истины”.

Апостол применяет один и тот же принцип ко всей своей жизни: “Наставник! ... по слову Твоему закину сеть” (Лк 5,5).

*
* *
*

Таким образом, тайна апостольства идет от самой его сущности: учить людей освещать свою жизнь божественным Словом.

И если у апостола наших дней есть какая-то радость, это осознание того, что никогда основная задача его миссии не была четче определена, чем сейчас, во второй половине XX столетия.

Ведь на протяжении двух тысячелетий миссия принимала столько разных форм: не было недостатка в ложных богах, — но сегодня отвергается сама идея Бога. Мы уже не боремся за истинного Бога, сегодня отвергается сама религия. У людей вокруг нас есть выбор уже не между Богом и сатаной, а между Богом и ничем — и они выбирают ничто.

Но ничто, противопоставленное Богу, не пусто. Это ничто отягощено грузом всех богатств расширяющегося мира. Выбрать ничто для современных людей не означает выбрать небытие, а означает иметь всё: автомобили, путешествия, удобства бытовой техники, культуру, мысль и чувство, любовь,

освобожденную, наконец, от оков, в которые ее заключило христианство.

Престиж, цивилизованность, пример великих, традиции, которые в былые времена окружали ореолом любые религии, теряются и исчезают: за дело Бога теперь может заступиться только сам Бог. Речь больше не идет о стычках с передовыми отрядами антиклерикалов или гонителей (даже если они еще существуют), или о запоздалых партизанских действиях.

Давид снова сходится лицом к лицу с Голиафом в неодолимых доспехах. Осознаем, насколько актуален этот эпизод. В этом неповторимом поединке, в котором Голиаф намеревается покончить с Израилем Божьим, апостол принимает вызов: Давид получает от Саула разрешение идти сразиться с филистимским исполином: “юноша против воина от юности своей” (1 Цар 17:33). И он идет навстречу воину, у него есть только праща и пять маленьких камней из ручья, но его опора — Бог. На оскорбления Филистимлянина он отвечает: “Ты идешь против меня с мечем, копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа ...” (1 Цар 17:45).

Продолжение известно, но стоит напомнить эпизод, предшествующий бою, который часто забывают: Саул хотел одеть Давида в свое воинское снаряжение: “И возложил на голову его медный шлем, и надел на него броню. И опоясался Давид мечем его сверх одежды и начал ходить: ибо не привык ... И снял Давид все это с себя.” (1 Цар 17:38-39).

Так апостол, если он хочет вступить в неповторимый поединок с сегодняшним неверием, не должен стесняться себя доспехами Саула и Голиафа: его оружие другое, и, прежде всего, — это его бедность. Перед лицом массового неверия, вера. Перед лицом

богатства, престижа и материального прогресса, бедность. Потому что бедность — это зримый результат веры, позиция человека, знающего, что всё может прийти к нему только от другого, и признак человека, чья единственная опора — Бог.

Вера и бедность — и это нужно писать и повторять снова и снова — вот ответ, который как нельзя лучше соответствует требованиям сегодняшнего дня, вот поистине специфическое средство для того, чтобы встретить безбоязненно и исцелить рану неверия середины нашего столетия.

Быть бедными на деле и нищими сердцем — это единственная в своем роде “двойная” бедность, она подобна милосердной любви — и мы приходим к ней только медленно, я бы сказал, скудно, то есть постепенно, шаг за шагом. Мы не отказываемся разом от всего, но мы можем каждый день стремиться к простоте, к отстраненности, к упованию только на Бога. “Сегодня больше, чем вчера, и меньше, чем завтра” — вот не просто девиз любящих, это, если говорить точнее, девиз всех, кто в этом мире любит Бога и святую бедность.

Внешняя бедность без смирения сердца ведет к наихудшему фарисейству, которое только может угрожать апостолу. Отступление от реальной бедности выхолащивает апостольство: хотя наслаждение благами жизни само по себе не так страшно, оно ведет к тому, что помимо слова Божьего начинаешь использовать другие опоры, возвращаясь тем самым к достижениям Саула.

Таким образом, таинство участия апостола, “твёрдого, как если бы он видел Невидимого”, в деле Бога,

опора апостола на одно лишь это Слово и бедность, которая отнимает у него всё, мешающее увидеть, что в Нем его единственное упование — это три взаимосвязанные, взаимодополняющие, вытекающие друг из друга явления.

Раньше — хорошо это или плохо — поле апостольской битвы не было так четко очерчено; в былые времена — тогда это было фактом, который сам по себе не был ни хорошим, ни плохим, — у апостола было в распоряжении больше различных средств. Материнское лицо Церкви, отражение лика Божьего, проявлялось через тысячу добрых дел: труды молодых, больницы, школы, народные библиотеки ... Священник с щедрой душой мог объединить вокруг них множество людей, стремящихся творить добро. Сегодня, в наших современных городах, ключи от квартир принадлежат муниципальной службе, и только она может дать хотя бы надежду завладеть ими, она же финансирует дома для молодежи и стадионы с изумительными газонами. Нетрудно продолжить этот список.

Что же остаётся нам? Ничего ... то есть ничего сиюминутного, что можно было бы потрогать, чем можно было бы пользоваться и что было бы осязаемой поддержкой веры. Нам остается только одно: только маленький ребенок, бедный, слабый, голенький, но этот младенец в яслях — Бог! И этого достаточно. Мы — как это замечательно! — в каком-то смысле вынуждены не иметь ничего, кроме нашей религиозной религии, даже без ангелов, которые зывали к окрестным пастухам, или к восточным волхвам. Величие миссионерской роли удесят�еряется: Давид принимает вызов Голиафа, и его оружие лишь несколько камней, но только таких, о которых говорит святой Павел: "Ибо мы, ходя по плоти,

не по плоти воинствуем; оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь” (2 Кор 10:3-4).

Иисус рождается маленьким и бедным: без сомнения, для того, чтобы показать Свою любовь к малым и бедным во всем мире до скончания веков, но у Его неприметного рождения есть ещё более глубокий смысл. Ничего нет достойного Бога, ничего равного Ему по высоте, чтобы вместить Его: никакого украшения, никакого дворца, никакой человеческой мудрости. И Бог выбирает такое место, где нет ничего, потому что там нет ни мелочной конкуренции, ни лживости мнимого богатства. Бог приходит только туда, где Он — всё: в ясли, в действительную бедность; в Марию, в бедность сердца.

БЛАГОВЕСТВОВАТЬ

С того единственного в истории и незабываемого дня, когда человека, “дышащего угрозами и убийством на учеников Господа Иисуса” (Деян 9:1) осиял свет ярче полуденного солнца и пронзил до глубины души голос, говорящий: “Я Иисус, Которого ты гонишь” (Деян 9:5), повергнув его на землю на пути в Дамаск, стало невозможным произносить такие слова, как “Апостол”, “благовествовать”, не думая о святом Павле. Кто может соперничать с ним? Его обращение, слова, жесты, жизнь, этот сжигающий его огонь делают его “единственным после Единственного”. Более того, сам Господь поддерживает Своего апостола: “Он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми” (Деян 9:15). С тех пор Учитель ведёт ученика — по царскому пути: “И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое” (Деян. 9, 16).

Поэтому именно у святого апостола Павла мы пытаемся узнать, что такое апостольское призвание и у него же спрашиваем, что он подразумевает под словом благовествовать: “Горе мне, если не благовествую” (1 Кор. 9,16). Невозможно забыть эту короткую фразу, но вся ее сила в том, что в устах Павла она — душераздирающий крик, исходящий из самых глубин его существа. Благовествовать для него, в первую очередь, — необходимость, а вовсе не что-то необязательное, о чем можно выразиться примерно так: “Я был бы очень несчастным, если бы не возвещал Евангелие”; нет, он

хочет сказать вот что: "Со мной непременно случится несчастье, если я не буду благовествовать".

Зная об этом, он тут же говорит: "Если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя" (1 Кор 9:16). Почему? Потому что "делаю это недобровольно, говорит он, ... исполняю только вверенное мне служение" (1 Кор 9:17). И крик Павла уже не крик того человека, каким он был раньше, "свободным от всех", но того, кто отныне "всем поработил себя, дабы больше приобрести" (1 Кор 9:19); и, говорит он, "усмиряю и порабоцую тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (1 Кор 9:27).

Никогда он не сможет сказать ничего другого, кроме как: "Павел, волею Божию Апостол Иисуса Христа" ... (Еф 1:1). Это его визитная карточка, и он её не поменяет. Римлянам он скажет то же самое: "Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божию" (Рим 1:1). В Послании к Титу он также не назовет себя по-другому: "Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих и познанию истины", но здесь визитная карточка превращается в катехизис, и он продолжает: "истины, относящейся к благочестию, в надежде вечной жизни" ... (Тит 1:1-2). Павел не отступает от этого и в конце своих посланий чувствует потребность повторить: "Благовествование Христово распространено мною", — говорит он Римлянам (Рим 15:19), а также Ефесянам: "И обо мне молитесь, дабы мне дано было слово — устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно" (Еф 6:19-20). Таким образом, он точно исполняет призыв к

Двенадцати перед Вознесением: “Идите, научите все народы” (Мф 28:19).

Итог можно подвести словами художника Брака: “С возрастом жизнь и искусство сливаются воедино”; для апостола Павла, благовествовать и жить — одно.

“Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях” (Мф 10:27), говорил Господь; получив “разумение тайны Христовой” (Еф 3:4), зная, что эта тайна должна быть сегодня явлена всем, Апостол охвачен благоговением перед величием совершающегося:

“О которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена ... возведена всем народам для покорения их вере” (Рим 16:25-27). И еще сильнее потрясает его несоответствие между провозвестником и вестью: “Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия — благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны” (Еф 3:8). Теперь становится понятно его восклицание: “И кто способен к сему ?” (2 Кор 2:16). Как осмелился бы он быть апостолом, если бы его не толкала к этому настоящая необходимость, наполнившая его личность и жизнь?

Такое расположение истинного Апостола должно быть и у ученика: “И так заклинаю тебя пред Богом и Господом, проповедуй слово ... совершай дело благовестника, исполняй служение твое ... “ (2 Тим 4:1-5). И это заклинание, которое святой Павел обращает к Тимофею, наполняется особой торжественностью благодаря тому моменту, когда оно произносится: ведь это Послание Апостола — последнее, вскоре ему отрубят голову.

*
* *
*

Каково же содержание этой тайны? Павел не может сказать этого, не “преклонив колен в присутствии Отца”: “Верую вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть ... что́ широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божию” (Еф 3:14, 17-19).

Понятно, почему Церковь избрала эти слова лейтмотивом Мессы Пресвятого Сердца Иисуса, праздника любви Бога ко всем людям, потому что “и язычникам быть сонаследниками” (Еф 3:6). Роль благовестника теперь ясна: возвещать “во всякое время” эту неиссякаемую и всеобъемлющую любовь, превосходящую все наши понятия, подлинную благую весть, по отношению к которой всё остальное только подготовка или следствие.

Итак, это основополагающее провозвестие является истиной, которая, как мы обычно считаем, менее всего доступна нам в каждодневном делании. Один недавно рукоположенный священник рассказывал, как он неосмотрительно отправился навестить собственную тётю в монастырь созерцательной жизни, и насельницы попросили его тут же прочитать им проповедь: “Но я ничего не подготовил!” — воскликнул он. “Ничего, расскажите нам о любви благого Бога”. Молодой священник завершил свой рассказ не без юмора: “Так вот! Любовь Бога, любовь Бога ... Я очутился в тупике!”

Этот забавный случай не претендует на то, чтобы служить доказательством, но он, вызывая улыбку, знаменует собой гораздо более серьезную ситуацию: число провозвестников любви Божией, в конечном счете, очень невелико. Вспомним священников, монахов, активных мирян, которых мы знаем. Кто среди них всерьёз увлечен этим провозвестием? Сколько процентов они составляют? Десять? Мы не отважимся это утверждать.

А рядом с ними, сколько “помешанных” на апостольских методах, социальных, интеллектуальных, психологических, артистических, политических и не знаю еще каких проблемах? И не идя далеко, я сам, столь убежденный в первостепенной важности возвещения Бога, Который есть Любовь — сколь мало я отдаю Ему каждый день! Причем как в важных событиях, так и в самых малозаметных делах.

*
* *

Апостол Павел, напротив, от этой миссии никогда не отступает. За четыре-пять лет до своего последнего обращения к Ефесянам он говорит с Галатами, и, благодаря этим непостоянным людям, у нас в распоряжении есть самое полное наставление о благовествовании. Апостол — это всегда тот, кто передает откровение, полученное от Иисуса Христа: “Возвещаю вам, братья, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое; Ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа”. (Гал 1:11-12).

Строго говоря, этот текст относится лишь к Двенадцати и к святому апостолу Павлу: только они получили откровение от Господа и после их смерти уже никто не может что-либо прибавить к нему. Это данное Апостолам откровение передается в Церкви через духовное наставление с помощью Божьего промысла. Но каждый должен лично встать на сторону этого божественного Слова живой верой, приносящей дары Святого Духа. В этом свете веры и даров душа действительно встречается с Богом. Поэтому наше благовествование и есть не что иное, как прямой результат нашего личного близкого союза с Господом. Каким бы ни было наше образование, нам надо найти способ применить к самим себе слова святого апостола Павла: “через откровение Иисуса Христа”, или же слова самарян, сказанные женищине, которая привела их к Господу: “Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира” (Ин 4:42). В этом душа апостольства: “О том, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали ... возвещаем вам”, пишет святой апостол Иоанн первым Церквям (1 Ин 1:1).

Но Павел сказал еще не всё: через несколько стихов, несмотря на внутренний трепет, который охватывает его всякий раз, когда он говорит о благодати апостольства, он снова, и еще в большей мере, предстаёт наставником в этом делании. В одной фразе он соединяет три составные части апостольского призвания: к непосредственному общению с Господом, Который открывает Свою тайну, он добавляет уверенность в своей призванности и в предназначении идти к язычникам:

“Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатию Своею (призыв) благоволил открыть во мне Сына Своего (общение), чтобы я благовествовал Его язычникам (посылание)” (Гал 1:15-16).

Эти три составные части неизменно определяют апостольское призвание, мы находим их соединенными с того момента, когда Сам Иисус впервые созвал Двенадцать:

“И позвал к Себе, кого Сам хотел (призыв); и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были (общение) и чтобы посылать их на проповедь (посылание)” (Мк 3:13).

Призванный, наполненный, посланный Богом, — чтобы возвещать о Нем: три первоначальные благодати, подаваемые исключительно по воле самого Господа (“кого Сам хотел ...”, “от утробы матери моей ...”), но три благодати, неразрывно связанные одна с другой и требующие от апостола самой высокой степени верности и постоянства.

Слова Анании, самые первые, которые услышал Павел, должны быть отнесены, в какой-то то мере, к каждому апостолу: “Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, Потому что ты будешь Ему свидетелем пред людьми о том, что ты видел и слышал” (Деян 22:14-15).

ПРИЗЫВ

Ответить на него порой просто: “Вот я”, - сразу говорит Самуил, слыша в ночи таинственный голос; но Самуил ещё ребёнок, он отвечает, не задумываясь.

Исайя тоже дает ответ без промедления: глас Господа взывает:

“Кого мне послать? и кто пойдет для Нас? “ И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал Он: пойдя ...” (Ис 6:8).

Но иногда пророка охватывает ужас:

“И было ко мне слово Господне: Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя.”

Нам известен ответ уstraшенного Иеремии:

“О, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я ещё молод.” Но Господь отвечает: “Не говори: ”я молод”; ибо ко всем, к кому пошлю Я тебя, пойдешь, и всё, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их ... “ (Иер 1:4-8).

Но трудности при ответе на первый призыв возникают редко. Они приходят позже, когда ошибки, усталость, неудачи, утомление заполняют душу апостола. Он начинает с места в карьер: “Вы увидите то, что увидите. Они (старцы) ничего не поняли”, но вот приходит день, когда, как пророк Илия, он принимается роптать: “Довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих” (3 Цар 19:4).

Иеремия выражает эти чувства: он вспоминает радость первых дней: “Ты влек меня, Господи, — и я увлечен; Ты сильнее меня — и превозмог” (Иер 20:7).

Но задача слишком тяжелая, пророк больше не может выполнять её:

“Ибо лишь только начну говорить я, — кричу о насилии, вопию о разорении, потому что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние. И подумал я: не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его” (Иер 20:8-9).

И именно этот ужасающий вопль предшествует новому этапу призвания:

“За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание? Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою? На сие так сказал Господь: если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоять пред лицом Моим; и если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как мои уста” (Иер 15:18-19).

Апостолу свойственно то же, что и пророку: его настоящий ответ, его настоящее посвящение выявляются только со второго раза. Опыт мучительного познания своей глубочайшей несостоятельности нам отнюдь не противопоказан, — в действительности, он-то и является отправным пунктом: до этого были только порывистые попытки, за внешним блеском которых скрывалась их скудость. У Бога Свой метод, который Он редко меняет. Моисей, увидев египтянина, который “бил одного Еврея из братьев его” (Исх 2:11), избрал роль защитника своего народа и перешел к действиям с известной всем непосредственностью и горячностью. Но если Богу и в самом деле угодно вверить ему такое служение, то время для него еще не пришло, да и форма служения, несомненно, будет несколько иной: Моисею понадобятся десятки лет ожидания и очищения в пустыне, прежде чем Бог, Который с самого начала

призвал его, пошлет его. Известно, как страшно станет Моисею, и как, во время своего замечательного диалога с Богом, он будет бороться за то, чтобы его избавили от этой апостольской ноши: “Кто я, чтобы идти мне к фараону? — Я буду с тобою ... — А они скажут мне : “как Ему имя?” — Так скажи: Господь, Бог отцов ваших, послал меня к вам ... — ... а если они не поверят мне и скажут: ”не явился тебе Господь ...”

Тогда Господь совершает два замечательных чуда, но Моисей продолжает отказываться:

“О, Господи! человек я не речистый, я тяжело говорю и косноязычен.

— Кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь? Итак пойди; и Я буду при устах твоих, и научу тебя, что тебе говорить.

— Господи! Пошли другого, кого можешь послать.” (Исход, гл. 3 и 4).

Крайне важно, чтобы апостолы осознали необходимость этого очищения: Бог зажигает в нас огонь, но надо, чтобы он сначала поглотил все самое человеческое, что есть в нас, наши увлечения, нашу природу, наши склонности. Не потому, что наша природа и наши склонности плохие (Бог избирает Своих служителей и делает их достойными Своего служения). Просто необходимо, чтобы всё это исчезло благодаря таинственной алхимии, и чтобы, в конце концов, осталось только одно побуждение к действию — призыв Бога, Который посылает: “In nomine Domini”- “Во имя Господа” (девиз Павла VI).

До тех пор, пока природа и благодать совпадают, действовать легко и приятно: действия наши еще слишком человеческие, и Бог знает лучше нас, до какой

степени усложняют их наш возврат к самим себе и наше потакание своим склонностям. Подобно тому, как Господь уменьшает больше, чем на 99% (с тридцати двух тысяч до трехсот) число воинов Гедеона (см. Суд 7), опасаясь, как бы народ не вообразил себя самого творцом собственной удачи, Бог сжигает 99% нас самих, но с оставшимся одним процентом Он творит чудеса!

Монс. Журне в своей неисчерпаемой Церкви Воплотившегося Слова приводит прекрасные тексты на эту тему. Да позволит он мне процитировать их здесь для того дня, когда каждый из нас подвергнется “операции Гедеона”. Нам нужно убедить себя в этом заранее, чтобы это стало для нас само собой разумеющимся в день, когда мы пройдем через такое очищение: потому что, по своему определению, оно совершится в тот момент под совсем другим видом. Текст принадлежит о. Клериссаку, который пишет о Ньюмане:

“Если у человека, мечтающего о религиозном подвижничестве, чувства необычайно обострены, он лелеет его словно плод своего личного творчества; как настоящий художник, он предъявляет к нему утонченные требования и проявляет неумное рвение. Творения же Бога и Церкви являются плодами разума и мудрости; кроме того, недопустимо приписывать их ни капризу, ни даже гению человека-художника. Бог оказывает художнику честь, давая ему предчувствовать и возвещать деяние, действительное осуществление которого Он, впрочем, оставляет за Церковью, причем зачастую она пользуется самыми скромными средствами. Это испытание, этот закон очищения индивидуального и

человеческого применяются как к замыслам, так и к делам⁴”

Это испытание, темной ночи для апостола, неизбежно, и мы найдем живой символ его — в состоянии космонавтов во время полета: известно, что во время взлетных и посадочных перегрузок они могут рассчитывать только на рефлексы, терпеливо выработанные ими заранее: “чёрная завеса” существует для апостола так же, как для завоевателей космоса.

Далее отец Клериссак продолжает:

“Говорят, что нужно страдать не только для Церкви, но и от Церкви. В чем эти слова действительно верны, так это в том, что нам на самом деле иногда нужно, чтобы с нами обращались жестко, держали нас в тени, испытывали молчанием и всеми внешними признаками немилости, может быть, потому, что мы не пользовались в достаточной мере льготами и преимуществами, которые Церковь имела в прежние времена.

Кроме того, такое жесткое обращение, заставляющее нас соотноситься с церковным порядком и святостью, будет для нас, несомненно, также своего рода миссией, посланной свыше. В любом случае, верный признак нашего пребывания в полноте Духа — наша твердая уверенность в том, что страдать от Церкви и страдать от Бога — одно и то же”².

В нашем распоряжении есть текст, где Ньюман сам поясняет свою позицию: “Всему своё время; немало людей желает искоренить злоупотребления, дать возможность

⁴ Журне Тайна Церкви (Journet, том I, с. 485, цитата из *Le mystere de l'Eglise*, с. 131)

² Там же, том II, с. 507, цитата из *Clerissac*, с. 134

наиболее полного развития некоему учению или ввести какую-то особую дисциплинарную меру, но они забывают задать себе вопрос, наступило ли уже подходящее для этого время. И зная, что за имеющееся у них время никто, кроме них самих, не станет трудиться над исполнением их желаний, они не подчиняются голосу авторитетов, губят полезные начинания и тем самым лишают других, ещё не родившихся в это время людей, благоприятной возможности во время своей жизни успешно завершить эти начинания. Мир может считать таких людей отважными борцами за правду и мучениками во имя свободы мнений, в то время как на самом деле они из тех, кому правомочный авторитет должен приказывать молчать¹”.

*

*

*

Бог призывает, как Он хочет, и к тому, к чему Он хочет. Но Он заранее готовит своего посланника и тайно касается сердца апостола ещё до того, как тот осознает себя призванным: Бог заставляет Его осознать, что существует особая нищета, пустота, которую нужно заполнить. В зависимости от того, что сильнее чувствует то или иное сердце, призвание принимает разные формы и определяет сферу, которой мы себя посвящаем: голод, холод, болезнь, смерть взывают к нам постоянно; экономическая отсталость, социальная несправедливость, отсутствие возможностей для развития человека, неуважение к человеческой личности также требуют безотлагательного вмешательства, и сколько ещё есть всего!

Ученик святого апостола Павла был призван почувствовать ужасную нищету — в его глазах, самую

¹ Там же, с.484, сноска 2

ужасную, какая может быть — отсутствие и незнание Бога: "Помните, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире" (Еф 2:12).

Для него эта нищета достигает своей крайней степени, когда она обрушивается на малых и на бедных. Не только потому, что бедный лишен других благ, но потому, что, стоя на пороге встречи с Богом, он отвернулся от Него. "Быть без Бога и не иметь надежды в мире" — для апостола это абсолютная нищета: ведь сам он осознаёт себя грешником, несмотря на свет Бога, Который озаряет его путь, и с горечью спрашивает себя, куда идут те, кто продвигается в темноте и мраке смерти.

Этот опыт самого большого человеческого несчастья - "вол знает владельца своего, и осел ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не понимает" (Ис 1:3) — незаменим. Тому, кто был ранен нищетой неверия и атеизма, уже не нужно ни читать тысячи теоретических текстов, чтобы убедить себя, ни коллекционировать диссертации по социологии: призыв Господа к апостольству проникает через эту рану, и, в меру её глубины, мы все более или менее апостолы.

Мы не должны позволять этой ране зарубцеваться, и перед лицом неверия от нас требуется не показное возмущение, а постоянный бдительный взгляд.

Это отсутствие Бога мы встречаем повсюду: в поезде, в автобусе, в разговорах или в чайной, в шумной заводской мастерской и в тихих кабинетах высокопоставленных чиновников, или в молодежных компаниях, разъезжающих на своих мотоциклах. Но есть

такие места и такие контрасты, в которых нам от него становится еще больнее.

Я думаю о нефтедобывающих станциях, не решаясь добавить “в Сахаре”, потому что самолеты любых типов, исполинские тяжеловозы, электричество, бассейны, кондиционеры сделали из неё место, нисколько не напоминающее пустыню, с которой ассоциируется это слово.

Действительно, красота этих краев поражает: идущий отовсюду свет, который своим сиянием дает представление о необъятности и близости Бога, все оттенки песка, от самого светлого бежевого до сиреневого, ещё большее разнообразие которым придает рельеф с его холмами, дюнами и волнами, нарисованными ветром на песке.

Счастье без конца смотреть на такой пейзаж, охватывая взглядом всё и всматриваясь в детали. И если случайно пошел дождь, то в песке можно увидеть, как мельчайшие песчинки соединились в кристаллики величиной в несколько миллиметров. В этой красоте сам Бог!

Красива и вызывает восхищение также техника добычи нефти. Буровые вышки высотой 45 метров, простирающие свою систему передачи и свои буровые устройства на три-четыре километра под землю, осветительные сооружения необыкновенной мощности и удивительного цвета, озаряющие ночь. Автостреды с щитами ограничения скорости, на которых вас просят снизить скорость на повороте до каких-то ста километров в час, с разворотами и развязками, достойными Америки! Всё это прекрасно и замечательно, как, впрочем, и мощь промышленной

отрасли, в которой самый пустяковый инструмент стоит от 80 до 100 миллионов франков, в которой самолет заменяет такси, чтобы доставить бурильщика к месту работы или вернуть на родину раненого, пусть даже легко.

Но какая духовная пустыня!

Никогда так актуально не звучали слова Евангелия: "Что пользы человеку приобрести весь мир (чёрного золота), а душу свою потерять" (Лк 9:25), то есть забыть о ней? Получая высокую зарплату, хорошо питаюсь, имея доступ ко всяким развлечениям, эти рабочие и инженеры, которые живут вдалеке от своих близких, не знают, в течение девяти недель, ни воскресений, ни рождественских или каких-то других праздников: "Ах да, воскресенье, — говорил один парень, — это день, когда в двенадцать проводят испытания сирен!" Обо всем думают, всё организуют вне Бога: Бог отсутствует в обществе, нет даже антиклерикализма, есть только вежливое холодное безразличие: "Бог? Но от меня-то вы что хотите?" Потому что Бог стал похож на те письма, которые возвращаются к нам с пометкой: "Адресат неизвестен, по указанному адресу больше не проживает".

Под таким углом зрения эта сверхсовременная отрасль промышленности выглядит как миссионерская целина. Да, она не загрязнена политическими, профсоюзными и другими проблемами, с которыми мы сталкиваемся во Франции, но она вызывает еще большую тревогу: ведь тут особенно чувствуется несоответствие между необыкновенными техническими достижениями и пустотой в духовном плане. На смену природной пустыне пришла пустыня духовная.

Здесь мы непосредственно соприкасаемся с “честью Бога, за которую нужно постоять”, как говорится в Псалмах; убрав из этого слова всё, что может в нем показаться агрессивным, скажем: постоять любовью ещё более глубокой и верной! Тут призыв к апостольству хватает ученика за живое: что же, Христос умер напрасно?

*

* *

Нужно пройти через новый этап, получить новое ранение после того, как апостол обнаружит, что отрицание Бога не просто существующая позиция, но что такое безразличие подкреплено доктриной.

Этьен Борн в своей маленькой, но такой сильной книге Бог не умер описывает новизну современного атеизма. Мир без Бога не нов, и уже в Псалмах говорится: “Сказал безумец в сердце своем: ”нет Бога”. (Пс 53(52):2), но этими самыми словами он доказал своё безумие. И это было верно до Ницше и Маркса, гениальных учеников Фейербаха, но после них мир без Бога считает, что он может развиваться ровно в той мере, в какой он избавляется от Бога: “Так как положительное, существенное в определении божественной природы заимствовано из природы человека, то человек лишится всего, что будет отдано Богу. Чтобы обогатить Бога, человеку придется обеднеть”¹.

В этой фразе сказано всё, и тезис сформулирован с почти математической точностью. Каждый согласно своему гению, Маркс, Ницше или Сартр делают его по-своему соблазнительным. “Человек, — говорит Маркс, — является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда он обязан своим существованием самому себе ...

¹ Фейербах, Сущность христианства, Мысль, 1906, с. 26

Атеизм является отрицанием Бога и утверждает бытие человека именно посредством этого отрицания”². Отныне Маркс, столь глубоко анализирующий пороки XIX века, сделает из этой мысли направляющую нить, позволяющую построить новый мир.

У Ницше мысль сформулирована в шести строках: ”Высшие люди, этот Бог был вашей величайшей опасностью. С тех пор как лежит он в могиле, вы впервые воскресли. Только теперь наступает великий полдень, только теперь высший человек становится — господином ... Только теперь гора человеческого будущего готова родить. Бог умер: теперь хотим мы — чтобы жил сверхчеловек”³.

У скольких наших соседей, друзей или знакомых мы находим эти мысли, измененными, более расплывчатыми, но, несомненно, подразумеваемыми ... На всех углах они пьют этот яд, словно воду, удивляясь и гордясь, что он не приносит им никакого вреда.

Тот, кто ощутил себя уязвленным в своей любви к Богу, видя, как над Ним глумятся, как Его отправляют в отдел сопутствующих товаров, забывают о Нём, — тот готов услышать призыв Господа. Тот, кто предчувствует, любя своих братьев-людей, неизъяснимую тоску, которая однажды охватит этих мужчин и женщин, не имеющих Бога, тоже готов услышать этот призыв. Любовь, которую этот человек несёт Богу, без колебаний отдавшему Своего собственного Сына этому неблагодарному человечеству, любовь, которую этот

² Маркс, Экономическо-философские рукописи в К. Маркс. и Ф.Энгельс об атеизме, религии и церкви, Мысль, 1986, с. 66

³ Ницше, Так говорил Заратустра, Издательство Московского университета, 1990, с. 249

человек несёт своим братьям, на его глазах калечащим собственный душевный покой и в панике прибегающим к помощи лекарственных успокоительных средств или покупающим себе очередную техническую новинку, — эта двойная любовь, перед лицом столь непомерного хаоса, даст возможность любящему услышать призыв Господа. Монах, он посвящает себя жизни перед одним Богом во имя всех людей и ради них, компенсируя и сглаживая их безумие; апостол, он идет и смешивается с толпой, чтобы не переставая твердить ей своей жизнью и своим словом о единственной сути.

До тех пор, пока людей будет поражать эта язва безразличия к Богу, до тех пор, пока внутри них доктрина, динамичная, как современный мир, будет поддерживать их неверие, придавая им безмятежное чувство уверенности, апостол будет нести на себе эту открытую рану. Но, страдая от этой боли, апостол одновременно убежден убежденностью, даруемой верой (а значит, — абсолютной и несокрушимой), в том, что Бог непрестанно трудится в человеческих душах, в том, что Он тайно взывает к людям в глубине сердец. Чем больше современный мир со своим ритмом и техникой стремится отбросить веру на задворки общества, тем больше апостол, отвечая на призыв Господа, вырабатывает самой своей раной побеждающее противоядие — свою веру: Бог больше, чем всё сущее, и равнодушие и атеизм всего лишь капля росы по сравнению с жаром Его солнца.

Отсюда наша радость и уверенность в полезности своих жизней, ставших служением, — даже “бесполезным”. “Итак, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен перед Господом” (1 Кор 15:58).

РАСТУЩЕЕ ПРИСУТСТВИЕ ГОСПОДА

Апостол слышал призыв, и он отправляется в путь: в общении с людьми, в беседах, в дружбах у него не будет недостатка. У нас всего этого полно, и будет полно, сверх сил, но великое дело нашей жизни — быть человеком Божьим, жить по Нему, с Ним, Им. И именно этого ждут от нас люди: “Всюду, где проходит святой, он что-то оставляет после себя”, говорил кюре из Арса.

“Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить?” (Лк 9:25), эти слова относятся и к грязному прибытку скупца, и к научным изысканиям, ставшим для ученого самоцелью, да и к “апостольству”, если в нем забыт Бог живой и личный. Моисей ведет свой народ к Земле Обетованной, и в этом шествии различима история всего человечества. Моисей тот человек, с которым Бог говорит “как бы говорил кто с другом своим” (Исх 33:11). Христианская жизнь — это всегда не что иное, как дружба человека с Богом, и если существует определение любви, к которой мы должны не переставая возвращаться, как к источнику своей молодости и своего изумления, то это определение святого Фомы Аквинского: “христианская любовь — это дружба с Богом”. Эта короткая неприметная фраза начинает сверкать ярче тысячи солнц, когда ее значение открывается нам в своем полном блеске.

Несомненно, на первый взгляд, сказанное нами слово “любовь” кажется более сильным, но слово “дружбы”, услышанное из уст Господа: “Я назвал вас друзьями” (Ин 15:15), ведет гораздо дальше. Бог-Господин, грозный Вечный Владыка, Бог-Отец, источник

нашего бытия, дарящий бесконечную нежность — какие глубины! — но в них еще царствует односторонность. Бог-друг — и вот уже между нами взаимность. Гениальная теологическая догадка святого Фомы Аквинского помогает нам глубже проникнуть в суть этого поразительного явления: святой Фома не только воспринял слово Господа серьезно, но, спросив у старика Аристотеля, что такое дружба, применил полученное в ответе всецело человеческое представление о ней к этому взаимному и продолжительному сближению человека с Богом.

Дружба — это прежде всего противоположность эгоизму: мы пропускаем друга впереди себя, желаем ему добра, — и вот перед нами человек, который, чтобы быть другом Бога, возвышается до того, что желает Божьего блага самому Богу. Он радуется тому, что Бог есть Бог, и это для него важнее, чем его человеческие нужды. Мы хотим, чтобы Бог оставался таким, Какой он есть, и мы прилепляемся к тому, чего хочет Бог, потому что Он — наш друг. Невозможно что-либо к Нему добавить, что-то дать Ему — кто добавит луч солнцу? — но мы хотим быть кусочком стекла или каплей росы, которые отражают солнце и сами начинают излучать свет. “Пусть повсюду Тебя лучшие узнают, сильнее любят, преданнее Тебя служат”, замечательно говорит об этом молитва молодых рабочих-христиан.¹

Если дружба диаметрально противоположна эгоизму, взамен она требует взаимности. Кармен может петь во всех театрах мира: “Если ты меня не любишь, я тебя люблю, — А если я тебя люблю, то берегись!”. Кармен не узнает дружбы, требующей взаимности,

¹ Жокисты - от JOC (Jeunesse Ouvrière Chrétienne), движение молодых рабочих-христиан

участники которого одновременно дают и получают. И у святого Фомы есть замечательная фраза: "Потому что друг любит в своем друге того, кто в свою очередь любит его." Между Богом и нами, нами и Богом, вечная взаимность: Бог меня любит, я люблю Его, мы любим друг друга, и если печальные события моей жизни заставляют меня предавать эту любовь к Богу, я могу никогда не сомневаться в непреходящей любви Бога ко мне.

Но — третье требование к дружбе по Аристотелю, — для того, чтобы водворились самоотдача и взаимность, необходимо наличие общей почвы; и здесь — нечто гораздо большее, чем симпатия, родившаяся из-за сходного душевного склада, или близость, даже глубокая: симпатия, близость обогащают взаимность дружбы, но не создают её. Сообщество-общение дружбы должно уходить корнями в питательную почву, общую для обоих друзей, это нераздельная основа бытия и жизни, общность в сходстве.

Но между мной и Богом — может ли быть общая территория, по праву принадлежащая Богу, но также и мне, на которой строится наша дружба? Невозможное совершается в общении, которое Бог творит для меня из Своей собственной жизни: то, что Он есть в Своей тайне, Он дает мне, чтобы мы могли, на основе этой общности бытия, осуществить дружеское общение. Таким образом, Божий человек — это тот, кто отказался от всего остального, чтобы стать исключительно человеком, который дружит с Богом. К этому призваны все, это никоим образом не предназначено лишь избранным, но некоторых это захватывает настолько, что они уже не могут (да и не хотят) ни знать, ни переживать чего-либо другого.

Человек Божий — человек, повернувшийся к Богу, который встречается с Ним во всех Его проявлениях. Первое — это само творение, так как тварь — это уже знак, который дает предчувствие Бога.

Совсем недавно на одном из крупнейших процессов нашего времени человек, который сидел на скамье подсудимых, сделал следующее заявление: "Моя семья не имела на меня влияния, и я не смог найти ни в Библии, ни у Карла Маркса тот нравственный призыв, который я искал. Возможно, я хотел познать его через Ницше; мне оставалось искать свой путь ... Я не пресыщен и не озлоблен. Я неверующий, но знаю: есть нечто, что мы находим в улыбке ребенка, в букете роз или в концерте Баха".

Божий человек умеет распознать эту связь между лицом ребенка, ароматом розы и Богом. Его способность восторгаться безгранично увеличивается: ему достаточно пылинки, чтобы встретиться со своим Создателем.

Божий человек знает один секрет: Бог открыл ему свое имя, "Он есть". И даже больше: Он открыл ему Свои имена: Отец, Сын, Дух любви, и через эти человеческие слова человек постигает сокровенную тайну Бога. Через эти слова, которые он пытается произносить, и которые так и остаются для него малопонятными, он вступает в общение с каждой из божественных Личностей, находя в этом свою сокровенную радость, свое умиротворение: не убежище, не уход, но самый центр, где бесконечно спокойно, где сосредоточивается всё. Если бы он жил далеко от этого, он не получал бы это в избытке, так же как если бы он перестал быть вечно влюбленным в своего друга Бога.

Это человек, который повернулся к Иисусу Христу — великому Присутствию Бога, Который “обитал с нами”. Тот же самый Бог творения, Слово, равное Отцу, сделался доступным нам, чтобы взаимность, общение, сопричастность между Богом и человеком стали полными. “Он возлюбил меня и предал Себя за меня” (Гал 2:20), в свою очередь я отдаю Ему мою жизнь: отдаю не по идеологическим побуждениям, а из-за личной связи с Ним. Этот Христос настолько человечен, что Он, как и я, по словам Псалма, был “соткан во чреве матери” (Пс 139(138):13), и эту мать, Его Мать, я люблю, я дорожу Ею, я выбираю Её как свою, и Он даёт Её мне. И Её имя — Мария.

И Иисус Христос, и Церковь, всё это одно: человек Бога, человек Церкви. Как мне может прийти в голову идея стать реформатором Церкви ? Я буду реформировать Бога ? Но этот Христос призывает меня к гораздо большему: эта Церковь, за которую Он умер на кресте, — всё человечество от Адама до Апокалипсиса. Он хочет, чтобы на ней не было ни пятен, ни морщин, чтобы она сияла, как невеста в утро своей свадьбы, и вот мой Друг призывает меня продолжить то, что сделал Он, то есть завершить в моем собственном теле то, чего не было в Его Страстях, ради сегодняшнего человечества.

Божий человек — это человек большой любви: Бог его ободряет, Бог его очаровывает, он наслаждается Богом, Его благодать каждый день всё сильнее удивляет его. И чем больше люди вокруг него остаются равнодушными, тем больше он чувствует себя призванным во имя всех: “Любовь покрывает множество грехов” (1 Петр 4:8), одна-единственная любовь перевешивает тысячу неблагодарностей. Вот почему, ради всех людей, он всё больше поворачивается к Богу,

чтобы и они не были лишены этой радости, чтобы через него — по крайней мере, в том множестве, где он составляет одно со своими братьями, — Бога перестали презирать. Нет ничего на свете столь бесконечно притягательного, столь удивительно многообразного и столь всецело простого, как Бог: у самого любимого существа есть пределы: Бога же мы никогда не перестаем открывать, и Божий человек будет вечно идти от радости к радости.

*
* *

Сколько бы ни говорили и ни повторяли, ни проповедовали и ни объясняли, что христианство — не только доктрина, но и встреча с кем-то, приверженность одной личности, а именно личности Господа Иисуса, что с Ним нас соединяет реальная, таинственная и прочная связь, и что это отличает нашу веру от любой другой религии, ничтожно малым остается число апостолов, которые переживают внутри себя тайну Христа, а не только рассказывают о ней. У миссионеров есть ужасная профессиональная болезнь: они приходят к мысли, что им можно исполнять свои функции, перестав в большей или меньшей мере переживать внутри себя ту тайну, которую они возвещают.

Нам всем угрожает следующая опасность: стать “профессиональным” миссионером, апостолом-профессионалом, специалистом по литургии или катехизису, «освобожденным работником» на том или ином поприще, профессионалом «Католического действия», может быть, даже профессиональным епископом, “профессионально” говорить все, что

требуется, и даже испытывать при этом радость. Но подобная функциональность выкидывает прочь единое на потребу — жить, страдать во Христе.

Вот мы стали апостолами и... прекратили быть крещеными людьми, живущими своим крещением. Мы возвещаем Христа, но наша связь с Ним теперь слабая, прерывающаяся. Мы отдали Ему жизнь, как муж и жена, которые некогда отдали друг другу свою жизнь в присутствии мэра и священника, а сейчас лишь проживают рядом. Между ними нет явной измены, но артерия, через которую течет благодать, забита отложениями.

Кто из нас не говорил себе однажды: “В конце концов, для Бога я делаю столько же, сколько батюшка Х или отец У”. Да, моя работа лучше организована, я лучше чувствую интересы современной молодежи, лучше понимаю роль церковных движений, да и многое другое ... Может быть даже, по отношению к бедному священнику, простому исполнителю, я уже занимаю место повыше, руководя неким административным аппаратом, но поостережемся, оба, если мы только чиновники, а не «благоговейники» перед Христом. Поостережемся, если мы из тех людей, что сходят с Голгофы, говоря: “Какое чудесное было богослужение, там было столько народу ...”.

Достаточно посмотреть на новообращенного: для него Господь — раскрытие его жизни. Господь действительно говорит с ним, Иисус Христос дает ему точные указания: “Если твой глаз соблазняет тебя, если ты смотришь на женщину с вожделением, если ты ложишься спать, замысливая недоброе против твоего брата ... Продай все, что ты имеешь, и приобрети единственное сокровище... уединенно молись твоему

Отцу:... ибо алкал Я и вы дали Мне есть ...” Всё происходит непосредственно между Христом и Его учеником, между учеником и его Господом. Вот источник живой воды, дающий вечную жизнь, из которого утоляют жажду. Между обращенным и Христом не установлена череда отстойных бассейнов, превращающих живую воду в водопроводную, а апостола в сантехника.

*Я не говорю, что нам не нужны отстойные бассейны: если взять проблему голода в мире, то нужны *FAO*¹, организации, электронные машины для обработки статистики, журналы, микро- и макропроекты, нужно разбудить общественное мнение, и перед лицом бедствия, охватившего миллиард людей, недостаточно, чтобы дети из церковного хора молились и жертвовали копеечку “на бедных детей, умирающих с голоду”. Это очевидно.*

Но по мере того, как появляется все больше подсобных средств, должна возрастать, в геометрической прогрессии, и вера христианина, который, имея дело со слаборазвитыми народами Америки, Азии, Африки или с нуждающимися обитателями ближайшего пригорода, кормит, полностью осознавая это, Иисуса из Назарета — Его самого, Слово, ставшее плотью, Которого вечно жаждут холмы и горы.

Жить во Христе означает вот что: быть непосредственно “настроенным” на Того, Кто родился в яслях, вырос в Назарете, говорил в деревнях Галилеи, проявил Себя как Сын человека и Сын Отца. На Того, Кто сказал: “Прежде нежели был Авраам, Я есмь” (Ин 8:58) и столь же совершенно истинно говорил: “Жажду” (Ин 19:28). Это значит поместить на экран телевизора - своей жизни - живого Иисуса.

¹ *Food Agricultural Organization (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН)*

И мы разжижаем такого Христа, если не остерегаемся этого, имея дело с громадными и многочисленными организациями, которые наступают на нас со всех сторон и грозят целиком поглотить наше время и наш дух. Можно привести их полный список, и если я забуду некоторые, пусть меня не обвиняют в скрытой приверженности к ним. Христианин, участвующий в профсоюзном движении или в социальной, литургической, миссионерской или библиологической деятельности, сотрудник «Католического действия», сторонник Христианского Свидетельства, Католической Франции или Нового Человека, поклонник Тейяра де Шардена, открывающий космические измерения Альфы и Омеги, и т.д.; одним словом, все, кто начал действовать во имя Господа, — все они рискуют изменить Ему и, в конечном счете, оказаться бесполезными, если не будут ревностно держаться единственно необходимого: личной, безмолвной встречи. Мы встречаемся с Ним, “сев у ног Господа и слушая слово Его” (Лк 10:39), находясь перед Его подлинным ликом, называя собственным Его именем: “Иисус, Господь” и слыша, как Он тоже называет нас по имени.

Итак, жить Христом значит встречаться с Ним в Его тайнах, с Ним и с Его Матерью, и беспрестанно соединяться со всеми эпизодами Его жизни, когда они один за другим проходят перед нами во время созерцательной молитвы. Благодаря ей мы найдем в них больше подлинного содержания, чем во всех картинках, которые обрушивают на нас иллюстрированные издания. Это значит совершать “возвращения к Богу”, которые подобны вспышке света в течение каждого дня. Это также означает слепо повторять всё, что Иисус подразумевает под словом “любить”, применять, подобно

маленьким детям, Его уроки о любви, личные уроки Иисуса, данные лично Им: а Я говорю вам..., укоренить в себе, встроить в себя эти навыки послушания Иисусу. Так, через определенные расположения — подставлять левую щеку после правой, исполнять требования Отца, любить врагов — Иисус придает нашему сердцу форму, наполняет его стремлением к истинной любви ...

Жить Христом также означает встречаться с Ним под тем видом, под которым Он доступен сегодня, — в таинствах, но при условии, что они действительно являются формой присутствия, а не упражнениями, которым мы подвергаем себя более или менее охотно. Таинство покаяния в этом отношении показательно: каких только слов не было сказано о нем: “бремя”, “пытка”, в лучшем случае говорят просто “мне нужно пойти исповедаться”. Неужели мы забыли, что это встреча с Господом, возобновление дружбы и, если мы тяжко согрешили, — поступок блудного сына, поднимающегося и идущего к своему Отцу, Который прощает и изглаживает грех?

Точно также, разве Месса, по обыкновению неподготовленная, во время которой мы, священники, выгружаемся с мотоцикла или из машины прямо в ризницу и в алтарь, или причастие, каждый день торопливо проглатываемое верующим, могут стать плодотворным Присутствием, творящим и дающим любовь?

И пусть никто не возражает: “Мы не монахи”, доставая расписанный по минутам план на день. Бог не призывает нас быть бизнесменами: Ему нужно, чтобы мы были созерцателями Его тайны и после ее созерцания несли эту тайну другим.

Отец Пейригер говорил будущим священникам:

“Следите за тем, чтобы не пополнить ряды таких апостолов на службе у Церкви, которые просто рассказывают о Христе. Сколько дают Христа, не говоря о Нем? А сколько, говоря о Нем, но не живя Им, не дают Его? Христос уже перегружен разговаривающими апостолами. О, как Он алчет и жаждет апостолов, которые бы Им жили!”

ИДТИ К ЯЗЫЧНИКАМ

Призыв, жизнь с Господом, благовествование язычникам, три составляющих одного и того же движения, неотделимые друг от друга.

Эллины и иудеи, атеисты и верующие, все без различия призваны “Спасителем нашим Богом, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины” (1 Тим 2:3-4); это и есть замечательная Благая весть, которой не перестает восхищаться святой апостол Павел во всех своих посланиях. Это — экуменизм Божьего богатства, предложенного всем людям: “Чтоб и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования” (Еф 3:6).

Новообращенным язычникам Рима апостол Павел напоминает о неразделимой Божьей цепочке из звеньев, или, точнее, о цепной реакции, которая не может не произойти. Чтобы спастись, нужно призвать Его, нашего Господа; чтобы Его призвать, надо уверовать, чтобы уверовать, надо услышать; чтобы услышать, нужен проповедующий; чтобы проповедовать, надо быть посланным (см. Рим 10:14-17). Таким образом, видимое посылание провозвестника — знак того, что Бог, невидимо, уже совершает работу спасения: Посланный — проповедующий — услышать — уверовать — призвать — спасти.

В этом заключается уверенность, которая составляет главную силу апостола: если Бог меня посылает, значит, Он решил спасти. Не все — увы! — (и апостол Павел говорит об этом) послушаются Благой

вести, но посланный знает, что само его присутствие уже есть знак воли Бога, Который любит тех, к кому направляет Своего посланника. Если мы можем быть уверены в том, что каждая сотворенная во имя Господа молитва будет услышана ради самого Слова Божьего, насколько же крепче должна быть наша убежденность в действенности всякого поступка, совершённого во имя Господа, вдохновенного и движимого Им. В основе этого лежит метафизическая истина: Бог-творец ничего не может делать зря; если Он призывает к жизни Свое создание, значит, Он хочет действовать в нем и привлечь его к Себе. И Его Промысел действует, только проходя через Его создания. При условии, конечно, что мы, действительно, “посланы” во имя Господа, а не своей собственной фантазией или своим желанием немножко подвигаться: “Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; я не говорил им, а они пророчествовали. Если бы они стояли в Моем совете, то объявляли бы народу Моему слова Мои” (Иер 23:21-22).

Надежнейшее ручательство подлинности посланничества — подлинность нашего стремления впустить Господа в свое сердце. Но тезисы “для меня жизнь - Христос” (Флп 1:21); “чтобы Он рос, а я уменьшался” подвергнутся суровым испытаниям на этой третьей стадии призыва. Рутиня, методы, да и сами апостольские труды (в их материальной составляющей) мало-помалу заглушают, подобно сорнякам, живую любовь вестника к своему Господу. Уже в притче о сеятеле описывается эта стадия, когда тернии заглушают зерно, упавшее у дороги, а с течением времени заполняют даже добрую землю в поле.

Зло сегодня еще нахрапистее, чем в притче о сеятеле: ведь теперь его шипы - не только сложности, с

которыми мы все сталкиваемся в жизни, или соблазны, свойственные любой эпохе. Новая апостольская ситуация пришла вместе с демографическим взрывом, промышленной цивилизацией, урбанизацией и демократизацией образования. Были придуманы слова, ужасно неблагозвучные, но безупречно описывающие реальность: мир стал “массовым”, существует “эффект массы”, сходный с законом всемирного тяготения, и наличие человеческой массы играет роль, пропорциональную ее величине, в привлечении в нее новых людей. Говорят даже о “масс-медиа”, обозначая этим термином интеллектуальные средства общения.

Со времен Константина апостол появлялся с тем “триумфализмом”, о котором говорил на Соборе монс. де Шмедт, и тройной венец папской тиары был зримым воплощением власти, и не только духовной, достававшейся, отраженным светом, каждому миссионеру. В глазах христиан Европы и более или менее диких язычников Америки или Африки на его стороне были численное преимущество и цивилизация. Да, такому христианству приходилось очень непросто, когда оно пыталось проникнуть в древние цивилизации Китая, Индии и Японии, но подобные неудачи еще не истолковывались миссионерами как случаи, при которых они теряют влияние из-за того, что эффект массы играет против них.

Сегодня, когда миссионер смешивается с массой, он ужасно одинок, у него нет ни авторитета, ни власти, он чувствует себя пережитком прошлого или, в лучшем случае, совершенно чужим, пришельцем из другого мира. Можно не согласиться с этим, видя, какое внимание уделяют ватиканским церемониям радио, телевидение и пресса, но это может подтвердить любой рядовой

миссионер. Приведу один случай, не в качестве доказательства, а как показательный пример: в день коронации Павла VI кто-то спросил вечером имя победителя велогонки Тур де Франс, и один добрый малый, крестьянин, который смотрел телевизор, сказал: “Верите ли, сегодня про Тур де Франс вообще ничего не сообщали, потому что по телевизору после обеда все время показывали какого-то каноника!..” Этим каноником был коронуемый в Риме Павел VI!

Одиноким, незначительным — говоря и с человеческой, и с социологической точки зрения - таков сегодня миссионер среди людей, и эффект массы, пропорциональный относительной величине человеческих скоплений, играет теперь против него.

Тут ничто не может заменить личного опыта: как мы помним, апостол открывает для себя, что он призван Господом, когда безверие начинает его ранить; подобным образом, в страдании, которое причиняет ему собственное бессилие, он должен открыть для себя этот закон современного человечества.

Я думаю об одном из новейших сооружений в Германии, о рабочих городках заводов «Опель». Это, несомненно, один из наиболее американизированных заводов в Европе. Там много хороших, красивых вещей: замечательные машины, образцовая санчасть, впечатляющая медицинская картотека, души, специальные ванны для мытья ног с дезинфицирующим мыльным раствором, и даже восхитительный морг со стенами густо-лилового цвета, для тех, кто станет жертвой несчастного случая! Хорошие зарплаты, люди вроде спокойные, не заполошные. У заводской проходной вы не отличите простого рабочего от инженера.

Но, выйдя из монументальных ворот завода, вы будете до глубины души поражены непередаваемым, мучительным несоответствием между совершенством производства, этими гениальными изобретениями, которые двигаются, контролируют, регулируют моторы, подхватывают, штампуют металлический лист, превращая его в корпус автомобильного кузова, между всем этим богатством задействованных средств — и сельской церквушкой, построенной в 1880 году и расположенной даже не напротив предприятия или сбоку от него, а в стороне, в дальнем углу старой деревни, где ничего не менялось со времен «Адама-Опеля». Она, конечно, ухожена, отнюдь не безобразна на вид, но невероятно далека от всего, что составляет современную жизнь, старомодна, как старая музыкальная шкатулка рядом с играющим во всю мощь симфоническим оркестром. Какую конкуренцию она может составить промышленной компании, имеющей представительства по всему земному шару, как показано на светящейся карте мира, которая находится в вестибюле завода «Опель».

Безусловно, наше оружие не от мира сего и «Опель» не вечен, в то время как Церковь будет всегда живой. Да, живой, но рядом с этим гигантским и гениальным заводом, она, воплотившись в деревенском храме, как будто пребывает в летаргии. И, тем не менее, её замечательные священники достойны всяческих похвал.

Совершенно очевидно, что ни дезинфицирующий мыльный раствор, ни морг нежной окраски, ни даже тысячи автомобилей, которые ждут каждого рабочего у ворот завода, не могут долгое время заполнять человеческое сердце. Но не менее очевидно, что ни один священник, даже самый достойный и почитаемый, не может конкурировать с «Опелем»: в былые времена

колокольни возвышались над деревенскими домами как знак превосходящего разум величия Бога. Но какая колокольня может сегодня быть выше башни «Дженерал Моторс»!

И вот, подобно шуму или запаху, на которые непроизвольно реагируют наши органы чувств, ко мне пришел такой ответ, я не искал его специально: только живые, радостные, динамичные в своей вере группы людей, их радушие, их неукоснительная прямота, но также и их фантазия и веселье детей Божьих могут противостоять гигантизму сегодняшнего дня. Именно они станут свидетелями свободы и радостной молодости Бога.

*
* *

Такие обстоятельства позволяют лучше понять, как нелегко ответить на вызов, перед которым постоянно оказываются апостолы: они закваска, смешанная с тестом. Но это приказ Господа и, по Его слову, в течение двух тысяч лет, как только открывали новый уголок земного шара, миссионеры отправлялись туда, чтобы внести новую закваску Евангелия в человеческое тесто. Но сегодня, причем с особой быстротой в последние двадцать лет, само тесто мира сего производит и несёт в себе свою собственную закваску! Тут вера в динамизм, в величие, в открытия современного мира превращается в религию. И она обольщает слабейших в этом тесте, так же, как и тех, кто распространяет её.

О, конечно, мы не будем воротить нос от закваски мира: человеческий разум сотворен по подобию Божьему,

и святой Иринея хорошо передает смысл слов апостола Павла, когда говорит: “Слава Божия — живой человек”. Но эти большие, красивые реалии, даже если они не противопоставлены Богу, находятся на уровне природы и человека. Они постепенно наполняют собой миссионера, тем более что он хочет отдать им должное и не встречает их в штыки, как враждебных идолов. Он хочет одновременно отдать Кесарю кесарево и вознести хвалу Богу за Его Творение.

В этот момент действует уже не только эффект массы. В непосредственной близости от людей апостол подвергается воздействию различных сил, влияний и взаимодействий, которые стремятся опустошить его, забрав у него Бога, и наполнить его всей “славой” мирской. Начинает действовать другой всемирный закон, которому подчиняются любые обмены между живыми существами: закон осмотического давления, согласно которому результатом взаимного давления должно стать освобождение от Бога и заполнение себя тем, что находится вокруг.

Церковь во все времена сталкивалась со случаями духовного “опрыскивания” людей, когда они переставали быть самими собой и становились другими. Некоторые из таких случаев поразительны и симптоматичны: подобная перемена происходила с людьми не по политическим убеждениям или по слабости плоти, а только из-за влияния среды, из-за желания во всём быть как все. Снижая высоту перегородок, отделяющих его от окружающего мира, от его нравов и привычек, человек Бога может однажды настолько измениться, что не найдёт в себе больше ничего из того, что было в нем в начале пути. Вроде бы все осталось на месте, но душа переменялась: Христос уже только составная часть

всего, что его окружает, он сам уже не гражданин Небесного царства и согражданин святым, он земной, и земное заполнило его сердце: “Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше” (Мф 6:21).

Это явление не ново: Луази и другие священники, которые покинули Церковь в конце XIX века, скорее всего, подверглись такому же осмосу, но это произошло на уровне разума и, следовательно, касалось только нескольких отдельных людей. Сегодня эта притягательная сила массового сознания воздействует на всех нас, на все наши поступки: она затрагивает и голову, и ноги, и сердце.

В старых сказаниях из “Житий святых” часто приводится рассказ о дурной женщине, которая входила в жизнь святых, чтобы сбить их с избранного пути. Как поступали в ту пору те, кто не был прославлен? И как поступили бы мы? Всё же в первом случае борьба происходила в какой-то мере на равных: между женщиной и мужчиной. Сегодня же апостол находится перед лицом множества людей, которые мыслят не так, как он, и призывают в поддержку себе самые современные науки: социологию, историографию, психологию. Испытанию подвергается теперь не только плоть, но и дух.

*

*

*

“Ищет ли он на самом деле Бога?” задаёт себе вопрос святой Бенедикт при виде нового кандидата, пришедшего к воротам монастыря: мы повторим его слова, добавив: “Хочет ли он на самом деле возвещать о Боге язычникам?” Почему, например, нужно запретить заниматься политической деятельностью человеку,

посвятившему себя Богу и предназначенному к возведению благой вести? Есть два ряда причин, одни касаются самого миссионера, другие тех, к кому мы посланы.

Что касается самого миссионера, прежде всего - пусть даже для него это будет обидно — это соображения осмотрительности: человек отдаётся политическим страстям в лучшем смысле слова, ведь человек — я имею в виду мужчину — создан для этой деятельности, так же как для продолжения рода. В обоих случаях он оказывается перед задачей, которая требует от него полной душевной и физической отдачи, всего человека целиком. Как ставший “скопцом ради любви к Господу” знает, что его верность требует крайней осторожности, в том числе в тех сферах, которые остальным кажутся безопасными, так же и хотящий свидетельствовать о Невидимом должен отказаться от управления делами человеческими. Он больше других рискует оказаться захваченным ими сверх меры, особенно если был столь долгое время отстранен от них и так поздно открыл для себя их притягательность.

Даже если он умеет вовремя остановиться — всё равно духовная жизнь очень взыскательна по отношению к посвятившему ей себя, и ради него самого, и ради тех, кого он ведёт за собой. Для хирурга важна твёрдость руки, и ему нельзя заниматься тяжёлым физическим трудом, певица заботится о голосовых связках, а человек, глядящийся в невидимое, должен оберегать свой взор: кино и молитва, телевидение и богопоклонение не могут уживаться в одном человеке, как некогда со служением Богу не могли ужиться цирковые игрища. Примем эти ограничения, мы более уязвимы, чем женатые люди. Сохранение вверенного нам достояния

требует сосредоточения всех наших сил на Нем одном — и это было хорошо известно Давиду, когда он говорил Богу: “О, сила моя, на Тебя взираю” (ср. Пс 59 (58):10).

В нашей заботе о душевной чистоте мы не должны уподобляться кокетке, беспокоящейся о цвете своего лица. Тем, к кому мы посланы, и кто должен услышать благую весть, нужно испытать потрясение. Его может вызвать встреча с исключительным вниманием, которое мы уделяем сохранению и разрастанию благой вести, и, соответственно, постоянному многолетнему стремлению претворять её в дела своей жизни. Монастырский затвор не только призван защитить созерцателей; он также, может быть, не вполне явный, но несомненный знак того, что их блаженство исходит от одного лишь Бога.

Таким же исключительным должно быть внимание к возведению Евангелия. Апостол Павел хорошо показывает эту связь, говоря Тимофею: “Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден” (1 Тим 4:14-15).

Надо ли повторять, что рост внутреннего человека и рождение новых христиан - это две части одного и того же процесса. Тот же Павел продолжает: ”Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя” (1 Тим 4:16).

Как в любви необходимо соблюдать заповеди и установленный ими порядок, так и апостольское служение должно быть укоренено в «этом духовном даре, который в тебе».

Чтобы блуждающий дух человека, задетый за живое, обратился к Иисусу Христу, нужно воспользоваться методами современной рекламы - о них говорил еще Павел Галатам (3:1): "У которых пред глазами предначертан¹ был Иисус Христос, как бы у вас распятый?"

Если же мы будем представлять Христа лишь как часть широкого ассортимента «товаров», рядом с общественными вопросами, политикой, искусством, литературой, кино, как делают в иллюстрированных журналах, то такая «презентация» сведет Его с Престола, который Он занимает по праву Единого Господа. Она будет противоречить всему, что мы сможем сказать о Нём, а именно, "что нет другого Имени, кроме Его, на земле, как и на Небе". "Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим", говорили Иудеи Пилату (Ин 19:7). Несомненно, когда мы станем утверждать ту же истину, это вызовет неприязнь к нам, но где в Евангелии написано, что с учеником будут обращаться лучше, чем с Учителем?

В бессмертном «Мариусе» Паньоля капитан Эскартефиг, пересекая Вье-Пор на своем пароме, кричит помощнику, который включает слишком надолго сирену: "Она мне весь пар съест!" Капитан Эскартефиг очень остро ощущал, что он представляет весь французский флот, но был ограничен в средствах, знал это и действовал соответственно. Мы тоже ограничены в средствах: нам не удастся одновременно включать сирену мира и отдавать весь наш пар проповеди Слова Божьего. Мы в той же лодке, что и остальные, но наша роль на борту особая.

¹ Греческое слово означает "изображать", "рисовать"

Если апостол хочет явить взору сегодняшних людей “черты распятого Иисуса”, он должен поместить образец, прежде всего, перед своим собственным взором и повторять за апостолом: “И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого” (1 Кор 2:1-2).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АПОСТОЛА

НАСТОЯТЕЛЬНАЯ МОЛЬБА

Уже двадцать лет мы пытаемся понять, почему люди отходят от христианства. Мы встречались сначала с бедностью, незащищенностью, убожеством, но сейчас мы можем добавить к этим причинам богатство, защищенность и комфорт, которые, как нам представляется, ещё сильнее отдаляют людей от христианства: бедная Польша, нищая Бразилия в массе своей знают Бога и живут в Его присутствии.

Мы обвиняли по очереди марксизм, несправедливость предпринимательства и его плохую организацию, но в ФРГ нет марксизма, предпринимательство отлично организовано, а человек точно так же отдален от Бога.

Христианский конформизм, посредственные священники? Но там, где Церковь порой наиболее “устроена” внешне, её меньше всего критикуют и у неё больше всего искренних последователей. Есть страны, где Бог официально отрицается, проходя сквозь частую сеть пропаганды: Он также и их народами, которые гордятся своей свободой, но у которых всё подчинено ощущениям.

В конце концов, выясняется, что удовлетворительного объяснения вроде бы и нет, оно не связано даже со страшными тиранами капитализма или коммунизма. Отсутствие Бога принимает разные обличья в зависимости от места, но зло не меняется, и средство против него следует искать за пределами непосредственных и видимых причин. Один Бог может затронуть сердце человека: ни наука, ни человеческая

мудрость, ни красноречие, ни искусство, ни какой бы то ни было авторитет не могут заставить неверующего открыться Богу. Есть слишком много возможностей для ухода, окольных путей. Слишком много соблазнов, благородных или низких, слишком сильно влияние общества, лозунгов. Каждый слишком непостоянен, как в хорошем, так и в плохом. Поэтому окружение, среди которого бьется человеческое сердце, таково, что само по себе это сердце никогда не обретет постоянство: нужно, чтобы что-то (или кто-то) привлекло его сильнее. Только человек, захваченный увлечением или любовью, уже не подвержен другим соблазнам.

Есть другая причина, уже не психологическая, но связанная с самой природой обращения: душа, которая ушла от Бога — или которая его никогда не знала — не может сама по себе вступить в дружественный союз с Ним, и Иисус говорит нам об этом: "Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец" (Ин 6:44). Духовный переворот, сопутствующий обращению, — дело не человеческое: только Бог знает те дороги, которые ведут к Нему внутри нас, или, точнее, только Бог может войти в сердце и поселиться там. "Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж" (Пс 127(126):1).

Мы испытывали это на себе сотни и даже тысячи раз. Поэтому мы должны понять, что наша первая задача и первое, что дает нам силы, это настоящая и постоянная мольба к Богу о том, чтобы Он действовал в глубине сердец.

Нет ни одного великого миссионера, который не был бы человеком молитвы и заступничества. "Вперёд, с мыслью о нашем Господе", говорил своим спутникам

святой Доминик: “И слышались стоны и вздохи. Где бы он ни был, он не переставал говорить о Боге или с Богом и призывал братьев делать то же самое”, говорили о нём его попутчики.¹ Во время его ночных молитв слышали, как он стонал: “Господь, сжался над своим народом! Что станет с грешниками?”² А когда он служил мессу, “слёзы текли по его лицу так обильно, что одна слеза набегала на другую”.³

Нет другого оружия и у святого Игнатия Лойолы: в его замечательную записную книжку, которой бы больше подошло название “Журнал счетовода”, а не “Духовный дневник”, при помощи алгебраических и стенографических символов занесено, сколько он плакал во время мессы и молитв.¹ Далее, когда текст святого Игнатия становится более удобочитаемым, он открывает нам свою тайну: “В течение всей мессы я испытываю глубокое благоговение и проливаю много слёз, часто теряя дар речи, и всё, что я чувствую и переживаю в это время, ведёт меня к Иисусу”.

Как святой Игнатий, так и святой Доминик проливают слёзы, находясь в расцвете сил, в те же самые годы, когда они учреждают новые организации, расширяют апостольскую работу и создают новые миссии в разных концах света. Поэтому их никак нельзя заподозрить в старческой чувствительности. Только их расположение и может быть названо логичным: они молятся, чтобы получить от более сильного то, что, как им известно, сами они обрести не в состоянии. “Жатвы

¹ P. Vicaire, *Saint Dominique*, (П. Викэр Святой Доминик) с. 236

² *Ibid*, с. 251

³ *Ibid*, с. 219

¹ Alain Guillermou, *La vie de saint Ignace de Loyola* (Ален Гийерму Жизнь святого Игнатия Лойолы), Editions du Seuil, с. 263

много, а делателей мало”, говорит Иисус; мы бы, несомненно, добавили: значит, надо работать с удвоенной силой, но Господь тут же заключает: “Итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал деятелей на жатву Свою” (Мф 9:37-38); ему одному этого “значит” оказалось достаточно, чтобы укоренить нас в молитве и в слове Иисуса; его жизнь, его ночные молитвы после наполненного трудами дня - живой комментарий к этому.

Банальное возражение: “Но разве молитва изменит что-нибудь для Бога, разве она заставит Его захотеть чего-либо, что Он не хотел до этого?” помогает увидеть перспективу гораздо более высокого порядка. Конечно, я ничего не изменю в Боге, но, молясь, я становлюсь живым и неподдельным орудием, угодным всевечному Богу именно в это время, орудием, которое в этот самый момент исполняет то, что Богу угодно видеть следствием моей молитвы. И если Богу угодна моя молитва, и Он хочет, чтобы она принесла такой плод, как может она не быть действенной и не дать результата: “Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него! (Мф 7:11). Потому что сам Бог первым подталкивает меня к молитве и втайне побуждает меня просить, искать и стучать.

Участвуя в Божьем делании — ведь мы Его дети — наша молитва обретает соответствующий чин и достоинство: Бог решил, что определенных результатов можно добиться только через молитву Его детей. Как пахота является одним из условий урожая, так и молитва в жатве Бога: мы, просящие у Бога нищие, становимся Его соработниками.

Эта уверенность, основанная на неизменном первенстве Бога в любом деле, на Его неизменной действительности, должна наполнить нас апостольской верой, силой и апостольской эффективностью: “И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите” (Мф 21:22). Для нас должно стать привычкой: никогда не подниматься с колен после молитвы, не прилепившись со всей убежденностью к этому обещанию Иисуса и не произнеся Его собственных слов: “Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал меня; Я и знал, что Ты всегда услышишь меня ...” (Ин 11:41-42). Как может быть иначе, ведь Он сам сделал так, чтобы я Его попросил!

Таким образом, молитва непосредственно связана с нашей миссионерской задачей. Не так важно, будет ли она теплой или сухой, радостной или тяжелой, соборной или уединенной, - она наше орудие, дрель, вгрызающаяся в глубины, чтобы оттуда мог зафонтировать Бог. В мистическом теле Иисуса мы соединяемся с молитвой затворников и опираемся на неё, но мы должны видоизменить их молитву, замесив ее с тестом из конкретных людей, с которыми мы общаемся каждый день, на своем заводе, в своей мастерской. Начиная с наших товарищей, Пьера или Антуана, всех, подобных им, всех мастеров, начиная со своего мастера, директоров ... На нашей улице, в нашем квартале, начиная с соседа, от которого нас отделяет пять сантиметров перегородки, до проходящего мимо незнакомца ... Жених и невеста, которые заходят повидать нас, - их нам посылает Бог, чтобы на них могла прямо в этот момент запечатлеться молитва.

Поскольку мы понимаем, что молитва необходима, чтобы сердца других открылись Богу, будем же молить его о том, чтобы он позволил нам всем своим существом,

разумом и сердцем, понять - и чтобы это понимание шло изнутри - первоочередность этого делания в нашей апостольской миссии. Отец Лакордер выразил это, сказав, что “апостол - это свой особый Христос для каждой души”.

Апостольство - это прикосновение человека, одушевленного дыханием Духа Иисусова. Чудо Елисея, воскресившего умершего ребёнка, очень поучительно. По просьбе бедной матери Елисей посылает своего слугу, вручает ему свой собственный жезл и приказывает положить этот жезл на ребёнка. Слуга исполняет приказание, но от ребёнка нет “ни голоса, ни ответа”. “И вошёл Елисей в дом, и вот, ребёнок умерший лежит на постели его. И вошел и запер дверь за собою, и помолился Господу. И поднялся и лёг над ребёнком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нём, и согрелось тело ребёнка. И встал и прошёл по горнице взад и вперёд; потом опять поднялся и простёрся на нём. И чихнул ребёнок раз семь, и открыл ребёнок глаза свои” (4 Цар 4:32-35).

Жезл Елисея, то есть одно лишь прикосновение, сам по себе не воскрешает ребёнка; нужно двойное соприкосновение тела с телом — пророка с Господом в молитве, с одной стороны, и пророка с ребёнком, которого нужно согреть, с другой.

Если, следовательно, апостольство — это, как очень хорошо сказал аббат Лоше, “прежде всего благодать, которую надо получить для окружающих”, оно также непременно — воскресение, которое надо совершить нашим духовным дыханием. Поэтому всё, что поддерживает и укрепляет наше дыхание, так же существенно, как быстрота ног, готовых перенести нас к

людям. Придавать Церкви привлекательность своим присутствием недостаточно для того, чтобы преодолеть препятствия, встающие перед людьми и принадлежащие, в конечном счете, к числу явлений гораздо более высокого порядка. Требуется большее. Это большее — осознание и использование “безмерного величия могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его” (Еф 1:19).

Нужно ли упорствовать? Мы не молимся для того, чтобы наша жизнь была спокойной (хотя это необходимо), ещё менее мы молимся ради соблюдения церковной благопристойности, чтобы ободрить себя и своих наставников всех рангов, успокоить их насчёт нас. Мы молимся подобно тому, как пекарь замешивает своё тесто, чтобы испечь хлеб, как врач делает рентген больному, как мать кормит ребёнка грудью: у них ведь не возникает вопроса, могут ли они поступать иначе? Так должно быть и у нас: мы молимся, потому что это нужно для того, чтобы Бог вошёл в сердца и изменил их. Это необходимость, закон.

“Умоляю вас подвизаться со мною в молитвах” (Рим 15:30) — у умудренного Павла нет других слов, и, если поднятые к небу руки помогли Жанне д’Арк выигрывать сражения, в которых действовали копья ее солдат, насколько нужнее они в духовных боях! Святой Иоанн Богослов в своём великом видении видит “чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых” (Откр 5:8) и поясняет роль этих молитв: они приближают день пришествия Бога.

Употребляя такие слова, как созерцание, молчание, уединение, союз с Богом, внутренняя жизнь, молитва, совершенство, мы, независимо от своего личного выбора, склонны полагать, что существует противоположность

или, по крайней мере, соперничество между ними и другим рядом слов: действие, апостольство, принесение себя в дар другим, общение, миссия и т.д. Само мысленное разделение на две группы — это уже неправильный путь: это не печь и мельница, в которых нельзя находиться одновременно, а живой организм, где оба ряда необходимы и взаимозависимы. Чемпион по бегу — это одновременно и мышцы, и дыхание. То же самое в нашей апостольской жизни. Мы не должны противопоставлять посещения, с одной стороны, и, с другой, молитву и поклонение; есть апостольские посещения, во время которых мы ищем себя, и молитвы, во время которых мы пережевываем только свои собственные проблемы. И то, и другое, посещения и молитвы, должны, напротив, быть “деяниями апостолов”; три параллельных стиха из Деяний (Деян 2:42; 4:32; 5:12) показывают, в какой степени жизнь первых христиан сочетала в себе молитву, созерцание и действие.

Потому что в каждом нашем действии присутствует нечто потустороннее, — само действие Бога, превосходящее и возвышающее то, что видим мы сами. И вот, чтобы не упустить этого (ожидаемого от нас Богом), нам нужно истинное молчание и истинное внимание к Богу. Можно было бы написать маленький юмористический рассказ, вообразив невозможное — Святую Деву похожей на нас, какими мы так часто бываем. Скажем, Она настолько озабочена необходимостью пойти помочь Своей двоюродной сестре Елизавете в рамках строго определенного набора действий, что, не успев зайти в дом, кидается к кастрюлям и метлам, моет, чистит, наводит везде порядок и в результате выполняет Свою маленькую и ничтожную человеческую работу, вместо того чтобы

совершить удивительное дело — молитву славословия “Величит душа Моя Господа” и освящение Иоанна Крестителя.

Это “потустороннее” пребывает в самой молитве, так как мы не знаем, как нужно молиться: но “Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными” (Рим 8:26). Поэтому нам нужна большая деликатность, мы должны внимательно слушать, чтобы сотрудничать с Богом, быть Его живым орудием и, продвигаясь и идя всё время вперёд, не присвоить себе конечной цели, которая руководит нашими действиями. Всё, что можно классифицировать как “молитву”, приобщает нас к секретному плану Бога. Это и расположение Марии, которая “сохраняла все слова сии, слагая их в сердце своём” (Лк 2:19). Сделаться настоящими созерцателями, а не честными церковными чиновниками мы можем, только часто задавая себе вопрос: “Где в твоей жизни истинные моменты твоих истинных встреч с Богом?” Потому что наши встречи с людьми станут истинными, только когда им будут предшествовать наши истинные встречи с Богом, которые поведут нас к людям.

Один человек, отец Пари, оставивший глубокий апостольский след, говорил с проникновенной и, судя по всему, незабываемой для слушателей интонацией, что “апостольство — это таинственная смесь действия и страдания”. Невозможно лучше выразить требования к нашей жизни. Почему мы так легко от них отступаем? Пусть же будет, по крайней мере, сказано, написано, подтверждено и повторено, что молитва есть Альфа и Омега нашего апостольского делания. Дорога к Земле Обетованной открывается только молитвой Моисея, на горе, с простертыми руками, до крайнего изнеможения.

“КАК ПОСЛАЛ МЕНЯ ОТЕЦ”

Повелительная сила “как”

Наша личная молитва ставит нас, среди людей, в положение последнего звена молитвы чистых созерцателей. Но к этой задаче (и, для нас, неразлучно с ней) добавляется другая: дать проявиться в нас чертам Христа, Его образу жизни и действий, Его складу ума, Его духу — и всё это конкретно для того, чтобы люди, не знающие Его, смогли открыть Его для себя через наше сходство с Ним. Каждый христианин по определению должен стремиться быть изображением, подобием, сиянием Христа, по образу самого Христа, “Сына, наследника, сияния славы Отца и образа ипостаси Его” (Евр 1:2-3).

Но для апостола (а любой христианин апостол среди неверующих) подражание Христу — не только требование, предъявляемое его крещением: это его задача и, осмелимся сказать, его “ремесло”, смысл его пребывания в обществе. Посланный не столько в качестве посла (что характерно для иерархической миссии), но как истинный “образец”, частица камня, из которого мы были вырезаны. Подражание Богу, с иудейской зари нашей веры, покоится на этом “подобии и образе Божиим”, по которому был сотворён человек: “Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш” (Лев 19:2 и 1 Петр 1:15). Эту заповедь применяет к себе в своём Послании апостол Петр, — ведь он слышал, как Господь Иисус говорит в Назорной проповеди: “Итак, будьте

совершенны, как совершенен Отец ваш небесный” (Мф 5:48).

Но вернуть этому слову «как» то необычайное значение, которым оно наполняется в устах Христа, было предназначено святому Иоанну Богослову. Иисус шаг за шагом открывает нам, каков этот столь совершенный Отец, тайну Его, Иисуса, тождественности с Отцом и, в конце концов, то сходство с Иисусом и Его Отцом, к которому мы должны стремиться. И в этой троиственной реальности: Отец, Иисус и мы, «как» Иисуса является соединительным звеном. Каждый из этих стихов общеизвестен: их соположение придаёт каждому из них такую убедительную силу, что стоит привести их здесь и прочитать один за другим:

“Я есмь пастырь добрый, и знаю Моих, и Мои знают Меня: Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца” (10:14-15).

“Заповедь новую даю вам: ... как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга” (13:34).

“Пребудьте во Мне, и Я в вас” (15:4).

“Кто пребывает во Мне, и Я в нем” (15:5).

“Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас” (15:9).

“Если заповеди Мои соблюдёте, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви” (15:10).

“Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас” (15:12).

“Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы” (17:11).

“Они не от мира, как и Я не от мира” (17:16).

“Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир” (17:18).

“Как Ты, Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня” (17:21)

“И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино” (17:22).

“Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня” (17:23).

(В день Воскресения): “Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас” (20:21).

Здесь сказано главное о том, какими мы должны быть. Святой Фома Аквинский комментирует: *“Посланные той же любовью, с той же силой, по той же власти, что и Отец послал Сына Своего возлюбленного Иисуса Христа”.*

Внутренняя сущность нашего апостольского бытия заключена в самой реальности этого “как”: одним этим словом Иисус ставит нас в центр, из которого мы можем понять свою религию и судить о качестве своих действий. Мы должны действовать по примеру Бога, действовать, как Он: в Его любви, Его властью, с Его силой. Чем определить христианина? Не задачей, которую он выполняет, какой бы святой она ни была, не служением, каким бы действенным и героическим оно ни было. Его определяющая черта — то, что он сын Божий, а ведь быть сыном, и означает, в первую очередь, быть как отец. Этот Отец, этот Бог, на которого мы должны быть похожи, сказал нам Своё имя: Он есть Любовь. Это то, что составляет Его самую сокровенную

сущность, саму Его тайну Троицы: Бог есть Любовь. Вот на что мы должны смотреть и что мы должны являть в своей жизни.

В 25 лет, будучи ещё неверующим, я начал искать Бога, когда заболел и должен был поехать отдыхать в Швейцарию. Хорошая женщина-протестантка, у которой я там остановился, находила настоящее счастье в том, что могла поделиться со своими постояльцами различными сортами восхитительно, сваренного ею варенья ... Каждый раз на завтрак и на полдник она приносила нам его на подносе с вышитой её рукой надписью: “Бог есть Любовь”. Неверующему, каким я был тогда, представлялось одновременно трогательным и полным юмора, что такие вкусные, материальные и земные вещи приносят на этом подносе: “Бог есть Любовь” ... Теперь я думаю, что эти слова постепенно входили мне в душу, пока я уплетал варенье. Впоследствии я много всего забыл, но эти несколько слов засели в моем неверующем сердце так крепко, что теперь я определенно чувствую, что нет никакой другой истины, никакой другой логики в мире, которая была бы так же незыблема, и что она единственный свет в нашей жизни. Бог есть Любовь. Бог существует, Бог нас любит, Он здесь ...

Когда мы говорим эти слова, когда мы просто говорим это слово — Бог — и добавляем, что Он существует и любит нас, нужно, чтобы в нашей душе каждый раз возникал некий свет, просветление ... Эта истина является опорой для нашей жизни, для наших дел, для нашего подлинного “я”.

Бог нас любит, Он есть Любовь ... Но как же тогда быть детьми такого Отца, как достаточно близко узнать этого Отца, чтобы стать детьми, подобными

Ему? Ибо мы не дети “присутствия” (хотя присутствие в мире необходимо), мы не дети “действенности” или “действия”, мы дети Любви, поскольку дети Бога. Чтобы узнать это, мы можем только смотреть на нашего Господа Иисуса: “Видевший Меня видел Отца” (Ин 14:9), и именно Он, Он, Сын по преимуществу, научит нас, как быть чадом, подобным своему Отцу.

То, что мы видим здесь на земле в словах и жестах Христа, — лишь едва различимый отсвет вечной тайны Сына Божия в лоне Самой Троицы: Он подобен Отцу, потому что всё получил от Него, Его чистый взор обращен к Отцу, а Отец, в Свою очередь, — чистый Дар Сыну, Возлюбленному, Единородному, “в Котором Его благоволение” (Мк 1:11). На протяжении многих лет у нас на устах было слово “вовлечённость” или “присутствие” и надо, чтобы так и продолжалось, потому что сам Иисус просил нас быть солью земли. Но надо идти ещё дальше: обыкновения Бога, если можно так выразиться, должны стать нашими собственными обыкновениями.

Бог неизменен, Он не меняется, не движется, потому что Он совершенен. К Нему ничего нельзя прибавить, от Него ничего нельзя отнять, ибо Он всё. И мы, созерцая эту неизменность Бога, учимся быть стойкими как в успехах, так и в неудачах.

Бог любит Добро, Красоту. Ему не нужны кланы, группировки, вражда. Поэтому “что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте” (Флп 4:8).

Бог Справедлив: когда Он смотрит на человека, для Него нет различия между хозяином и работником, коммунистом, прогрессистом или консерватором. Для

Бога это просто человек. Так и мы должны открывать людям Бога, глядя на каждого, такого, как он есть, глазами самого Бога.

Бог милостив. В Его суде Милосердие всегда выше Справедливости. Он, Который ничего не может получить, потому что Сам даёт всё, щедр, как никто другой.

Бог истинен. “Я есмь Путь и Истина и Жизнь” (Ин 14:6)... Его слово никогда не перестаёт быть истинным. И у нас так же: пусть наше “да” всегда будет “да”, а “нет” — “нет”.

*

* *

Чтобы эти “как” действительно вошли в нашу жизнь, нужны только два условия, но эти условия неизменные: “Если не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное”. В этом первое тождество: нам нужно сделать себя совсем маленькими. Единственное препятствие для Божьего Милосердия в нашей жизни — наше несогласие быть совсем маленькими ... Но чтобы войти в это Божие милосердие, не нужно приобретать, достаточно потерять, уменьшиться перед Богом: “Ему должно расти, а мне умяться” (Ин 3:30).

Второе тождество (к которому мы сами должны стремиться) ещё более неотложно; это отеческое “как”: “Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим”. Бог строит Своё отношение, исходя из нашего.

Нам хорошо известно, что мы можем идти к людям только с раскрытыми навстречу им руками Самого Христа, потому что наши слабые человеческие руки слишком часто оказываются патерналистскими, слишком самоуверенными, руками тяжёлыми и грубыми,

которые ранят чаще, чем приносят облегчение. Но если нам удаётся действительно поместить эту любовь Отца в свою жизнь, если мы можем, как Иисус Христос, всё делать любовью этого Отца, тогда наши руки просветятся от самих своих язв, будут пронзены, как руки Христа, этой Божьей любовью, будут благотворны и нежны.

Это и есть “как” Бог ...

МИМЫ И ПРОТОТИПЫ

У апостола Павла не было иной доктрины, кроме изложенной святым Иоанном Богословом, но Павел повернул ее неожиданной стороной, на которой стоит здесь остановиться. Одно и то же слово повторяется добрый десяток раз в его Посланиях, и с такой настойчивостью, что исследователь Джузеппе Риччотти заканчивает 515-ю и последнюю страницу своей книги «Святой Апостол Павел» этим самым словом, которое, как он говорит, не только обобщает доктрину, содержащуюся в Посланиях, но и саму жизнь Апостола: “Подражайте мне (будьте моими подражателями), как я Христу” (1 Кор 11:1).

Но это слово “подражатель” заимствовано Павлом из языка светского искусства его времени, языка техники, живописи, танца и особенно театра: подражатель, мим до такой степени перевоплощается в образ своего персонажа, что перенимает все его черты. Поэтому обычный перевод: “Подражайте мне (будьте моими подражателями), как я Христу” скрывает этот гораздо более глубокий смысл: “Уподобляйтесь же мне, как я Христу”. В начале этого же Послания (1 Кор 4:16) он говорит то же самое: “Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте (уподобляйтесь) мне”.

Но слово “подражатель”, “мим” ассоциируется ещё и с другим, соотносительным словом: “образец для воспроизведения”, “тип” — по слову апостола Павла, — а мы скажем — “прототип”. Апостол, говоривший в

другом месте, что он “сделался позорищем (зрелищем) для мира”, становится, подражая Христу, прототипом, которому должны следовать люди, чтобы прийти к Господу: “Мы (Павел, Силуан и Тимофей) стремимся себя самих дать вам в образец (прототип) для подражания” (2 Фес 3:7 и 9). Это то, что Павел постоянно повторяет в своих призывах: Филиппийцам он напишет то же самое: “Подражайте, братья, мне и смотрите на тех, которые и поступают по образу, какой имеете в нас” (3:17). И эта двойная функция подражателя-мима и прототипа ни в коем случае не привилегия апостола, а нормальный способ распространения веры и Слова: “И вы сделали подражателями нам (всё тому же трио в составе Павла, Силуана и Тимофея) и Господу, принявши слово при многих скорбях с радостью Духа Святого; так что вы стали образцом (прототипом) для всех верующих в Македонии и Ахаии” (1 Фес 1: 6-7).

Таким образом, апостол — это связующее звено между Христом и людьми: его сообразование с Господом делает видимым невидимого Христа. В этой области наши стремления как будто на удивление ограничены. Страх быть не “как все”, показаться людьми особенными, настолько велик, что мы порой берем за образец “самоотверженность” неверующих, пыл, с которым они обустроивают земной мир, чтобы водвориться в нем.

Конечно, нет причин для того, чтобы христианин уступал язычникам в этих временных, земных сферах. Но узнаётся он не по этому: меткой христианина, его образом являются Блаженства. Это мир, в котором всё наоборот: где плачущие провозглашаются блаженными, те, кого ударили по одной щеке, должны подставлять другую, а те, у кого взяли рубашку, должны отдать и

верхнюю одежду. Вот так старается жить ученик и так он показывает, что он — Христов: “Вы слышали ... а я говорю вам ...”. Во всех других областях христианин может найти мастеров, равных себе; здесь же его делают неповторимым эти качества его сердца и всей его личности, ставящие на первое место Блаженства, — согласие с Богом и угождение Ему.

Миссионер, который работает на заводе и выполняет тяжёлую работу, священник, который тоже много трудится во время своих визитов, без всякого сомнения, делают это ради любви ко Христу. Но сообразна ли Христу суть их делания, то, каким именно образом они проживают и интерпретируют свои действия, отмечено ли это евангельскими добродетелями, благодаря которым можно было бы “показать” Христа?

В конце концов (имеющий уши да услышит и не поймёт мою мысль с точностью до наоборот!), я осмелюсь выразить моё несогласие с тем, как мы употребляем фразу Господа Иисуса: “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою”, потому что у нас эта ключевая фраза приобрела мирское звучание. Любовь, о которой говорит Господь, превращают в самопожертвование, филантропию, обязательство, действенность и т.д., в то время как она есть подражание глубинной сущности жизни Бога. На самом деле, фразе, которую мы не к месту и превратно цитируем, предшествует другая, которая объясняет её и в которой мы находим слово “как”, сразу переводящее нас на совершенно другой уровень: “Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга” (Ин 13:34-35).

Это та самая любовь, “божественная *Agape*”, которой мы должны снова научиться, размеры которой

таковы, что она не может охватывать Бога, не охватывая при этом также наших братьев, а при взгляде на братьев всегда видит в них божественное измерение. Мы далеки от ограниченных человеческих масштабов и даже “не лезем из кожи вон”. Определенно, если мы останемся на тех же волнах, что и те, кто не знает Бога, как же они тогда откроют для себя то, чего они, по определению, не знают: ведь длина волны Бога превосходит всё сотворённое?..

Здесь — сердцевина проблемы: как отреагировал бы Иисус Христос, если бы его грубо отчитал глупый бригадир? Как бы он действовал в такой явно неприятной ситуации: идёт дождь, отдаётся приказ разгрузить машину, бедные подсобные рабочие идут туда, потому что они привыкли подчиняться: надо ли идти с ними? Отказаться? Идти из солидарности с рабочими, чтобы работа заняла меньше времени, и они меньше мокли под дождём? А потом объяснить мастеру, почему так не годится? Как бы поступил Иисус, если бы к Нему пришёл неверующий и попросил крестить его ребёнка? (Речь идёт не о доктрине, а о том, как поступить в конкретной ситуации). Это также наше отношение к комфорту, к деньгам - что для нас важнее: земное или небесное, видимое или невидимое? Во всём этом, в наших жестах и в наших словах должен сиять Божий свет, в каждое мгновение озаряющий через нас “всякого сущего в мире”.

А какое место занимает Крест? ...

К этому нельзя прийти сразу. Нужны старания, развитие, упорство. Это также не укладывается в правила. Это Слово Евангелия, которое становится плотью в нашей собственной плоти. Мы достигнем этого, только если будем постоянно к этому стремиться.

Пересмотр жизни, общение не имеют по сути другой цели, кроме как помочь нам сообразовать себя со Христом, “не чтобы быть светом, но чтобы свидетельствовать о свете” (ср. Ин 1:8): подражатели Христу, а не людям.

Бедность, послушание, обет целомудрия находят в этом своё оправдание и апостольское применение: как и все остальные добродетели, эти требования существуют для того, чтобы мы могли деятельно подражать Иисусу Христу во все дни нашей жизни, включая и великий день нашей смерти.

Посвящение себя апостольству “в духе и истине” чревато опасностями. Нам тысячу раз бросали в лицо лозунговое: “Христиане ничем не лучше других ... Я сам потерял веру из-за того, что увидел, как живёт священник...”. Мы возражали: “Бог не зависит от Своих служителей: ведь солнце не гаснет от того, что оно освещает грязь на земле”. Но, по сути, эти лозунги есть не что иное, как вывернутый наизнанку призыв святого Павла: “Уподобляйтесь Господу”.

Таково второе непрестанное орудие нашего апостольства, неотъемлемая его часть.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Большое практическое значение имеет следующий вопрос: в какой степени, в чём, как миссионерская команда должна быть похожа на людей, которые её окружают? Насколько она должна от них отличаться?

Без сомнения, можно провести психоанализ “комплекса близнецов” (!): желание полностью походить на неверующих парализует нас. Мы хотим быть схожими с ними во всём, и тогда становится непонятным, чем же мы всё-таки можем привлечь их к себе. Из-за этого комплекса сходства христиане, мужчины и женщины, в прямом смысле теряют свою способность к плодотворной апостольской работе.

Исходной (и справедливой) идеей является то, что некоторые обычаи Церкви сходны с теми, которые существуют в гетто: одежда, жильё, режим, средства, язык — всё это явно говорит об отделении. Священник в подряснике или другой подобающей сану одежде, даже темно-серого цвета, имеет большие шансы, что место рядом с ним останется свободным, когда он едет в поезде или в автобусе.

Чтобы перестать быть “гетто” и стать солью, христианин должен смешиваться с людьми; создание секулярных институтов показывает это достаточно ясно: профессия, местонахождение, положение, занятия — всё это не должно отличать его от любого другого гражданина.

Но комплекс появляется, если сходство превращается в самоцель. Пойти на танцы, в кино, вступить в профсоюз ради удовольствия потанцевать, посмотреть фильм или ради расширения прав рабочих —

это замечательно, но пойти туда, “чтобы быть, как все” — бессмыслица: быть похожим на человека из безликой массы, значит потерять своё собственное лицо и стать в результате ничем. Да, христианин должен избегать любых искусственных различий, но он уже несёт в себе “семя раздора”, которое сводит на нет все его усилия быть похожим на других: даже в мире, он не от мира. Об этом вопиет каждая строчка Евангелия.

Господь не стремился отличаться от людей: наоборот, Он старался связать с человечеством Свою человечность всем, что истинная человечность в себе несет. Мария, Иосиф, Вифлеем и перепись, детство, паломничество, отрочество, плотник и сын плотника, короче — вся жизнь, включая голод и жажду.

Но постоянно, со времени бегства в Египет и до Креста, Он не перестает быть создающим проблемы, ставящим в тупик, слывающим Вельзевулом, разделяющим людей на троих против двоих и двоих против троих; Его хотят забросать камнями и, в конце концов, решают, что “будет лучше, если Он умрет”. Апостол Павел не ошибается, объявляя, что “мы сделали позорищем для мира ..., мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый” (1 Кор 4:9, 13). В основе действия никогда не лежало стремление понравиться людям: это заявляет апостол Павел, но об этом же говорит и Лафонтен в басне “Мельник, его сын и осёл”.

Воистину, чем больше мы находимся вместе с людьми, погрузившись в мир, тем ярче должно проявляться наше главное, принципиальное, непримиримое отличие от Князя мира.

Вот слова, открывающие тайную историю мира:

“И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты ... И вражду положу между тобою и

между женою, и между семенем твоим и между семенем её; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту” (Быт 3:14-15).

Другие слова закрывают нашу историю, в день, когда “древний змий, называемый диаволом и сатаною”, он и его ангелы, будут “ввержены в озеро огненное и серное и будут мучиться во веки веков” (Откр 12:9; 20:10).

Между двумя этими отрывками располагается битва, и мы в ней, и непрерывные действия наугад, которые она предполагает: “Не клади своё знамя в карман” — всякий более или менее консервативный христианин сделает эти слова своим лозунгом. Но просто какой-то кусок материи, даже рясы, или просто поддержка негосударственной школы ещё не знамя — как и само Распятие, помещенное перед теми, кто его и видеть не хочет. Знаменитый “страх быть отрезанными” прогрессистов ничем не лучше, потому что единственная настоящая беда — быть отрезанными от Бога! А думают совсем не о Нем, произнося эти слова или так стараясь не нажать себе врагов слева, как будто это поистине непоправимая беда.

Сходство и несходство между христианами и человечеством должно находиться на уровне гораздо более высоком, если они не хотят изменить и сродству, и несродству: “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную” (Ин 3:16). Именно на этом пути наставляемый своим Учителем апостол должен искать главные черты сродства.

Первое сходство находится на уровне великих мгновений каждой жизни: “Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не

воспламенялся?” (2 Кор 11:29). Для Иудеев — как Иудей, для подзаконных — как подзаконный, для чуждых закона — как чуждый закона, “для всех... сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (1 Кор 9:20-22). И что сказать о “великой печали и непрестанном мучении”, которые заставляют его желать самому быть отлученным от Христа ради братьев его по плоти (Рим 9: 2-3)? Сердце Апостола “расширено, и никому не тесно в нем”. “Вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить” (2 Кор 6:11 и 7:3).

Сходство начинается на уровне Искупления, с драмы грешного человека перед лицом Бога, а не с более или менее деятельного участия в преходящих движениях. Всё это тоже важно и ни в коей мере не подлежит осуждению, но это явления другого порядка. В каждом отдельном случае они могут облегчить или усложнить доступ к Царству, но принимать их самих за Царство — какое мерзкое заблуждение!

Апостол, по своему призванию, находится на главном уровне — уровне Спасения. Здесь сходство, каким его видит святой Павел, уже несёт в себе различие: “У людей ли я ныне ищу благоволения или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым” (Гал 1:10).

Почему, в сущности? Павел объясняет: “Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть нечто человеческое” (Гал 1:11).

Надо, чтобы апостол без обиняков сказал: “Всеми силами души желаю, чтобы были гениальные христиане-кинематографисты, христиане-синдикалисты (не обязательно из христианских профсоюзов, хотя я их очень люблю), христиане, с головой ушедшие в мир, те, кто работает для “consecratio mundi”, “освящения мира”. И

я знаю, — потому что читал об этом у святого Фомы, — о величии “христианских князей” (сегодня это активисты), и о том, как при помощи хороших законов они помогают множеству людей попасть на небо. Я знаю, что ни один поступок на земле не совершается просто так, а каждый из них либо ведёт к Богу, либо отдаляет от Него. И мне нравится думать, согласно с тем, чему меня научили физики, что вся земля смещается в обратном направлении, когда подпрыгивает блоха или маленькая девочка играет в мяч. Причем в мире уже не физическом, но человеческом и духовном это еще более верно и даже лучше поддается измерению. Я полностью согласен со всем этим и с непреходящей радостью возвожу это к моему Создателю. «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.»

Да, но если речь идёт о непосредственном призвании апостола, которое он получает от Бога, то мы должны сказать, что в Церкви и в мире его роль в выведении людей из духовного оцепенения состоит в том, чтобы писать аршинными буквами: Иисус и Иисус на кресте и ничего другого рядом, чтобы это, и только это, привлекало внимание.

Апостол Павел действует только так (см. Гал 3:1). Мы ничего не осуждаем, напротив! Потому что, свидетели одного Иисуса Христа, мы выполняем эту ограниченную и строго определенную роль, которая является центром, душой той же веры, и мы ждем, надеемся, хотим, чтобы существовали все другие формы христианской жизни. Но мы утверждаем, что апостольское призвание по образу святого Павла состоит именно в этом. И наша слабость в том, что мы любим это призвание больше других, потому что именно его избрал для нас Бог.

Мы подвергаемся искушению, сталкиваясь с трудностями евангелизации, которая никогда не подтверждает наши мысли о том, что благая весть Господа могла бы лучше дойти до людей, если бы обстоятельства были другими. Непроизвольно мы переворачиваем фразу: “Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и всё остальное приложится вам” (Мф 6:33): мы думаем, что всё остальное приведёт в Царство. Но для нас оно, это остальное, этот избыток, столь ценный в глазах других людей, становится препятствием: он закрывает главное.

Здесь тоже нужно поточнее объяснить, что мы имеем в виду. Немалую часть «всего остального» люди часто принимают в свою жизнь не столько потому, что ценят это «остальное» само по себе, сколько в качестве компенсации за попытки прикрасить образ жизни, не совсем соответствующий апостольскому. Более или менее богатый (по сравнению со своим окружением — всё относительно) приходской священник будет испытывать психологическую потребность заниматься социальной работой, чтобы оправдать своё личное благополучие; буржуазный интеллигент, увидев справедливость требований пролетариата, будет выдвигать предложения в защиту рабочих. Но тот, кто окажется в действительно благоприятном положении, кто будет внутренне ощущать себя на своем месте, станет думать только о том, как возвещать Бога, а не о том, как оправдать то, чем он является на самом деле. Вот почему так важен образ жизни, который не ставит апостола в ложное положение, создавая тем самым разного рода комплексы: “Ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми” (2 Кор 8: 21).

Надо, чтобы апостол — в меру своей слабости — не ставя ничего между собой и Евангелием, стараясь жить как можно ближе к нему, мог, не стыдясь, с уверенностью сказать, что он служит только Евангелию. Пусть его будут считать чокнутым, оставшим от жизни, главное, чтобы это было ради Евангелия, а не из-за устаревших привычек.

Больно видеть, на какие ухищрения идут мужчины и женщины, которые искренно хотят быть миссионерами, чтобы оправдать своё целомудрие или свою принадлежность исключительно Богу: “Люди не понимают”, говорят они. Но речь идёт как раз о том, чтобы свидетельствовать своим целомудрием, и непонимание подействует гораздо сильнее, чем все наши объяснения: “Кто имеет уши слышать, да слышит” — не будем забывать эти слова Господа.

Такой человек, посвятивший себя Богу, протестует во имя борьбы за права рабочих против сверхурочных или против работы в субботу после обеда или в воскресенье утром. Очень хорошо, но почему он не скажет своим товарищам, что в субботу после обеда ему нужно молиться Богу и читать Его Слово? Потому что он знает, что он сын Божий, и хочет полностью исполнить свое человеческое предназначение. И если товарищи скажут ему: “Значит, тебе не нужны деньги”, какой это будет прекрасной возможностью объяснить, что он сделал добровольный выбор в пользу личной бедности.

Мы находимся в самой сердцевине проблемы. Понятно, что если миссионер, о котором идёт речь, нерадив, если он посредственный рабочий (может быть, из-за того, что работа, которую он выполняет, слишком трудна для него) и скандалист, если, к тому же, он не обладает сердечностью и доброжелательностью,

которые даруются милосердной любовью, то принесенные им свидетельства сыграют против него. Но если он живет по Евангелию в самых простых поминутных действиях, если в нем видна любовь ко всему доброму, истинному и благородному, тогда он может свидетельствовать, и то, что отличает его от других, превратится, даже оставшись непонятым, в таинство, через которое однажды явится Бог.

Мы — поколение закомплексованных! Это не обязательно плохо, всё же лучше быть слишком чувствительными, чем такими, как некоторые из наших предшественников (по крайней мере, мы так думаем), всемогущие настоятели приходов, подобные дорожному катку. Но действительные или мнимые недостатки наших отцов не должны заставлять нас кидаться в другую крайность. Посылать в ад всех не католиков теологически неправильно (тем хуже для плохих проповедников былых времен), но посылать в ад сегодняшних католиков и отводить рай для неверующих тоже, по меньшей мере, странно.

Будем же начеку, чтобы не “возлагать никакого бремени более, кроме сего необходимого” (Деян 15:28), но что касается неукоснительных требований Евангелия — давайте ставить их дерзновенно, гордо, в полном свете — они наш венец и наша слава.

Поведение, «свободное от комплексов», будет бесценным для нас и с другой точки зрения, которая только на первый взгляд кажется совершенно особой. Речь идёт о тех, кто находится в среде, где религиозный образ мыслей является совершенно чуждым, относящимся к разряду маний или личных увлечений, как фотография или джаз. Я думаю о нефтедобытчиках, условия жизни которых до того искусственны, что

единственной разменной монетой в человеческом общении, разговорах становятся женщины (отсутствующие), автомашины и работа. В этих условиях, конечно, не возбраняется завести свою песенку о Боге и о Христе, но эта тема будет настолько необычной, что оставит следов не больше, чем пролитый в песок стакан воды.

Хорошо известно, что в таких случаях, причем в течение многих лет, остается только одно: жить жизнью ученика Христова, уважая непосредственных начальников и мусульман-товарищей по работе, и тех, и других, и претворять это в конкретные действия, отстаивая, когда необходимо, также свое право на воскресную молитву, — неотъемлемое, потому что так заповедал Бог.

Но возникает вопрос: возможно ли долго вести такой образ жизни или среда неизбежно поглотит и втянет в приземленное существование? Мне кажется, что именно здесь должны в полной мере проявиться и трансцендентность, и имманентность по отношению к среде, в которой мы находимся. Необходимы как твердые и зримые поступки, показывающие, что мы не от мира, так и поступки, показывающие, что мы — в нём. Если наша имманентность всецело проникнута трансцендентностью, это приводит нас к такому образу жизни, при котором вовлеченность и отрешенность становятся для всех зримым свидетельством нашей жизни: “из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу” (Евр 5:1).

Речь идет не о тщательном расчете степени вовлеченности и отделенности, а о соединении этих двух составляющих. И первое условие для того, чтобы добиться такого соединения, — наша убежденность, что

к этому-то мы и должны прикладывать свои силы. И, — чтобы ничего не упустить, — распятие будет служить тем “смесителем”, который позволит перейти от пребывания рядом к этой новой форме бытия.

В конечном счете, в окружении, враждебном ко всему сверхприродному, миссионер может ассимилироваться только двумя способами: или через стойкое неприятие, которое изолирует его от этого окружения, даже если он в нем живет, и которое передастся тем, кого он поведет за собой и соберет в подобие маленького гетто; или через создание самобытного и соответственно заявляющего о себе образа жизни. В этом втором случае мы живо откликаемся на всё лучшее в окружающих, помогаем им обнаружить это лучшее, но одновременно сохраняем трезвое отношение к их естественным несовершенствам и сознательно, зримо отдаем свою жизнь за то, чтобы исцелить их самое большое несовершенство — незнание Бога.

Жизнь в команде должна быть выражением этого нового образа жизни. А тем членам команды, которые в силу условий той среды, где они должны благовествовать, отделены от остальных, нужно найти поступки и действия, выражающие и обозначающие их присутствие и смысл существования. Только это не должны быть кашеобразные невнятные объяснения, останавливающиеся на полпути, от которых никому ни холодно, ни жарко. Полная вовлеченность должна сделать таких апостолов еще более внимательными к внутренним движениям, которые связывают их с пославшим их Богом, и к поступкам пророческого характера, которые в глазах людей свидетельствуют о едином на потребу.

Есть чтимый христианский текст: найденный в XV веке в Константинополе в рыбной лавке среди вороха оберточной бумаги, он на самом деле датируется 190-200 гг. нашей эры. Существует он в форме “Послания к Диогнету”, и является первым свидетельством позиции, занимаемой христианами в мире. Он заслуживает внимания благодаря своей исключительной актуальности: цитата длинная, но надо, чтобы каждый мог иметь ее перед глазами:

“Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого либо необыкновенного наречья, и ведут жизнь ни чѣм не отличную от других. Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей, ищущих новизны, они не привержены к какому-либо учению человеческого, как другие. Но, обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и, следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни.

Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и всё терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна. Они вступают в брак как и все, рожают детей, только не бросают их. Они имеют трапезу общую, но не простое.

Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные. Повинуются постановленным законам, но свою жизнь превосходят самые законы.

Они любят всех и всеми бывают преследуемы. Их не знают, но осуждают, умерщвляют их, но они животворятся; они бедны, но многих обогащают. Всего

лишены, и во всем изобилуют. Бесчестят их, но они тем прославляются; клеветуют на них, и они оказываются праведны; злословят, и они благословляют; их оскорбляют, а они воздают почетом; они делают добро, но их наказывают, как злодеев; будучи наказываемы, радуются, как будто им давали жизнь. Иудеи вооружаются против них как против иноплеменников, и эллины преследуют их, но враги их не могут сказать, за что их ненавидят.

Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане. Душа распространена по всем членам тела, и христиане по всем городам мира. Душа, хотя обитает в теле, но не телесна, и христиане живут в мире, но не суть от мира. Душа, будучи невидима, помещается в видимом теле; так и христиане, находясь в мире, видимы, но богопочитание их остается невидимо. Плоть ненавидит душу и воюет против нее, ничем не будучи обижена, потому, что душа запрещает ей предаваться удовольствиями так и мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, — за то, что они вооружаются против его удовольствий. Душа любит плоть свою и члены, несмотря на то, что они ненавидят ее, и христиане любят тех, которые их ненавидят. Душа заключена в теле, но сама содержит тело; так и христиане, заключенные в мире, как бы в темнице, сами сохраняют мир. Бессмертная душа обитает в смертном жилище; так и христиане обитают, как пришельцы, в тленном мире, ожидая нетления на небесах. Душа, претерпевающая голод и жажду, становится лучшею, и христиане, будучи наказываемы, каждый день более умножаются. Так славно их

положение, в которое Бог определил их и от которого им отказаться нельзя”¹

¹ *Послание к Диогнету (Цит. по: Антология Ранние Отцы Церкви, Брюссель 1988, С. 593)*

ПОКЛОНЕНИЕ ИСТИНЕ

Среди требований, предъявляемых к нам как к подражателям Христа и Его первых апостолов, которые и сами были подражателями Господа, одно из первых — осуществить в своей жизни Иисусову заповедь “в духе и истине”: “Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине” (Ин 4:23).

Поклоняться Богу “в духе” означает привести в действие все ресурсы человеческого духа, связанного с Духом: это образ жизни сверхчеловеческий, и, тем не менее, он предложен всем. Созерцание — не какая-то техника, доступная лишь немногим специалистам, а обычный плод духа, который взирает на Бога и, охваченный благоговением, безмолвно поклоняется. Дух человека, сотворенный для истины, радуется, взирая на Бога, и не жалеет на это времени.

Поклоняться Богу “в истине” означает позволять Богу входить в жизнь через наши поступки: чтобы наш образ в глазах людей, — глядящих на нас извне, — совпадал с нашим образом в глазах Бога («прозревающего сердца»): “Как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так и мы говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши” (1 Фес 2:4).

Бог есть сама истина, и потому наше подражание Богу — это в первую очередь поклонение истине: “Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и вашим совестям” (2 Кор 5:11). Быть истинным¹, настоящим в

¹ По-французски «être vrai» означает «быть одновременно искренним и мудрым», «быть в истине»

своей собственной жизни, в своем служении, в своем поведении, как и в жизни, в служении, в поведении той группы, к которой мы в известных случаях принадлежим, быть настоящим перед Богом, Который “видит тайное”, быть настоящим перед своими братьями — для этого трудно заранее придумать твердые правила, но об этом нужно размышлять каждому. Это предполагает, что мы с самого начала принимаем себя такими, какие мы есть, такими, какими нас сделали обстоятельства: наследственность, детство, окружение, полученное образование и т.д. Это также означает, что мы помогаем самим себе лучше познать себя и развить в себе, через постоянное и постепенное улучшение, то лучшее, что есть в нас.

Быть в истине означает согласиться, когда это необходимо, с тем, что мы не нравимся людям, зато угодны “Богу, испытующему сердца наши”, и избегать всего, что потворствует превратным наклонностям нашего окружения: “Но да будет слово ваше: “да, да”, “нет, нет” (Мф 5:37).

Отказ от лжи дело нелегкое: сеть общественных и административных помех и ограничений стала такой плотной, что вы начинаете задыхаться в ней и испытывать непреодолимое желание выпутаться из нее, чтобы обрести жизненно важный минимум свободы. Как получить один или несколько выходных дней помимо положенного отпуска ? Сказать правду, объяснять причину, какой бы законной она ни была, значит облечь себя на «А пошел ты ... » (другого слова не подберешь) от всех начальников, которых, кстати, эта сеть опутала еще крепче, чем нас. Но так просто, сославшись на недомогание, взять на недельку больничный! И всё отлично укладывается в рамки регламентаций и законов.

А на работе с повременной оплатой, как исправить ошибки хронометриста? Попросить о проверке? Однако известно, чем это кончится: впасть в немилость означает, что вскоре вы потеряете работу. Но схитрить, якобы отработав, что трудно потом проверить, — какой рабочий и даже мастер не предпочтет такое решение? Или вот, например, приятель, который вывихнул ногу, работая в воскресенье в саду, просит вас быть свидетелем, что это произошло на работе в понедельник утром... В первом случае он получит только ничтожную компенсацию, а во втором ему достанется кругленькая сумма.

Что значит поднять истину на уровень абсолюта, могут постичь практически только те, для кого истина и Бог совпадают. Сказать: “Маленькая ложь, которая не вредит никому”, значит забыть, что она вредит Богу и через Него величию человека, созданному для истины. И как низко мы падаем, говоря о “лжи во спасение”! В этом вопросе позиция апостола должна быть смиренной, но твердой, он должен отвергать любые компромиссы, пусть даже его просят о взаимовыручке, об услуге — он не должен отступать и сомневаться. К каким бы трудным или даже на первый взгляд безвыходным положениям не приводила нас эта воля к истине, мы должны превратить ее в наше оружие света: часто она является самым зримым свидетельством нашей веры в этом мире.

Нет смысла приводить еще примеры, надо скорее обратиться к Слову Божьему, чтобы оно открыло нам величие такой позиции бескомпромиссного поиска истины: ”Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы

свидетельствовать об истине”, говорит Иисус Пилату (Ин 18:37).

Поклонение Богу “в духе и истине” (Ин 4:23-24) должно проявляться во всем нашем поведении: “И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною” (Ин 17:19). Святой Иоанн — апостол этого откровения Бога: Бог истинный (1 Ин 5:20). Иисус приходит полный благодати и истины (Ин 1:14, 17) и посланный Иисусом есть “Дух истины”. Вокруг этой истины создается противостояние духу мира сего, потому что его Князь “лжец и отец лжи” (Ин 8:44).

Свет и тьма: есть только два пути, а пройти посередине невозможно: выбрать одно значит отвергнуть другое. В 150 псалмах говорится только о таких людях: слуги Князя тьмы, с одной стороны, а с другой те, кто ищет дивный Свет, гнушается лжи и любит Тору, Бога в полноте Его слова. Новый Завет подтверждает, что есть два таких “царства” и у каждого из них свои подданные — “сыны света” и “сыны тьмы”: это драма, которую описывает Евангелие Иоанна Богослова, противостояние Истинного Света мира и Тьмы, которая не может объять его. Это же говорит святой апостол Павел: “Ибо вы все сыны света и сыны дня: мы — не сыны ночи, ни тьмы” (1 Фес 5:5).

“Истина сделает вас свободными” (Ин 8:32) — эти слова в полной мере относятся к Тому, кто назвал Себя “Путь, Истина, Жизнь”. Это Христос делает нас свободными, но везде, где есть истина и человек, который стремится жить по истине, также есть место для пришествия Благодати и там тоже присутствует Христос. Бог истины, Бог верности — это два равнозначных выражения для иудея, который

противопоставляет их “идолам пустоты”: для христианина истина и верность одно и то же.

В своей замечательной книге Плачь, моя любимая страна, Алан Патон выразил с незабываемой силой это освобождение через истину: адвокат Жарви, белый человек, посвятивший всю свою жизнь служению в Южной Африке, погибает от руки убийцы и в его столе находят такое завещание:

“Я больше не буду задавать себе вопрос, удобно ли то или это, а только справедливо ли. Я буду действовать так не потому, что я благороден и бескорыстен, но потому, что жизнь превосходит нас и потому, что мне нужны, на оставшееся время моего странствия, звезда, которая не предаст меня, компас, который не обманет. Я буду действовать так не потому, что я негрофил и враг своей расы, но потому что не нахожу в себе возможности действовать по-другому. Если стану противопоставлять одно другому, пропаду; если стану спрашивать себя, одобряют ли меня люди, белые или черные, англичане или африканцы, эллины или иудеи, пропаду. Поэтому я буду пытаться делать то, что справедливо, и говорить то, что истинно.

Я действую так не потому, что смел и откровенен, но потому, что это единственный способ покончить с конфликтом в глубине моей души. Я действую так, потому что одна часть меня больше не может по-прежнему стремиться к высочайшему идеалу, в то время как другая часть этот идеал предает. Я не хочу больше такой жизни, я предпочел бы умереть. Теперь я понимаю тех, кто умер за свои убеждения, и их смерть не кажется мне ни удивительной, ни благородной и отважной. Они просто предпочли смерть определенному образу жизни, вот и всё”.

Жарви, в разгар расовой войны, понял слова Господа: “Истина сделает вас свободными”: свободными от чего? Свободными от наших комплексов, от “того, что скажут другие” слева и справа, — свободными по отношению к конечному результату, успешному или провальному, — свободными от всего того, что искажает наше сознание.

Святая Тереза Младенца Иисуса писала: ”Я никогда не поступала подобно Пилату, который отказывался слушать истину. Я всегда говорила благому Богу: О, Бог мой, я так хочу слышать Вас, молю Вас, ответьте мне, когда я смиренно вопрошаю: Что такое истина? Сделайте так, чтобы я видела всё на свете как есть, чтобы ничто не ослепляло меня”¹.

Служение истине в поступках, связанных с нашей частной жизнью, и в нашем коллективном поведении делает нас пронцаемыми для Бога и Его Слова и наделяет нас правом “свидетельствовать об Истине”.

Наше слово — тайна не только для принимающего, но и для произносящего его. Там же в Послании к Фессалоникийцам апостол Павел, сказав, что Бог “испытывает сердца”, прибавляет: ”Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, принявши от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, - каково оно есть по истине, - которое и действует в вас верующих” (1 Фес 2:13).

Мы не передаём истину подобно тому, как проповедают доктрину: истина от Бога, мы в буквальном смысле только глашатаи послания, которое услышали первыми. Но так как Слово Божье живое, оно умирает,

¹ *Lettres, (Письма) С. 135*

если глашатай перестает сам жить истиной и поступать по ней. Мы не говорящие машины, значимость и действенность нашего слова напрямую зависят от качества жизни, от которой оно берет начало. Ожесточит ли и сделает ли нас неприступными этот поиск правды, и не превратимся ли мы в людей, которые больше ничего не слышат, потому что “обладают” истиной? Мы хорошо знаем: она слишком велика, слишком высока, и, в конце концов, при видимой сложности всего с ней связанного, слишком проста, чтобы познать ее, и тем более, чтобы в один присест завладеть ею нашим ограниченным человеческим умом.

Но одно дело говорить, что истины не существует, и что истинное сегодня будет ложным завтра, другое дело добиваться этой истины, которая никогда не будет застывшей и законченной: мы приближаемся к ней, завоевать ее трудно ... мы движемся наугад, но ничто не может заменить ее в наших действиях.

“Стремящийся быть с Христом и для Христа, свидетельствовать перед миром о той истине, которая освобождает и искупляет, должен воспитываться в поклонении истине, как в слове, так и в деле, а, следовательно, в искренности, преданности, верности и последовательности”.²

Кто осмелится сказать, что достиг этого?

² Павел VI, Слово Всевышнего Бога (*Summi Dei Verbum*), 4 ноября 1963 года

ЗАБОТА О ЛИЧНОСТИ И УВАЖЕНИЕ К НЕЙ

Хотим мы этого или нет, забота о человеческой личности это дело христианства. В ответ на такое утверждение марксист воскликнет: “Самым ценным капиталом являются люди”. Это замечательное название сталинской брошюры немедленно придет ему на ум, и оно как будто сводит на нет наше утверждение. Насколько неправы эти марксисты, чья самоотверженность по отношению к другим часто столь глубока, когда они возмущаются нашими попытками монополизировать защиту и достоинство личности?

Но какими бы ни были, с одной стороны, упущения (действительные и мнимые) христиан, и, с другой стороны, справедливой и славной борьба марксизма, необходимо понимать, что только христианство дает человеческой личности возможность полного развития, так как получить свое завершение в вечности — не пустяк для каждого человека! Упадет ли капля воды на пригорок и бесследно испарится среди камней или попадет в море и приумножится в океане — это не пустой вопрос, если у капли воды есть свобода выбора.

И если для нас земная жизнь — то место, где ткётся вечность, до какой же степени это должно определять всё существование человека, от зачатия до могилы! Здесь не место настаивать на этом утверждении и составлять антологию замечательнейших текстов, принадлежащих папам от Пия XII до Павла VI, в том числе Иоанну XXIII. Но неплохо знать хотя бы один из них наизусть, например

текст Пия XII: “Вы хотите, чтобы звезда мира взошла и засияла над обществом? Изю всех сил трудитесь над тем, чтобы вернуть человеческой личности достоинство, данное ей Богом в начале. Смысл существования Общества, его главная цель — это сохранять, развивать, совершенствовать человеческую личность...”¹.

Какие тексты могут соперничать с этими?

Но применить эту доктрину в ежедневных контактах и в обычной жизни бесконечно тяжелее; порой это даже заводит в тупик. Не слишком преувеличивая, можно сказать, что эта истина становится тем менее привлекательной, чем ближе мы оказываемся к реальным людям, с которыми нам приходится общаться, и чем меньше у нас возможности их выбирать.

“Мою душу угнетают человеческие страдания”, писал Радищев, от которого в XVIII веке пошла русская интеллигенция; эти слова выдают в нем человека с большим сердцем. Но один из его учеников, Петрашевский, передал нам с незамутненным простодушием другую мысль учителя: “Не найдя для себя ничего, что было бы достойно привязанности, ни среди мужчин, ни среди женщин, я посвящаю себя служению человечеству...”². Хороший пример любви к “дальному”, а не к “ближнему”!

Но кому из нас эта вселенская ни к чему не обязывающая доброта ко всем людям не служила оправданием, чтобы оттолкнуть конкретного человека, который досаждаёт нам? Когда рядом цыгане играют до утра на мандолине; когда сосед-пьяница приходит за утешением, а идти обратно к себе уже не хочет, когда

¹ Рождество 1942 года

² Цитата Бердяева в Источники и смысл русского коммунизма

эмигранты засоряют окурками умывальник в общей с нами каюте, либо мусульманский гость тайком пользуется нашей бритвой или зубной щеткой, расизм уже не кажется таким чудовищным, и любовь к людям перестает быть такой привлекательной.

В истинной и постоянной любви к другим действительно должно быть нечто трудное — ведь Иисус делает из нее специальный закон для Своих учеников: “И если любите любящих вас, какая вам за это благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают...” (Лк 6:32-33).

Соответственно, первое свидетельство Миссии — осуществление и практическое воплощение всего, что замыслил о человеке Бог как о твари, созданной по образу Творца, обретающей жизнь дуновением Самого Бога, “уникуме”, вырывающемся за пределы безликих категорий, в которые его хотят заключить.

Бог — не кладовщик, который аккуратно раскладывает по полкам сходные предметы и следит за их сохранностью: для Бога нет черных, белых, азиатов, европейцев, хороших и плохих, верующих и неверующих, нехристиан и христиан. За всех умер Его Сын, и мы — мы должны дать почувствовать «всем» и каждому это новое измерение: : а именно, то что Бог превосходит наши измерения и наши классификации, что Он Отец бесконечный, и что каждый, по Его образу, призван стать Его чадом.

Но эта истина настолько высока, что ее трудно принять сразу. Бесплезно просто так, ни с того ни с сего, сообщать о ней первому встречному: нужна подготовка, которая, в сущности, заключается в том,

как именно мы сами смотрим на окормляемого. Надо, чтобы он чувствовал, до какой степени мы воспринимаем его как существо, «смастеренное по единственному и неповторимому от века образцу»¹. Это те «своеобразие и незаменимость самого обездоленного человеческого существа», которые помогает Мориаку понять, «что каждый может стать действующим лицом драмы Спасения, ставка в которой — вечность». Но нужно, чтобы в наших глазах (ни тени притворства и шаблонности!) говорящий с нами мог прочесть то, что было открыто Мориаком, чтобы он видел в устремленном на него взгляде восхищение, которое мы испытываем перед ним. Но взгляд должен превратиться в поступки, и чувство «единственности» другого выразиться в братской поддержке: Сент-Экзюпери видит Моцарта-ребенка, возникающего из массы жалкой человеческой плоти, втиснутой в эмигрантское купе. Чтобы вырастить розы, существуют садовники, «где же садовник для Моцарта-ребенка?».

Личность, даже самая выдающаяся, всегда незавершена. Сделать кого-то еще в большей степени личностью значит помочь ему развиваться в трех направлениях: все чаще самому принимать ответственные решения; иметь с окружающими подлинные отношения, то есть быть одновременно смиренным и не отступать от своих позиций; открывать себя существующим и непостижимым для разума реальностям.

Я думаю об одном из беднейших кварталов бразильского Сан Пауло, о Вилле Мария, где есть социальный центр. Как не раздать на Рождество пакеты с одеждой и едой, когда ребята там раздеты

¹ Мориак, *Во что я верю* (Mauriac, *Ce que je crois*, стр. 34-35)

и недоедают, а безработица нескончаема? Но как сделать так, чтобы матери в тамошних семьях не унизились до состояния постоянных попрошайек, которым к тому же всегда будет мало? Женская интуиция подскажет: на Рождество центр превращается в магазин самообслуживания, каждая мама получает талон на покупку. Каждая может выбрать, что хочет: новую одежду или поношенные туфли, лакомства или хозтовары. На этот раз самая бедная может выбрать.

Это справедливо также применительно к более высоким материям: один христианский активист сумел выразить это с силой, которую может дать только лично пережитое:

«Замена отношений братства, уважения и любви отношениями силы, использования — чтобы не сказать эксплуатации — людей.

Наша цель как христиан, политически ангажированных, — чтобы все люди брали на себя ответственность, чтобы каждый делал сознательный выбор: это вернет им свободу и достоинство. Быть лишь объектом, зависящим от воли событий и условий жизни — такая идея неприемлема для христианского сознания.

Поиск выхода для всех наших братьев: наша концепция человека не может смириться с тем, чтобы видеть их пассивными, обреченными вести ту жизнь, которую им навязали и которую им невозможно принять»².

«Возвысить кого-то, — писала Симона Вейль, — ребенка или взрослого — это, прежде всего, возвысить его в собственных глазах».

² Roger Lacroix, in *Masses Ouvrières*, апрель 1959 года

Но если мы хотим, чтобы окружающие нас люди из плоти и крови нашли полное измерение своей жизни, недостаточно просто смотреть на них с неподдельным уважением: надо, чтобы они поднялись до своего социального измерения. Оно неотделимо для меня от пережитой притчи. Разгружая ящики с фруктами на набережных Марселя, я восхищался мастерством упаковки: слой нарезанной бумаги, слой фруктов, еще один слой предохранительной бумаги, еще один ряд фруктов ... и я говорил себе: «Эти фрукты путешествуют вместе, их достаточно, чтобы они могли составить друг другу компанию, согреть друг друга теплом, и в то же время они достаточно изолированы, чтобы не нанести друг другу вреда. А люди, люди в наших больших городах, они путешествуют по жизни не как эти фрукты, в ящиках, а вперемешку, без упаковки. Так перевозится уголь или руда в грузовых судах, где десять тысяч тонн свалено, утрамбовано, сдавлено в одном отсеке».

Любить человека значит дать ему возможность найти себя в ближайших к нему сообществах. Для этого там и во всех слоях нынешнего общества нужно восстановить некую константу: ее не заменят отстаивание прав, требования повышения зарплаты, продления отпуска. Но создать в мастерской структуру, где каждый смог бы расти в лоне команды, посадить в микрорайоне деревья и найти свободную площадку, где людей объединяла бы в сообщество игра в шары — вот это составная часть такого расцвета личности. В дальнейшем он может побудить человека более активно участвовать в профсоюзном движении, заняться политической или общественной деятельностью.

Переходить к действиям в этой сфере трудно, так как настоящая забота о людях ставит нас в средоточие

многочисленных тенденций: надо одновременно доверять личным и коллективным возможностям самых малоспособных из тех, кто нас окружает, и не потворствовать им через скрытую демагогию; и в то же время любить бедных и малых особой любовью и держать сердце и душу полностью открытыми для руководителей среднего и высшего звена. Это качество приобретается медленно, но к нему нужно всегда стремиться и не позволять себе замкнуться в ограниченном национализме одной социальной категории. Подобное уважение к человеческой личности обязывает нас принять и другую трудность: живя среди людей и разделяя их судьбу, — иначе любовь будет утопической, — серьезно относиться к экономическим и социальным проблемам более широкого масштаба — иначе любовь будет платонической.

Этот социальный аспект, без которого личность не может реализовать себя, должен присутствовать и в религиозной сфере. Ничто не может сравниться по важности с превращением прихода в подлинную общину. Но подлинная община чад Божиих, сознающих свою сущность и связь, это не автобус, куда каждый входит, платит за проезд, звонит и выходит, не обращая особого внимания на других пассажиров, и где настоятель прихода и викарий что-то вроде шофера и кондуктора. Человеческая личность обретает завершенность в местной Церкви, собрании чад Божиих. Это не подлежит сомнению и требует от нас постоянных усилий: собрать в общину, объединяемую связью божественной благодати и братства, которое из нее проистекает, людей, затронутых нашей жизнью и нашим словом — одна из первых и постоянных забот миссионеров.

Но для такого развития личности, обретающей свою меру внутри общины, существует угроза, которая исходит от самих общин, так как (и это очевидно) профсоюз, политические партии, местный комитет, культурный центр, а также движение «Католическое действие», приход, христианская община не могут преуспевать в условиях беспорядка. Каждое из этих сообществ требует организованности своих членов и дисциплины своих приверженцев. И в городских условиях это уже не масштаб мастерской, подушную книгу здесь заменяет картотека, и люди уже не просто ударяют по рукам, а обзаваются регистрационной карточкой. Так не превращаются ли с этого момента общины, созданные для человека, в дополнительные узы, лишаящие его последних остатков спонтанности?

Трудность эта велика; она еще больше в религиозной сфере, потому что приходящий к нам очень часто имеет весьма искаженные и предвзятые представления о Церкви, а главное, ему совсем непривычно выражать в слове то, что имеет отношение к душе. Например, Франсуа Мориак может превосходно сказать о том, во что он верит, и о том, в чем сомневается, но необразованный человек может испытывать такие же душевные переживания и оказаться при этом не в состоянии их выразить. Представим себе такого Мориака, который неспособен передать словами свое заветное желание и который становится катехуменом, движимый самым глубоким, что есть в нем, смутной потребностью быть прощенным, желанием быть обласканным незнакомым Богом. Да, Бог для него незнакомый, но он будет с Ним один на Один... И вот, такой человек, ищущий всего этого, встретит священника, преисполненного идеями о христианской

общине, литургии, Ватиканском Соборе, социальной сфере... Что даст их диалог? Что предложит духовное лицо ищущему Бога? Собрания, которые часто выходят нескладными и которые съедают остающиеся у него крохи свободного времени, организации, акции, часто прямо-таки смехотворные, литургии, где учатся вставать, садиться, по сигналу становиться на колени, ещё какие-то занятия... Но как мы рискуем пройти мимо замечательной, божественной тайны этого уникального человеческого существа, богатств, о которых наш необразованный Мориак не умеет как следует сказать и которые прячутся у него внутри!

Сможем ли мы достаточно уважать нашего новообращенного, чтобы не загонять его в рамки наших идей вместо того, чтобы возвращать по мерке, которую вложил в него Бог? Слушать, любить, убеждать себя в единственности каждого, посвящать ему свое время — это и есть уважение к человеческой личности.

Здесь мы подошли к важному и очень практическому вопросу: забота о людях требует времени, и в этом главная трудность для немногочисленных и перегруженных апостолов. Но их должно неотступно преследовать слово Иисуса: пройди две тысячи шагов с желающим пройти с тобой тысячу, не отвращайся от хотящего занять у тебя. Апостольство никогда не будет иметь ничего общего с регистрационной карточкой и электронным мозгом. Если мы хотим найти современный аналог апостольства, то нужно искать его, скорее всего (это всего лишь сравнение на основе сходства методов), в работе психолога, который долго выслушивает каждого и помогает ему понять самого себя.

Как научиться такой заботе о личности? Этой заботе неразлучно сопутствует молитва. В той мере, в какой мы ощущаем любовь Бога к нам, в какой мы повторяем тысячи и тысячи раз: «Он возлюбил меня, Он отдал Себя за меня», наполняясь от этого ликованием, — в такой же мере мы сможем молиться о присутствии Бога в тех, кто нас окружает в земном мире; мы остановимся, чтобы созерцать, как они неизъяснимо обогащаются Христом, умершим и воскресшим за них, мы будем их мерить уже не только человеческой меркой, а их божественным содержанием, и наша забота о личности поднимется на должную высоту. Добиться этого нам может помочь один лишь Бог, дарующий милосердную любовь. Не будем же считать, что недостаток времени — непреодолимое препятствие. Это препятствие несет с собой и решение: посвятив время предварительной молитве, мы откроем и приходящим к нам необходимость заботы о личности. Это передастся им через то, как мы их примем; другие апостолы сделают то же самое в своем окружении.

Но разве может один человек держать «оба конца» этих многочисленных цепочек? По всей видимости, нет, но есть еще и его «команда», и вся Церковь. Таким образом, свидетельство миссионера заключается в постоянном стремлении находиться среди людей в качестве человека Божьего, свидетеля Его существования и Его исключительной любви к каждому созданию. Человека Божьего, который живет согласно логике веры в Иисуса, отдавшего Себя за нас, не для того, чтобы судить, а чтобы спасти и собрать нас воедино.

Христианские организации нужны, потому что Церковь — это община и общество, но не будем никогда

допускать, чтобы слово Господне опровергалось людьми, уже «перегруженными» и сгибающихся под тяжестью ноши: «Бремя мое легко». Давайте всегда помнить первую декларацию первого из всех соборов: «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого» (Деян 15:28).

ТЕРПЕНИЕ

Признаки апостола? Великое терпение. (ср. 2 Кор 12:12). «Во всем являем себя, как служители Божии: в великом терпении...» (2 Кор 6:4).

Чертой, которой уделяется такое внимание, нельзя пренебрегать: она — один из лейтмотивов апостольской мысли святого Павла. Но она также результат опыта, потому что двадцать лет миссионерского оживления во Франции позволяют сделать только один вывод: главным испытанием для миссии являются не сами испытания, но то постоянство, терпение, выносливость, с которым она проходит через них и не сдаётся.

Иисус закончил притчу о сеятеле тем же ключевым словом, которое, будучи произнесено последним, откладывается в памяти слушателей: «те, которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк 8:15). Апостол Лука приводит еще одно высказывание Господа: преданные близкими, ненавидимые всеми, даже предаваемые на смерть — «терпением вашим спасайте души ваши» (Лк 21:19). Так, с самого начала, в самой первой из всех притч, ученику дано предупреждение; и это будет сказано ему снова, когда будет идти речь об испытаниях. Неудивительно, что Павел, апостол по преимуществу, неустанно познаёт и описывает эту добродетель.

Павел делает из терпения, столь высокого и столь существенного, добродетель почти теологальную¹: каждый раз, упоминая о нем, он связывает его либо с верой, либо с любовью. Фессалоникийцам он говорит, что «хвалится» их «терпением и верою во всех гонениях и скорбях» (2 Фес 1:4), а Тимофею торжественно советует следовать ему, Павлу, «в учении, в образе жизни, в цели, в вере, в упорном терпении, в любви и стойкости в гонениях и страданиях ...» (2 Тим 3:10). Разве он уже не умолял так же торжественно того же Тимофея, «истинного сына своего в вере», в предыдущем Послании: «Ты же, человек Божий, ... преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости» (1 Тим 6:11)?

Таким образом, это апостольское качество обретает некое родство с теологальными добродетелями. Это связано с самой его природой, так как в глазах апостола Павла оно является силой, участвующей в делах самого Бога: «укрепляясь всякою силою по могуществу славы Его, вы обретете всякое постоянство и долготерпение» (ср. Кол 1:11). В этой фразе всё сказано: слава Божья — это Его дела, и одно из самых могущественных состоит в том, что Он оделяет нас Своей великой силой. Но обретение ее невозможно без нашего участия: эту силу приобретается, но не просто так, а в борьбе. На ум приходят великие слова, сказанные самим Ягве Иисусу Навину, когда Он предлагает ему войти в Землю Обетованную: «Будь тверд и мужественен; ибо ты народу сему передашь во владение землю, которую Я клялся отцам их дать им. Только будь тверд и очень мужествен» (Ис Нав 1:6).

¹ «Теологальными» именуется три добродетели — вера, надежда, любовь (ред.).

Только Бог дарует победу, но нам надлежит быть мужественными в сражении. Мужественными до конца ... Терпение, для апостола Павла, — это еще и одно из положительных свойств старцев: «Чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здоровы в вере, в любви, в терпении» (Тит 2:2). Великие толкователи проникательно отметили: если первые три качества естественны для пожилых людей, то вера, любовь и терпение даются им труднее: разочарования делают веру менее живой, печаль не благоприятствует общению с другими, немощи возраста мешают быть терпеливыми. И да знает Тит, как обучать христианских старцев, чтобы те могли безупречно дойти до конца своего пути.

Искушением для апостола будет (и гораздо раньше, чем он достигнет возраста старцев) прекратить борьбу: его изматывает переизбыток неожиданных испытаний. Он готовился к бою, как «добрый воин Христа», но думал, что это будет встреча лицом к лицу с неверием, и что каждая из сторон сможет объясниться. А его никто не хочет слушать, ему говорят «в другой раз» и тут же «отворачивают слух от истины и обращаются к басням» (2 Тим 4:4). Порой его обескураживает несоответствие между тем, как мало ему уделяют внимания, и величием той вести, которую он несет; порой после того, как его с радостью выслушивают, он видит, как слово жизни превращается на практике в рутину. Ну и, наконец, — увы! — христиане и апостолы «угрызают, съедают и истребляют друг друга» (Гал 5:15).

Сколько времени тратится на ненужные сложности, стычки, законнические ссоры! А ведь есть еще и ложные братья, которые в вере преследуют свои собственные интересы... Оказываясь в новых ситуациях, апостол чувствует себя зажатым в рамках устаревших

правил и не знает, как влить новое вино в новые мехи. И вот еще о чем придется всё же сказать: самое опасное для него искушение исходит не столько от тех, к кому он обращается, их безразличия или их нравов, сколько, порой, от посылающих его, таких осмотрительных и скованных (и в глубине души он думает, что, может быть, они и правы ...).

Тогда у апостола возникает искушение сдаться: зачем все время сражаться? Он может сложить оружие, причем так, чтобы это не бросалось в глаза и не выглядело как предательство. Он может даже продолжать свое апостольское служение, но — затупив его острие и даже защищаясь от него специально созданной нейтральной полосой безопасности, зуконепроницаемой броней обуржуазивания.

В этот час апостольского выбора и непроглядной ночи, миссионер видит себя без всяких прикрас. Окружающие его несовершенства дают ему отчетливее увидеть свое собственное ничтожество, убожество: как, неся бремя «запинающего греха», можно «с терпением проходить предлежащее нам поприще» (Евр 12:1)? Для этого на свете существует единственное средство, одно и то же с тех пор как в пустыне медный змий, вознесенный на деревянный шест, излечивал смотрящих на него: смотреть на Христа, вознесенного на крест. Таков и ответ Павла: «Взирать на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест ...» (Евр 12:2).

Несомненно, только желание апостола быть до конца «у креста Иисуса» и «подле Его Матери», Которая стоит там, только это неистовое желание «восполнить недостаток в плоти своей скорбей Христовых за Тело

Его, которое есть Церковь» (Кол 1:24) может дать неотступную стойкость: «Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими» (Евр 12:3). Таким образом, терпение завершает портрет апостола и его сходство с Христом: «Господь же управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово» (2 Фес 3:5).

Стойкость апостола отныне — стойкость Христа, Который продолжает Себя в нем. На этом уровне это сражение, идущее глубоко внутри у апостола, обретает свое измерение, превосходящее наши человеческие мерки: теперь апостол может идти вперед, бодрствовать, страдать из-за малой малости, пока толпы ждут снаружи, в ночи, единого на потребу, которым он обладает и которое только и может осветить их. Но он живет одновременно в этом общении нетерпения со всеми нетерпеливыми и в полном, абсолютном внутреннем послушании, которого безоговорочно придерживается, имея душевный мир, потому что именно так и никак иначе Христос спас мир: как говорил один мой бразильский друг, «между несколькими сантиметрами яслей и двумя метрами креста». Ученик не больше Учителя. И надо уметь молчать, чтобы позволить Богу действовать.

Было бы нелепо с нашей стороны произносить слова Господа как слова, идущие от Бога, и, тут же забыв их, пасовать перед каждодневными трудностями (внутри нас и вне нас), выстроив их одну за другой в ряд, как если бы они играли решающую роль.

«В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир», сказал Господь (Ин 16:33). Всякий апостол избирается, чтобы быть свидетелем победы Господа, и

победа эта несомненна, потому что она от Бога. Позиция закомплексованного и побежденного человека находилась бы в противоречии с Всемогущим Словом. То, что от него в первую очередь требуется и на чём должно основываться всё остальное, — постоянство его веры в эту окончательную победу. Более того, он не ждет от веры, что она даст ему некогда победу: эта вера уже и есть победа.

НА СТЫКЕ СОЗЕРЦАНИЯ И ДЕЙСТВИЯ: НАСТОЯЩИЙ МИГ

«Из человек избираемый, для человек поставляемый на служение Богу» (Евр 5:1), апостол оказывается между созерцанием Бога и тысячью превратностей, которым он подвергается в своей жизни среди людей. Он верит той же теологальной верой в первичность духовного и в то, что закваска должна смешиваться с тестом. Он знает, что Бог есть Бог и что только Он абсолютен, и отважно выходит, «не оглядываясь назад», в поле, ждущее работника. Он знает, что «довольно для каждого дня своей заботы». Он выучил наизусть замечательную фразу Пия XII, который отвергает всякий дуализм между апостольством и внутренним духом жизни, целиком посвященной Богу: «Ваше апостольство даст проявиться внутреннему духу, который есть его душа; оно также будет непрерывно питать и обновлять этот дух»¹.

Но эта уверенность веры, основанная на Писании, подтвержденная мудростью святых, засвидетельствованная Церковью, требует некой формы, в которую она могла бы воплотиться в повседневной жизни. Эту форму не найти легко и автоматически, хотя по сути она очень проста. Где же тот стыкующий элемент, который гармонично объединит две наши жизненные линии, — человека Божьего, связанного с Богом теснее, чем самый любящий супруг связан с любимой, и человека людей, более внимательного к людям, чем самая заботливая мать?

¹ Пий XII, Прежде всего, радуйтесь (Pie XII, Primo feliciter)

Этот элемент - настоящий миг, то мгновение, когда Бог и мой поступок соединяются и переплетаются, та ускользающая и всегда присутствующая минута, которая дается мне, чтобы в ней моя жизнь обрела весомость и глубину вечности. Паскаль, который дал прекрасный образец жизни для Бога и для людей своего времени, понял это: своим несравненным языком он описывает эту непоседливость человека, вечно озабоченного будущим и прошлым:

«Мы никогда не живем в настоящем, всё только предвкушаем будущее и торопим его, словно оно опаздывает, или призываем прошлое и стараемся его вернуть, словно оно ушло слишком рано. Мы так неразумны, что блуждаем во времени, нам не принадлежащем, пренебрегая тем единственным, которое нам дано, и так суетны, что мечтаем об исчезнувшем, забывая об единственном, которое существует. А дело в том, что настоящее почти всегда тягостно. Когда оно печалит нас, мы стараемся закрыть на него глаза, а когда радуется, — горюем, что оно ускользает...

Покопайтесь в своих мыслях, и вы найдете в них только прошлое и будущее.

О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то в надежде, что оно подскажет нам, как разумнее устроить будущее. Мы никогда не ограничиваем себя сегодняшним днем.

Вот и получается, что мы никогда не живем, а лишь располагаем жить и, уповая на счастье, так никогда его и не обретаем»¹.

¹ Б. Паскаль Мысли. Перевод Э. Линецкой / Ф. де Ларошфуко. Максимумы. Б. Паскаль Мысли. Ж. де Лабрюйер Характеристики. М. Художественная литература С. 148.

Эти слова великого Паскаля, правдивые до жестокости, приводят нас в растерянность: неужели мы никогда не сможем ускользнуть от этой как будто неизбежной двойной притягательности прошлого и будущего? Иисус, божественным образом, приведет нас к этому, употребив еще меньше слов, чем Паскаль, которые, правда, подействуют несравненно сильнее: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Лк 9:60) — о прошлом; «не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» — о будущем (Мф 6:34).

Но Иисус не довольствуется одними словами; Он раскрывает секрет, который позволяет избавиться от этого двойного, околдовавшего нас груза, и этот секрет, более привлекательный, чем наши бремена — присутствие Бога в настоящем мгновении. В словах Иисуса изобилие, они несут покой и мир:

«Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин 4:34).

«Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня ...» (Ин 6:38).

И эта приверженность воле Отца несет в себе присутствие Самого Отца — и так до крестного часа: «Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю; Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно» (Ин 8:28-29).

Так Иисус помогает нам стать внимательными к тому, что дает нашей жизни полноту в каждое мгновение, делая его цельным, неизменно новым, избавленным от однообразной рутин. Время не кажется мне пустым; время обычно приходит ко мне каждый миг

под видом какого-нибудь определенного занятия: восемь или десять часов на заводе с ежеминутными положительными распоряжениями и поступками, час молитвы, участия в жизни общины. И эти поступки, эту молитву, эту общую трапезу я могу переживать или принимать в их собственном виде, видеть в них лишь то, что они являют непосредственно, или могу, помимо внешнего, видеть в них Божью волю, принимающую облик таких действий. Тогда событие будет приходить ко мне буквально как присутствие Бога — и как Его дар¹. Это настоящее мгновение приходит ко мне, неся в себе Бога, Который дарит мне жизнь, но оно приходит также облаченным в действия, предлагаемые мне и требуемые от меня. Уборка постели или богослужение, чистка овощей или причащение, ожидание автобуса или мысленная молитва — в это мгновение предлагаемое мне действие становится проявлением присутствия Бога в моей жизни.

В минуту, предшествующую высочайшей секунде в мировой истории, Ангел объясняет Деве из Назарета: «Сила Всевышнего осенит Тебя» (Лк 1:35). Ангел прекрасно знает, что Мария улавливает в его словах напоминание о сияющей мгле Облака из книги Исхода, которое знаменовало собой присутствие Господа и одновременно — темноту. Это также напоминание о Славе Божьей над Ковчегом. К Марии, но также и к нам, в самых возвышенных и в самых неприметных повседневных действиях деятельное присутствие Бога приходит «затененным». Да, да — скрытым за тенью привычного дела, совершаемого нами в такой-то час, и

¹ Во французском языке слова-омонимы «présent» имеют значения соответственно «настоящий», «наличный», «присутствующий» и «подарок», «дар» (Прим. пер.)

именно это скрытое присутствие мы должны научиться сначала распознавать, а затем крепко любить и заботливо лелеять. Настоящий миг приходит ко мне, неся в себе Бога, и это одинаково верно (если не забывать о разнице в масштабе происходящего)² как для Девы в момент Благовещения, так и для меня, в то мгновение, когда Бог велит мне почистить свое пальто.

Такое расположение — не духовность, которую мы выбираем или не выбираем, в зависимости от духовной школы, к которой принадлежим, но простое признание факта встречи с Богом и с Его творением. Мы переживаем эту столь высокую метафизическую истину: в Боге, Бог и Его воля — одно. С любовью прилепляться к воле Божьей, значит прилепляться к Богу, сливаться с Богом. Не существует Бога в Себе, с одной стороны, и Его действий и замысла о нас, с другой: ведь тогда можно было бы одновременно любить Бога и Его бытие и не принимать Его взглядов. Такое порой бывает в отношениях с людьми, которых мы особенно любим. Но подобное расщепление невозможно в отношениях с Божественными Личностями, потому что в них то, что Они есть, и то, чего Они хотят, слито воедино. Бог есть чистая любовь и эта Любовь, идущая от Него к другому, создает этого другого или что-то в этом другом. Отказываться от того, что Бог делает или создает, значит отказываться от самого Бога.

Потому что любовь Бога к нам — любовь созидающая. То, что наши отец и мать сделали для нас в ту долю секунды, когда они дали нам жизнь, Бог делает для каждого Своего создания на протяжении всего его

² См. Ч. Журнэ, Церковь воплотившегося Слова (Ch. Journet, L'Eglise du Verbe incarné, t. II, ch. II, excursus II, Présence de la Trinité à elle-même et au monde, pp.358ss)

существования. Я существую в настоящий момент только потому, что Бог позволяет мне участвовать в Своем существовании, и Его любовь проявляется в том, что Он мне предлагает: каждый миг — это продолжающееся Божье творение.

С тех пор как нам становится известен секрет настоящего мгновения, уже ничто не способно заставить нас скучать, даже сама скука, уже ничто не беспокоит нас, даже наши несчастья. Я смиряюсь с последствиями моих ошибок, какими бы плачевными они ни были, потому что Бог, конечно же, не желал моего греха. Но путаница, вызванная этим грехом, неразбериха, в которую я себя вверг, и от которой теперь страдаю, — вот это Богу угодно, как и то, чтобы я приложил все силы, чтобы исправить положение. Паскаль понял это и его «Тайна Иисуса» звучит по-иному, чем его философские размышления: «Если бы Бог Своей рукой давал нам наставников, о! тогда нам следовало бы слушаться их всем сердцем! Необходимость и события настоящего — вот непогрешимые наставники».

Отец де Коссад замечательно учит нас этой безоговорочной преданности Богу: «Помните наши главные принципы: 1) Нет ничего малого, даже внешне незначительного, что бы ни было предписано или дозволено Богом, вплоть до падения листа с дерева! 2) Бог достаточно мудр, достаточно добр, достаточно силен, достаточно милостив, чтобы обратить самые, казалось бы, мрачные события во благо и в пользу умеющих почитать и смиренно принимать все Его божественные и поклоняемые дозволения»¹.

¹ Ж.-П. Де Коссад Духовные письма (J.-P. De Caussade, *Lettres spirituelles, présentées par le P. Olphe-Gaillard, Ed. Desclée de Brouwer*)

Совсем не случайно, что отец де Коссад, как и его великий соратник отец Луи Лаллеман, — иезуиты: они ни в чем не приуменьшили апостольский идеал своего Ордена, состоящий в активном присутствии, воле к послушанию, приверженности к развитию талантов каждого. Но в общении со святым Иоанном Креста, святым Франциском Сальским и Фенелоном, они соединили покой и апостольскую борьбу и показали, каким образом достигается равновесие деятельного участия во всех человеческих проблемах и «глубокой любви к сверхприродному». Отец Ольф-Гайар очень хорошо описывает это в своем введении.²

Направлять наше внимание на присутствие Бога в событиях нашей жизни, значит одновременно вступить в самое близкое общение со Священным Писанием; нам лучше открывается смысл псалмов, когда Бог присутствует везде: «Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали ...» (Пс 139 (138):1-2), но также и мир, где всё имеет смысл: «Мир псалмопевца полон смысла: всё здесь — порядок, весомость, знаки, значимость»³.

И тайна зла, хотя она и сидит в нас болезненной и малопонятной занозой, перестает быть препятствием на нашем пути к Богу: «Все пути Господа благодать и истина для стражей Завета Его, для свидетелей Его», и псалмопевец учит нас отныне жить согласно основному

² *ibid.*, стр. 22-32

³ Не только перевод, но также и введение Андре Шураки являются в этом отношении замечательным ключом. См. *Les Psaumes* («Псалмы»), перевод и комментарии А. Шураки, Presses Universitaires de France

принципу: «В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою» (Пс 119 (118):11).

Но святой апостол Павел и не живет по-другому: «Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, всё делайте во славу Божию» (1 Кор 10:31). На первый взгляд, эти слова сбивают нас с толку: нам кажется, что нужно обладать и делиться с другими колоссальным запасом энтузиазма, чтобы слава Божья явилась в наших, столь банальных, делах. Но мы должны понять, что Бог хочет от нас не исполнения подобной задачи и не подобного смиренного или же блистательного апостольства, а «желания исполнять Его волю», потому что она есть сам Бог.

Мы уже не живем в ту эпоху, когда люди предавались размышлениям о бренности времени, глядя на череп; сегодня, если мы ищем символ, мне кажется, что это будет скорее кристалл, чистый и хрупкий, который каждое мгновение разбивается, чтобы тут же возродиться и быть готовым при каждом воскресении наполниться вечностью. Потому что время — субстанция одновременно самая хрупкая и самое ускользающая, но и такая субстанция, которую можно наполнить самыми насыщенными проявлениями жизни и бытия. Она — характеристика человека, который постепенно сам себя создает, растит, воспитывает и формирует.

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими», говорил Иисус в Своей Нагорной проповеди (Мф 5:9). Чтобы нести людям этот мир, который превосходит всякое чувство, мы сами должны быть людьми мирными, а чтобы стать миротворцами, — быть умиротворенными. Союз с Богом даст нам то

«спокойствие упорядоченности», которое и представляет собой, как известно, определение мира.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЮДИ И ВРЕМЕНА

ТРИ ПРИЗЫВА ГОСПОДА

«В доме Отца Моего обителей много»: апостол Петр, который слышал эти слова и, «на горе», видел преображенного Господа, «радовался радостью неизреченною и преславною» (1 Петр 1:8), говоря о «живом уповании вечности».

Но от сотворения мира благодать Христа всегда действует изобильно и разнообразно. Верно, конечно, что наш индивидуализм порой усиливает различия, но и щедрость Бога проявляется во множестве призваний и их многообразии.

Через различные ситуации, благодатные дары и выполняемые функции, составляющие богатство мистического тела, заявляют о себе три призыва Господа к Своим ученикам, которые (и в этом нам поможет богословие) важно различать: призыв крещения, призыв евангельских советов и призыв к священству.

Они позволяют лучше усвоить разнообразие даров в единстве Духа и помогают каждому найти свою роль и тот способ, которым именно он будет открывать своим братьям истинное предназначение человека.

I. Призыв Крещения

Каждый крещенный и потенциально каждый пришедший в этот мир человек призван к совершенству, то есть к подражанию самому Отцу: уже приводившиеся слова Иисуса из Евангелия от Матфея нужно повторить здесь снова: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48).

Святые апостолы Иаков (Иак 1:4) и Петр (1 Петр 1:15) неустанно воспроизводят смысл этих слов, призывающих людей к любви совершенной. В том же духе выражается и апостол Павел: «Воля Божия есть освящение ваше» (1 Фес 4:3), но эта заповедь ведет свое начало от сфер, расположенных гораздо выше: «Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев 19:2). Это повеление, данное общине детей Израиля в первые дни ее существования, постоянно сопровождает человечество на его пути.

В этом основной закон христианина, от самого малого и неизвестного до поднявшегося на вершину иерархии. И это стремление к совершенству, приложимое ко всем и возможное для всех, собственно и будет судом человека в вечности. Оно побуждает каждого жить в перспективе отстраненности от мира, чистоты сердца, послушания, которых требуют от каждого ученика Господня Заповеди Блаженства, и это далекий-далекий путь.

Те, кто внимательно прислушивается к этому призыву, различают в нем «неисследимые пути Его» (Рим 11:33), они забывают себя от радости, зная, что они «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет ...» (1 Петр 2:9).

Каждое слово Апостола Петра открывает широчайшие богословские горизонты. Народ Божий, христиане осознают себя «причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2 Петр 1:4). Их «жительство на небесах, откуда они ожидают Спасителя, Господа Иисуса Христа, который уничиженное тело наше

преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все» (Фли 3:20-21).

Это становится убеждением христианина с того момента, как крещение ставит перед ним первые вопросы: «Что дает тебе вера? — Жизнь вечную». Отныне оно, убеждение, озаряет его жизнь сквозь весь окружающий мрак и он, вслед за святым апостолом Павлом, говорит: «И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор 15:19).

Созражданин святым и свой Богу (Еф 2:19), он получил власть молиться, совершать жертву Господа, приобщаться ей. С Ним и через Него он посредник между людьми и Богом. Ему поручено возвещать Царство Божие своим братьям, будучи «всегда готовым дать отчет в своем уповании» (1 Петр 3:15).

«Католическое действие» напомнило (и это великое благо, которое не перестает приносить новые плоды) о величии христианского народа: оно уточнило те задачи, к выполнению которых в ежедневной жизни призывают каждого христианина крещение и миропомазание. Поскольку христианин жизненно связан, един со Христом, он вместе с Ним посредник в приношении, молитве и возвещении Благой Вести всей жизнью, всем, что он делает «во имя Господа».

Именно благодаря «Католическому действию» его члены, входящие в движения, которые объединены под этим названием, открыли для себя свою роль в Церкви. Роль, которую Церковьверяет им через иерархов, призывающих мирян принять участие в этом широком движении апостольского посредничества, созидающего и собирающего Церковь.

Тем не менее, христианин не освобождается (как раз, напротив) от строительства земного града с его собственной целесообразностью, — применяя к жизни основополагающую заповедь, данную человеку Богом на заре Бытия: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт 1:28).

Именно в этом состоит наше обязательство по отношению к временной жизни, его необходимость, его величие, и «Католическое действие», в свою очередь, явило все составляющие, которые должны, в этом деле миростроительства, оживотворить человеческую миссию каждого христианина.

Крещеный человек призван изо всех сил претворять в жизнь милосердную любовь. Ведь она существует «не только в слове и на устах», но стремится быть действенной, чтобы люди непрестанно искали миропорядок, угодный Богу, чтобы каждый считался личностью, а не вещью, и чтобы земные богатства были справедливо поделены между всеми, а не присвоены меньшинством.

Потому что есть одни общественные структуры, которые помогают жить по Евангелию, и другие, которые делают такую жизнь «практически невозможной», как справедливо заметил Пий XII. По отношению к последним Церковь, то есть собрание всех крещеных, «не может молчать и делать вид, что она их не видит и не понимает» (Послание на Пятидесятницу 1941 года).

Тот же Пий XII говорит, на этот раз в 1957 году, в своем последнем рождественском послании, о «необходимости призыва к постоянным и неуклонным действиям, направленным во все стороны и на все аспекты жизни ... Вмешательство в жизнь мира для

поддержки божественного порядка — право и долг, составляющие неотъемлемую часть ответственности христианина и позволяющие ему законно предпринимать любые личные, общественные или организованные действия, способные привести его к цели» (Радиообращение к миру от 22 декабря 1957 года).

Таким образом, крещение требует от христианина, чтобы он одновременно был провозвестником Христа, всей своей жизнью помогая другим увидеть Его, и активно присутствовал во всех сферах жизни этого мира, принимая участие в общем труде людей доброй воли.

Такая амплитуда призыва Иисуса, Который не перестает удивлять нас и порой даже застает нас врасплох, берет начало в том реальном участии в погребении и Воскресении Господа, которое и составляет суть крещения: мы всей жизнью привиты ко Христу, мы члены Его Тела, мы спаяны с Ним.

Каждый крещеный должен поэтому обдумывать в душе и выразить в своих действиях условия безоговорочного присоединения к Христу: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16:24).

Иисус в точности сообщает нам, что нас ждет и как можно стать Его учеником. Невозможно предложить ничего более великого и более положительного, потому что Крест ведет к Воскресению: но от нас требуется с самого начала не только принять этот крест, но также признать его в качестве рабочего инструмента, как нельзя лучше пригодного для строительства Царства Иисуса на земле и на небе.

Ну и наконец, этим первым и основополагающим призывом каждый христианин призывается к уподоблению Богу в любви: «Все ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий» (1 Кор 3:23): никаких ограничений нет, кроме одной — нашей способности любить.

II. Призыв Евангельских Советов

Внутри этого всеобщего и основополагающего призыва для некоторых звучит второй призыв. Он появляется не для того, чтобы отменить основной закон или добавить к нему требования совершенствования, соответствующие более высокой ступени любви (как если бы у кого-то требовали миллион вместо ста тысяч), но для того, чтобы уточнить путь: здесь предлагаются более действенная бедность, более строгое целомудрие, более упорядоченное послушание — но ради достижения той же самой цели.

Чтобы помочь всем лучше воплотить в своей жизни Заповеди блаженства, Господь призывает некоторых к единственному в своем роде и более упорному поиску некоторых замечательнейших средств, через которые лежит более прямой путь к основному закону. В этом суть призыва к практике евангельских советов. Первый закон любви предстает обязательным: это — заповедь; советы же являются как бы приглашением: «Если хочешь ...», говорит Иисус богатому юноше.

Все в том же плане смерти-воскресения три требования к образу жизни становятся непременно для услышавшего этот второй призыв:

1. абсолютное целомудрие тела и духа, отказ от всего, что отвращает нашу жизнь от безотрывной устремленности к Воскресению и безраздельного созерцания Господа;
2. бедность, включая добровольный отказ не только от самого праведного богатства, но также от легкой и приятной жизни;
3. послушание, основанное на убеждении, что оно есть удобнейший и кратчайший путь к Богу, позволяющий Господу взять в Свои руки жизнь, которая хочет быть неустанно покорной Ему во всем, подобно Христу, явившему послушание до смерти Крестной.

Через это троекратное отречение человек посвящает себя Богу целиком, и если в течение жизни он не отступится, значит, он действительно отдал все. Другим людям может быть дано познать более мучительные горести, более горькую разлуку, более героическую покорность обстоятельствам, но услышавший этот призыв выбрал Бога - с самого начала и добровольно.

Это — «Иди, следуй за мной» Иисуса и ответ Апостолов: «И они тотчас, оставивши свою лодку и своего отца, последовали за Ним». «Не все вмещают слово сие, но кому дано» (Мф 19:11), говорит Иисус, приглашая некоторых к этому совершенному целомудрию, которое, казалось бы, противоречит заповеди книги Бытия плодиться и обладать землей. Но здесь вовсе нет противоречия, перед нами лишь более высокий призыв безраздельно отдать себя Господу «для Царства Небесного: кто может вместить, вместит», прибавляет Он снова.

Таким образом, тот, к кому был обращен этот второй призыв, должен отказаться от некоторых великих задач, предлагаемых ему крещением: он делает это, чтобы его Господь мог лучше им распоряжаться, и благодаря этому становится в мире свидетелем Невидимого.

Если он отгораживается от времени и от временного, то вовсе не из-за презрительного отношения к ним, а, напротив, для того, чтобы придать им их истинный смысл, помогая пробиться в другое измерение. Своей жизнью он напоминает всем, что «проходит образ мира сего» (1 Кор 7:31), — лишь затем, чтобы лучше ждать возвращения жениха и привлечь к этому внимание людей: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Мф 24:42).

Наконец, то, что проявляется в браке через любовь мужчины и женщины, а именно, близость и святость души и Церкви, соединенных с Христом, то, что осуществится для всех в воскресении, — это же самое предстает непосредственной целью посвящения через совершенное целомудрие и уже происходит в нем.

Ответ на второй призыв приносит радость «безраздельности» человеку, для которого больше не существует никаких интересов, кроме интересов его Господа: это дарит неразвлеченную близость с Ним, а к тому же люди видят в трех упомянутых способах существования свет Божьего знаменья: достаточно одного Бога.

Понятно, что такая жизнь может быть избрана апостолом: поскольку он стремился к встрече с Богом во все мгновения своей жизни и посвятил себя единственно этой безоговорочной открытости Царству, он сможет помочь другим войти в него.

III. Призыв к священству

В пределах - не второго, а по-прежнему первого - призыва, Иисус призывает некоторых к особому служению: «Сие творите в Мое воспоминание». Этот призыв точен: слышащий его приглашается освящать Евхаристическое Тело Господа и собирать для этого Его Мистическое Тело, должным образом готовя его через Таинства и через служение Слова. «Итак, каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих», говорит апостол Павел Коринфянам (1 Кор 4:1): этот текст Церковь относит к священникам.

Необходимо также уметь измерять божественной мерой ценность наших человеческих слов, когда мы произносим вместе с Церковью, что «священник - служитель Иисуса Христа, то есть орудие в руках Искупителя для продолжения Его дела».

Величие священства, необычайные полномочия священника, через которого Христос приходит на алтарь, и который, во имя Самого Христа, приносит Его в жертву, не должны заставлять нас забывать, что этот призыв предназначен прежде всего для того, чтобы обеспечить исполнение функции, самой высокой из всех, что могут быть предложены человеку, и принимающей конкретные очертания в соотношении с уже созданной или создаваемой христианской общиной.

То обстоятельство, что этот призыв относится лишь к половине человечества, так как он обращен исключительно к мужчинам, а не к женщинам, уже само свидетельствует о том, что священство является функцией (в смысле служения). Даже если оно требует

более высокой святости, так как священник имеет дело с субстанциями, преисполненными Бога (Imitāmini quod tractatis — подражаете тому, кому служите - говорится во время рукоположения), это не какая-то особая форма освящающей благодати.

Поскольку священство облакает властью с целью созидания Мистического Тела, никто не может ее требовать, как права. Только Иерархи наделены правом призывать к священству — к огромной «чести, которую никто не принимает ради самого себя» (потому что священник посылается на служение общине), и к которой никто не может призвать себя сам, кроме как «призываемый Богом, как и Аарон» (Евр 5:4).

Этот призыв также предполагает, кроме желания служить Богу, дар самоотверженного служения общине. В Церкви латинского обряда к этим требованиям добавляется также целибат, и шаг, который делает, по призыву епископа, будущий диакон, означает отдачу себя одновременно Богу и Церкви. Таким образом, целибат создает определенный «образ жизни», который в этом смысле приближает священство к жизни по евангельским советам, но, тем не менее, эти два призыва остаются отличными друг от друга.

Для исполнения функции священства необходимы специальные качества, такие, как уравновешенность, умение владеть собой, уверенность при преподавании учения, одним словом, педагогические способности и качества лидера общины (oportet praeesse! — нужно тому, кто возглавляет). Все это делает понятной осторожность св. апостола Павла, дающего Тимофею совет: «Рук ни на кого не возлагай поспешно» (1 Тим 5:22).

Но каким бы ни было величие этой функции, святость священника — как и любого христианина — идет от его каждодневной верности первому и исконному призыву к подражанию Богу: «Самый великий день жизни папы, — говорил Пий XI, — это день его крещения ...».

По своему сану священник «уполномочен» быть миссионером: начиная от Слова, которое открывает тайну, и заканчивая Евхаристией, которая создает и сплачивает общину, он получил власть исполнять свою миссионерскую задачу во всей полноте.

IV. Три различных, но дополняющих друг друга призыва

Призыв к крещению, призыв жить по евангельским советам и призыв к священству могут быть восприняты и реализованы по-разному: например, можно исполнять призыв евангельских советов, будучи священником, но священство не обязательно включает в себя евангельские советы.

Жизнь по евангельским советам, которую так долго вели «вне мира», возможна также в самом что ни на есть миру и даже «как бы исходя из него». Это большое новшество, введенное в 1947 году Пием XII. Но уже с 1927 года каноник Карден показывал, на примере жизни первых джожистов⁵, какую незаменимую роль может играть христианин-апостол в той среде, которая его окружает.

Миссионерство не является ничьей монополией, оно всегда присутствует в самой сердцевине каждого из трех призывов: это — дело каждого крещеного, монаха, священника. Всем вместе, им открывается, в чем они

⁵ Члены JOC (*Jeunesse Ouvrière Chrétienne* – Христианская Рабочая Молодежь)

отличаются и чем дополняют друг друга, свидетельствуя, в свойственной каждому манере, об «одном Господе, одной вере, одном крещении, одном Боге и Отце всех, Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас» (Еф 4:5-6).

Опыт приводит их к непоколебимому убеждению, что одно из самых действенных средств для того, чтобы побудить людей обратиться к Богу, не посягая их свободу, - наличие христианских общин, где активные семьи, посвященные миссионеры, священники молятся и работают в полном согласии и дружбе, где каждый действует по данной именно ему благодати и все, дополняя друг друга, составляют Церковь.

Именно об этой взаимодополняемости в теле Христовом говорит св. апостол Павел, перечисляя различные дарования в их многообразии и в единстве Духа.

Перед лицом роста населения в мире, усиливающим диспропорцию между числом верующих и неверующих в пользу последних, появляются новые формы жизни, посвященной евангелизации.

Но время поисков не кончилось: через миссионерские группы, очень разные по своим истокам и местоположению на карте, а также через многочисленные дискуссии о диаконии, в Церкви, по-видимому, идет подготовка новых разновидностей людей, посвящающих себя апостольству. Эти люди слышат в своем сердце призыв, в котором первое требование состоит не в том, чтобы быть священником или не священником, а в том, чтобы быть «миссионером», готовым нести Имя Господа во все концы земли.

Подобно Павлу, они чувствуют, что призваны «служить Богу духом в благовествовании Сына Его» (Рим 1:9) и, перед лицом такого бедствия, как несметные

толпы неверующего люда, они всем сердцем принимают слово апостола: «Христос послал меня не крестить, а благовествовать» (1 Кор 1:17).

Еще слишком рано точно указывать, кем они станут, но, может быть, просто в качестве рабочей гипотезы, можно предположить, каким будет их место в созидании Царства.

Не вижу их ни активистами «Католического действия», даже если они будут работать в тесном соседстве с такими движениями, ни священниками, даже если они будут составлять единое целое с командой священников.

Очень напоминая активистов движений своей жизнью на заводе, сопричастностью всем тяготам работы, пребыванием в тех же мастерских, они будут сильно отличаться от них тем, что в целомудрии посвятили свою жизнь Богу.

Очень напоминая также священников, они будут среди масс «служителями Евангелия», но без ежедневного священнослужения.

Они могут получить духовный сан, если Церковь будет нуждаться в этом, так как получили такое же философское и теологическое образование, что и священники, но также могут остаться людьми Слова среди людей.

Трудясь в самом сердце заводов бок о бок со своими товарищами, разделяя их радости и печали, они смогут знаменовать собой нежную заботу Христа, пришедшего разделить с людьми их жизнь. Всем своим бытием они смогут являть лик Господа: «Если бы ты знал дар Бога». И если кто-то из товарищей спросит у них, в чем состоит этот дар, они сумеют объяснить ему это самыми простыми, повседневными словами. Вот только

наполнены они будут новым, небывало насыщенным содержанием.

И если таким людям суждено появиться, то признать и утвердить их апостольское предназначение, – прерогатива Священноначалия, по примеру уже сделанного им в отношении членов «Католического действия», тех, кто посвящает себя жизни по евангельским советам, или тех, кого оно призывает к священству.

Именно Священноначалию дана обязанность и власть благовествовать, оно получило ее от самого Иисуса, сказавшего одиннадцати Апостолам: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле: итак, идите, научите все народы» (Мф 28:18).

Благовествование идет от Бога, оно - первое и основное проявление нашей веры, благовествовать значит действовать в единстве и общении с Церковью. Забывать эту истину или пренебрегать ею, какими бы ни были обстоятельства или оправдания, на которые мы могли бы сослаться — то же самое, что печатать фальшивые деньги и производить на свет благовествование, похожее на необеспеченный чек.

КОМАНДА, ОРУДИЕ АПОСТОЛЬСТВА

Пусть читатель вспомнит о том, что было сказано в предисловии: команда, такая, о какой идет речь здесь, дается не в качестве образца для подражания, но как один из примеров той реальности, которая остается главной для апостольства: «Когда двое или трое собраны во имя Господа» и еще: «Мы знаем, что мы *перешли* из смерти в жизнь, потому что любим братьев» (1 Ин 3:14). Этот переход, эта Пасха должна произойти аналогичным образом на всех уровнях человеческой жизни: семьи, базовой команды «Католического действия», рабочих групп, объединений соседей и т.д. Апостол помогает этому «переходу». Точное описание *одной из* возможных форм команды может помочь другим формам отличить существенное от несущественного.

I. РОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Когда утром в понедельник Пятидесятницы 1962 года я предавался размышлениям в своей комнате в высшей семинарии Олинды, рядом с бразильским городом Ресифе, после всех этих электрошоков, полученных за одиннадцать недель путешествия через Южную Америку, которая так увлекает и так выматывает, мне постоянно приходила на ум, подобно припеву, одна фраза: «Команда, орудие апостольства»... Действительно, я произносил и повторял эти слова, может, раз восемьдесят или сто на собраниях, конференциях, в беседах, всякого рода комментариях. Но в тот день они пришли мне на ум как

будто извне, и их очевидность выростала из всего, что я видел, слышал и отмечал во время моей поездки.

Другая мысль — исподволь — сопровождала первую: несмотря на наши утверждения, мы еще не осуществили на практике то, что можно было бы назвать командой, и каждый сохранил свою очень индивидуальную манеру работы. Недостаточно, чтобы «команда — орудие апостольства» оставалась только фразой, еще менее достаточно просто жить втроем или четвером под одной крышей. Наше апостольское делание станет истинным, когда мы достигнем глубокого единства между собой, которое проявляется в пересмотре жизни, свидетельствующем о единстве команды.

А) Первые определения:

Общая задача и общее благо

Что такое команда — мы всегда будем заново открывать это для себя, как и всё то, что действительно является жизненно важным! Уже лет восемнадцать-двадцать именно так можно называть новые группы, создаваемые епархиальным духовенством и монашескими конгрегациями. Команда заявляет о себе и в движениях «Католического действия». Каждая группа по-своему воплощает ее — но будет полезно, на примере одной из них, рассмотреть ее составляющие и проследить за полетом этой своеобразной кометы, светящей нам на протяжении всего нашего пути подобно звезде волхвов.

Как мне кажется, в самом начале всех нас поразил - даже если мы совместно не обсуждали это — текст из службы исповедника, столь часто перечитываемый в бревиарии: «Missit binos discipulos» — «Он послал Своих

учеников по двое». В толковании святого Григория говорится, что только там, где двое, может существовать милосердная любовь. Мы вернемся также ко всем текстам, где говорится о Двенадцати, «тех Двенадцати»: эта идея апостольской общины и общины посланных Христом была своего рода призывом Господа, в предзнаменование Его Царства. Твердо зная из опыта, что в одиночку каждый ничего не может, мы пришли к тому, что нам надо объединиться.

В брошюре аббата Пиана под названием «Как обучать руководителей ваших команд», которой пользовались «Храбрые Сердца», мы найдем знаменитое и неизменно замечательное определение команды: в целом, команда, это

объединение равных,
немногочисленных,
объединенных совместной работой людей,
ведомых руководителем.

Другими словами: команда - это люди (субъективный, материальный элемент), которых объединяет совместная задача (объективный, формальный элемент).

Из этого определения вытекают два закона:

а) именно задача конкретизирует и обуславливает характер команды;

б) чем более «объединяющей» является задача, тем сплоченнее будет команда — будь то бригада строителей, футбольная команда, патруль, группа ученых или исследователей; то же самое в первую очередь относится и к миссионерской команде, созданной ради Царства Божьего, для продолжения дела Двенадцати.

Это определение подтверждает также этимология французского слова «команда» («*équipe*»),

которое происходит от старофранцузского «esquif», что в переводе означает «ялик», «челнок». Команда — это не огромный океанский лайнер; это также и не флотилия для увеселительных прогулок, где каждый на собственном судне выбирает уголок, куда он отправится по своему желанию удить рыбу: команда — это действительно челнок, это известная нам рабочая лодка апостола Петра, где сидят люди немногочисленные и сплоченные.

Во время первых собраний и дискуссий открылся смысл Общего блага, всю актуальность которого подчеркивал тогда отец Лебре. Взяв это понятие из старого языка философов-томистов, отец Лебре, как добрый книжник из притчи, вынул его из сокровища и представил как новшество, которое позволит произвести перемены в общинах на местах и, постепенно, во всей стране. В отличие от интереса, даже общего, который разделяет («общие интересы, которые так ужасно воюют между собой», любил говорить Моррас), Общее благо объединяет: благо есть благо, только если оно учитывает блага всех остальных и подчиняет себя им, являясь частью стройной пирамиды.

С другой стороны, между Общим благом и командой есть взаимная связь: благо, если оно общее, не может касаться только одного человека. Безусловно, руководитель ответствен за общее благо (таково, собственно, само определение руководителя с этой точки зрения), но если есть такой руководитель, то должна быть и команда, которая созидает вместе с ним. Точно так же член команды осознаёт свою роль, соотнося себя не с руководителем, а с самой командой. Лидер, прежде всего, - не тот, кто командует (он может и должен это делать, когда нужно принять решение или когда возникают чрезвычайные обстоятельства), а тот, кто

воплощает общее благо, выбранное всеми, и делает зримым вытекающее из этого единство. Лидер отвечает за цель, то есть за общее благо команды, которое включает в себя подлинное благо каждого её члена.

В то же время говорилось о том, что это общее благо не является простой суммой благ отдельных людей, что оно - более высокое благо, результат самоотдачи всех, которое впоследствии — но только впоследствии — прольется на каждого. Поэтому команда добьется выполнения своей задачи только при условии, если каждый ее член подчинится ей и откажется от стремления к своим личным целям, какими бы благородными и бескорыстными они ему ни казались. Речь идет об осознании основополагающей солидарности между людьми, когда каждый человек полностью реализовывает себя только в меру единства с другими.

В отличие от многих других, которые стремились к жизни в общине, чтобы, говоря их словами, «раскрыться» («я чувствую, что смогу раскрыть себя только в общине»), доктрина отца Лебре открывала совсем иную перспективу: общее благо достигается через согласованные усилия группы, и его осуществление требует постоянного отвержения себя: единства взглядов и образования, чувства солидарности, принятия одинаковых целей и координации усилий, верности взятым обязательствам и дисциплины. «Я не для того пришел, чтобы Мне служили, но чтобы послужить» — эти слова Господа выражают стремление, противоположное «самораскрытию».

Второе соображение, как ни странно, пришло со стороны именно желавших этого самораскрытия, и наложило определенные ограничения на глубину жизни в команде. Высказали его священники: по их утверждению

(несомненно, справедливому), самые первые группы, в которые объединялись священники для достижения подобающей их сану святости, через жизнь в общине, казались больше обращенными внутрь себя, на своих членов, чем на их служение и апостольство.

Поэтому эти священники-энтузиасты 1942-1945 годов, которые так хотели жить в команде ради блага своего служения, вызывали чувство недоверия у всех, кто мог почувствовать в этом сходство с «монастырской жизнью». Люди хотели объединяться между собой не для того, чтобы становиться святыми (этого успешно достиг в полном одиночестве кюре из Арса и тысячи других святых из числа духовенства), а чтобы привлечь внимание к царству Господа и расширять его.

Эти реакции были замечательны тем, что они заставляли нас отходить от привычных представлений, даже если какое-то время существовала опасность, что истинные ценности останутся под спудом.

Б) «Воплощать своей жизнью любовь Господа»

Вслед за отцом Лебре очень ценный вклад в разработку идеи команды внесли наши дорогие друзья Мадлен Дельбрель и Монс. Барон.

К моменту нашего знакомства Мадлен Дельбрель уже имела десяти- двенадцатилетний опыт участия в группе в Иври. Мадлен и ее подруги объединились подобно нам. Как и мы, но еще раньше нас, они ощутили преимущества жизни в команде: более размеренная жизнь, взаимный контроль, больший динамизм. Но, преодолев перевал первых лет, они одновременно

истоици «верхний слой почвы», и, ради самого дальнейшего существования своей команды, им пришлось копать глубже. Очень простой, сестринский доклад Мадлен Дельбрель (сделанный где-то в 1946-1947 гг.) начинался словами: «Что делает команду крепкой или недолговечной?»

«Почему мы объединяемся в команду?» — для Мадлен Дельбрель это звучало, как для других звучит: «Почему мы создаем семью?». Просто ли это место, где люди собираются, чтобы отдавать себя другим через Христа? Где всем вместе легче сохранять свою веру? Где можно вести более упорядоченную жизнь? Все эти причины важны, но второстепенны: если бы существовали только они, команды всегда оставались бы недолговечными.

«Когда христиане живут командой, они делают это, прежде всего, для того, чтобы стать всем вместе ответом на заповедь любви, которую Христос оставил им: мы объединяемся, чтобы воплощать своей жизнью, настолько, насколько возможно, истинную любовь Христа, истинную любовь к другим». Так «где двое или трое собраны во имя Мое...» (Мф 18, 20) становится истинным, настоящим единством. Мы соединяемся, чтобы быть едиными со Христом, и быть единым целым и привлекать других в эту любовь.

Христианство шло к людям всегда через семью, через команду, через братство; если мы вместе с Христом, мы сможем изменить мир. Команда рискует распасться, если мы будем довольствоваться только дружбой, товариществом, привязанностью; надо, чтобы нас соединяла друг с другом любовь ко Христу. Команде повезло, если ее создают люди, которые решили до конца

любить друг друга, не будучи при этом взаимно снисходительными в отрицательном смысле слова. Чтобы создалось Царство Божие, необходимо единство: живая команда — это кусочек Царства Божьего, поэтому не может быть настоящего противоречия между миссией и командой».

Так, в команде мы соглашаемся любить всё время, находиться в таком состоянии, при котором, пересказывая слово Деяний о первой христианской общине, «никто ничего из имени своего не называет собственным, но всё общее». В команде всё принадлежит всем, она непрестанно выводит нас из нас самих, чтобы поместить в шкуру другого человека.

«Присутствие Господа в команде должно вселять в нас чувство глубокого уважения к ней: она приводит с собой Христа. Раня взаимную любовь, мы выдворяем за дверь Христа, причем касается это не только команды, но и других людей, потому что Христа больше нет с нами.

Команда рискует погрязнуть в рутине, закостенеть, если в ней будет одна только учтивость. Правилom команды является игра «в поддавки»; ни у кого нет прав на команду, но команда должна быть ответственна за права каждого. Любовь не ищет своего.

Конечно, надо одновременно отдавать себе отчет в том, что единство не есть единообразие: всегда в той или иной мере присутствует искушение удобным единством, где все бы всегда хотели делать всё одновременно и одинаково. Напротив, надо стремиться видеть личность каждого в Господе и отказаться от готовых представлений, которые мы себе составили о других. Мы должны также понимать, что Самому Господу было угодно, чтобы мы участвовали в Его

страданиях, но что мы не должны помогать Ему в этом применительно к своим товарищам по команде. Всегда есть возможность причинять людям меньше боли, даже когда мы вынуждены заставить их страдать».

Таким образом, для Мадлен Дельбрель, единственный элемент, способный крепко и на долгое время спаять команду, — открытие Господа, присутствующего в самой команде. В заключение она говорит: «Мир имеет право на наши здоровые и святые команды: когда команда перестает быть собой, исчезает присутствие Господа ... Не существует рецептов, помогающих стать любящим человеком; нужно дойти до сердца Христа, чтобы найти для этого средство. Все остальное не поднимается выше уровня уловок».

В) «Лаборатория единства»

Монс. Барон также поделился пережитым опытом: до того, как его призвали в Рим, он был аниматором и ректором духовной семинарии для взрослых в своей епархии. Эта семинария была создана на базе сильно продвинутых команд. Монс. Барон исходил из конкретного опыта семинарии, аниматором которой он был: семинария, будучи субстанцией сверхприродной, должна была давать каждому находившемуся в ней, чувство, что он любим даже больше, чем в своей природной семье. Команда становилась средством достижения сверхприродного единства в любви насколько возможно совершенной.

Монс. Барон настаивал прежде всего на той мысли, что такое представление о команде идет от самой Церкви и от Писания: «Церковь видится современному человеку не Духом, объединяющим

множество людей, а толпой разрозненных индивидов. Поэтому необходим опыт милосердной любви в непрерывной работе, чтобы показать единство, собирающее Церковь».

Тексты Писания ясны и помогают нам понять, что замысел Бога — это замысел коллективный, который Он хочет осуществить в маленькой группе и через нее. Например: по мере возможности не разрывать ни с кем отношений. И другие тексты, которые ясно говорят: «Быть едино, как Отец и Сын едины, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (ср. Ин 17:21). То же и для святого апостола Павла: наше призвание состоит в том, чтобы творить единство ради созидания всего Тела Христова. Таким образом, вырисовывается нечто подобное духовной хартии, вершина которой — «Отче Наш».

Команда, община, прежде всего, — не юридические лица, а лаборатории, где милосердной любовью вырабатывается единство. Кроме того, месса, предшествующие ей размышления и следующее за ней благодарение после причастия, а также все усилия по достижению единства в течение дня, представляют собой единый нерасчленимый блок: «Мы хотим, чтобы единство, вырабатываемое во время богослужения, было законом нашего общего единства. Поэтому мы должны заранее пожертвовать своей волей, чтобы она умерла со Христом во имя созидания единства. Наше благодарение после причастия должно заключаться в следующем: Ты отдал Себя мне в пищу, чтобы отдавая себя другим, я творил единство.

Команда - это ужасные родовые муки: нас оживотворяет один и тот же Святой Дух. Это направленность на другого, чтобы быть с ним едино. Взаимная забота должна быть такой, чтобы за всё, чего

недостаёт каждому из членов, отвечала вся команда. Каждый из нас — такие, какие мы есть — должен взять на себя ответственность за другого: «Есть ли кто в печали, с кем я не печалюсь?». Этому можно научиться в маленькой команде: в созидании единства надо подражать Христу. Именно этого хочет от нас Господь, и без Него для человека это невозможно.

С помощью команды мы создаём орудие евангелизации мира; вера передаётся другим, проходя через любовь, в которой мы живём внутри команды. Быть свидетелями — до готовности пролить кровь, — что Христос любит их. Есть только одно правило — возвещать, что Божья любовь существует. И эта любовь Бога — не только Бог, она также — всё, что Он любит, и то, как Он любит.

Команда — это любовь Бога, переходящая в нас, объединяющая нас и любящая наших братьев».

Так монс. Барон постоянно настаивал на преемственности Евхаристического Тела, находящем своё завершение в Мистическом Тэле. Литургия является одним из тех моментов, где осуществляется единство, где оно себя являет, но между литургией и жизнью нет никакой преграды.

Касаясь проблемы целомудрия, монс. Барон также связывал её с жизнью команды. В этом отношении значение команды трудно переоценить. Он напоминал о слове Самого Господа о людях, которые сделали себя скопцами для Царства Божьего, но Царство Божие, отмечал он, это как раз и есть единство с другими: целомудрие открывает возможность реального вселенского братства. Вы должны согласиться с тем, что священство — это принесение себя в жертву, и если вы ищете чего-то другого, то вас ждёт разочарование.

«Команда должна создать среду, которая питает и возвышает; поскольку Царство Божие создается постоянно, в нем невозможно устроиться раз и навсегда. Женитьба устраивает жизнь священника, и потому Восточная Церковь сохраняет «неустроенного» епископа, даже разрешая жениться будущему священнику.

Если посмотреть, что представляет собой влечение к женщине, то мы увидим, что это сосредоточение инстинкта и привязанности на одном человеке. Команда помогает рассредоточить это чувство привязанности, направляя его на многих; поиск командой святости становится правилом жизни: быть полностью в распоряжении других членов команды, чтобы команда была в распоряжении Христа».

Исходя из всего этого, Монс. Барон опять же заключает: «Быть убежденным, что Христос, только Христос создает и может создать команду, Христос в Своем Евангелии и Христос в Своей Евхаристии, предназначенной для того, чтобы помочь нам жить общиной. Христос — единственная связь между христианами. Милосердная любовь есть покорность «чувствованиям Христа» (Флп 2, 5). Если моя молитва отделяет меня от других, это не истинная молитва. Да объединит нас Бог всех вместе в Своем Сыне — вот завершение истинной молитвы. Молитва должна привести меня к состоянию доступности Богу, чтобы Он совершал во мне работу, которую может сделать только Он, чтобы я был едино с другими».

Так милосердная любовь занимала свое место в команде, чтобы играть свойственную ей связующую роль: «Боле же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Кол 3:14).

В это же самое время наши усилия продолжались. Мы всё больше открывали для себя апостольскую необходимость команды: нашей непосредственной миссией было созидание Церкви через местные христианские общины - в жилом квартале, на заводе. Но это собрание во Христе не было спонтанным зарождением; требовались ядро, закваска: ими и была команда. Кроме свидетельства, которое являло доброе согласие между членами команды, она должна была нести в себе нечто, питающее ее достаточно обильно, чтобы она могла затем, не распадаясь, питать других вокруг себя.

Чтобы собрать в общину тех, до кого дошло наше слово, команда необходима, как ядро в живой клетке. Контакт, общение, тусовки: всего этого очень скоро у нас становится больше, чем мы можем переварить. Приятели, влюбленные, люди, для которых Поль, Жак, Жан, эти новые «священники», — классные парни, сколько мы встречали таких. И одиноких священников-рабочих. Но создать группу, собрать в общину — это трудно. Этому не стоит удивляться: мы знаем, что именно за это умер Христос. Значит, эта трудность неизбежна.

Команда — это кристаллизатор; поэтому в ней необходима объединяющая милосердная любовь:

- 1. как цель: обращение людей к любви Христовой и собрание их в христианскую общину;*
- 2. как средство: команда создает подобное себе, надо, чтобы в ней была эта милосердная любовь для собирания других;*
- 3. и как начало: она сама не может быть командой, если ее ядром и связующим*

элементом не будет милосердие Христово; поэтому она должна усердно возвращать в себе это чувство милосердия.

С этой точки зрения живое, конкретное милосердие позволяет преодолеть препятствие, перед которым некоторые останавливаются в самом начале. Речь уже не идет о стремлении к жизни в общине, которая бы замыкала ищущих на себе, и лишала их апостольского динамизма, а как раз о том, чтобы придать этому динамизму, рождающемуся внутри команды, всю его пробивную силу, обращенную вовне: единство команды становится закваской единства между людьми.

II. ВЕЛИЧИЕ И БРЕМЯ

A) Маховик или спасательный круг?

Когда мы говорим «команда, орудие апостольства», необходимо хорошо понимать, что означают эти слова. В качестве иллюстрации можно выбрать маховик, но не маховик автомобиля, а то тяжелое колесо, которое используется, чтобы поддерживать равномерность движения какого-нибудь механизма: чугунный маховик в механике, образно говоря, это резерв массы, обеспечивающий хороший ход операции, запас сил, прочности, то есть это вес, груз, но для более постоянного, продолжительного действия. Без маховика обойтись нельзя.

Это сравнение устраняет двусмысленность и предохраняет от заблуждения: команда - не спасательный круг, за который мы хватаемся, чтобы

удержаться на воде. Когда какой-то человек или семинарист приходит и заявляет (сам или со слов своего духовного наставника), «что ему нужно жить в команде, чтобы обрести внутреннее равновесие», это глубокое заблуждение. Команда — не средство от отсутствия собственного суждения, от недостатка твердости в молитвенной борьбе или от неспособности к общению... Она может поддерживать только тех, кто сам твердо стоит на ногах: только им она помогает вырасти. Команда-спасательный круг очень быстро тяжелела и шла ко дну со всеми, кто в ней находился.

Б) Время для нового рождения

Время для команды — фактор первостепенного значения. Так же, как изучение философии и богословия требует времени, длительного созревания, так же, как вхождение в рабочую жизнь требует, в свою очередь, времени, долгого общения и укоренения в соответствующей среде, так и жизнь в команде: научиться всерьез создавать команду, научиться затем входить в такую команду — это дело вовсе не слаживается благодаря удаче, хорошему характеру или мгновенной симпатии.

Нужно пройти через обучение, через школу команды и общины, и это обучение длится всю нашу жизнь. Именно из-за этого даже довольно опытным священникам или монахам, сформировавшимся в другом месте, так трудно (что понятно) войти в новую, внутренне уже организованную группу. Это также объясняет, почему так трудно, внутри одной группы, найти замену старому члену команды: конечно, нелегко

сесть в набравший ход поезд тому, кто не ехал в нем вместе с другими с самого начала.

Войти в команду, значит вернуться в утробу своей матери: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин 3:4). Это настоящее преобразование, трудное для любого из нас, независимо от возраста и среды, из которой мы вышли.

В) Связующее звено Мистического Тела

Но это уже рождение, которое находит свое завершение в Мистическом Телe и придает команде ее сверхприродное величие.

Это было уже драгоценным знаменем подлинности нашего отдания себя Богу и людям, постепенно вытесняющего эгоистические поиски своего «я»: «как ты можешь сказать, что любишь Бога, которого не видишь, если не любишь этого брата, которого Бог поместил здесь рядом с тобой, чтобы ты видел его?» Но команда — это нечто гораздо большее: она — связующее звено Мистического Тела; каждый из нас — клетка этого тела, но команда — первый составляющий его орган.

Для святого Фомы Аквинского принятие монашества было новым рождением, а торжественные обеты были равнозначны второму крещению: потому-то монахам и давали новое имя. Для нас важнее не столько изменение имени, сколько идея нового рождения, которое совершается через наше добровольное вхождение в мистическое Тело, при котором присутствуют три-четыре свидетеля: «Ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28).

Тайна Христа в нас, «Который есть всё во всё» - это чудо единства: Бог возвысил до сверхприродного совершенства присущее людям природное единство между собой. Согласно святому апостолу Павлу, Христос не приходит к нам, как к толпе обособленных индивидов: новый человек — это не только индивид, ставший христианином и обновленный благодатью, но тот, кто присоединился к единственному и единому народу в жилище Божиим (ср. Еф 2:14, 22).

Вот что нам должно сделать частью своей жизни: присутствие Христа во мне, прилепляющее меня к такому же присутствию Христа в моих братьях. Как «апостольская жизнь» требует созерцания в качестве источника для последующих действий, так и созидание Церкви нуждается в своем собственном источнике, которым предстает для него подлинное единство команды.

Это непрестанное рождение команды подобно непрестанным родам. Таким образом, по самой своей природе, команда никогда не создается сразу — для этого нужны месяцы, — но, будучи по природе живой, она никогда не может принять окончательную форму: связующее звено мистического Тела, созданное по его образу, команда — это организм, одновременно искупаемый и искупающий, который борется с грехом и противостоит ему, вновь и вновь отвоевывая себя.

Замечательный текст апостола Павла, который читается во время венчальной мессы (Еф 5:1), относится и к нашей жизни в команде. Павел проводит параллель между человеческим бракосочетанием и союзом Христа и Церкви: «Христос может быть назван Женихом Церкви, поскольку Он руководит ею и любит ее, как свое собственное тело, так же, как это происходит между

мужем и женой; если мы принимаем такое сравнение, то оно, в свою очередь, может дать нам идеальную модель брака между людьми»¹.

И вот, мы относим этот текст к команде совсем не потому, что любящая супружеская пара — хорошая модель команды; сравнение идет от Господа: Господь любит Церковь как Свое собственное тело; так же и член команды будет любить и созидать мистическое Тело, любя и созидая свою команду. Это не благочестивая или сентиментальная формула, это последовательный реализм, при котором команда становится изначальной клеткой мистического Тела. Соответственно, недаром тратит время ее член, который любит свою команду так, как Христос возлюбил Церковь, который предает себя за нее, чтобы освятить ее, который хочет сделать ее сияющей, не имеющей пятен или изъяна, или чего-либо подобного, святой и непорочной.

Г) Уединение и общение

Уединение и общение, когда каждому из них отведено должное место, не противоречат друг другу. Углубление чувства Бога и необходимость нашего единения с Ним — вот та закваска, в которой нуждается жизнь общины. И это будет всё более истинно в мире, который становится всё более коллективистским. Уединение и общение дополняют друг друга: надо, чтобы мы были согласны жить для другого и за счет другого, - и чтобы этим другим был то Бог, то ближний.

В любом случае, нам надо отказаться от абсолютной независимости, которая так присуща нашей

¹ Сноска в Иерусалимской Библии

природе (я бы добавил — «как сорняк»): мы должны каждый раз — в этом и проявляется Любовь — разрешать другому входить в нашу жизнь. По замечательному слову отца де Любака, «мы не кусочки, мы составные части». Кажущееся противоречие между уединением и общением разрешается через единство, как мы видим в таинственном Теле Господа. Но надо идти дальше: у нашей жизни, в центре которой стоит Бог, не может быть ориентира менее высокого, чем Бог в неразрывности Его Троицы.

«Между стремящимися к одной цели должен быть дружественный союз», пишет святой Фома² — и продолжает: «В городе людей объединяет определенное согласие, единодушие, направленные на благо города. Солдаты в армии также должны быть едиными и действовать заодно, чтобы достичь победы, — своей общей цели. Конечной же целью человека, к которой его ведет Божья благодать, является лицемерие Самого Бога, присущее Богу³».

Итак, наша общая цель — Бог, в той мере, в какой Он приобщает нас Себе и преображает нас в сообщество любви с Ним Самим. Святая Троица — совершеннейшая модель команды: Трое в полной сплоченности, безграничной общности, безграничном общении — и при этом без исчезновения отличий и отношений между Ними в лоне Троицы. Каждый из нас внутри команды сохраняет свою личность и те качества характера, которые отличают его от других членов команды. Но как творящее действие Бога, дела Троицы *ad extra* общи для трех Божественных Личностей, так же все внешние действия команды должны действительно и зримо быть

² «Сумма против язычников» *Contra Gentiles*, III, 117

³ *ibid*, III, 151

общим делом. Что ни в коей мере не заставляет команду замыкаться самой в себе.

Д) Если зерно не умрет

Если команда стремится к таким вершинам, она не может обойти закон креста — закон роста и воскресения. К команде применимо то, о чем говорит святой Августин: «Никогда не удовлетворяйтесь своим нынешним состоянием, если хотите перейти в новое. Как только вы начинаете нравиться себе, вы останавливаетесь. Если вы говорите «мне этого достаточно», вы умираете. Надо всегда расти, всегда идти вперед, всегда двигаться дальше».

Это, на самом деле, не особо распространенное искушение - воображать, что в жизни нашей команды мы достигли совершенства — поскольку чаще всего мы, напротив, сполна испытываем на себе все трудности такой жизни. Но тогда мы впадаем в другую крайность и видим в команде только трудности, трения и непонимание. Представлять команду в таком свете — все равно, что рассказывать о семейной жизни жениху и невесте, говоря исключительно о каждодневных трудностях, вместо того, чтобы показать красоту и величие дела, которое им предстоит совершить вместе. Суть команды не в трениях, даже неизбежных, а в Царстве Божием, которое она строит.

Не следует также удивляться, что в сражении, которое лукавый ведет против нас в апостольстве, он ополчается на команду: дьявольское наваждение — ожидать, что команда будет тем, чем она должна быть, чтобы мы стали теми, кем должны быть. Дьявольское и фарисейское наваждение — ожидать, что команда будет

совершенной и незыблемой, чтобы мы смогли до конца отдать себя ей; ведь она может дать только то, что сама получает от каждого из своих членов.

Мы все рискуем стать ужасно независимыми и в действительности организовать свою жизнь в соответствии со своими вкусами, даже если внешне будет казаться, что мы очень даже отдаем себя другим. Нам нужно признать, что гораздо легче отдавать себя другим, когда эти другие не входят в команду: мы чувствуем, что нас понимают, видим (а еще больше верим), что приносим пользу, помогаем — и самые ярые обличители патернализма тоже подвержены этому.

Конечно, не команда — высшая цель нашей самоотдачи, но для апостола она — безошибочный барометр: сверяясь со своей щедростью внутри команды, он узнаёт свое истинное апостольское «давление». В этом смысле, — вспоминая притчи о Царстве, — нам нужно быть готовыми всё продать, чтобы команда стала драгоценной жемчужиной и сокровищем, скрытым на поле (ср. Мф 13:44).

Подчинение команде, со всем самоотвержением, которое оно подразумевает — это практическая и постоянная форма послушания: через команду мы активно познаём Бога и Его волю. Внутри команды мы также осознаём, что дух зла — это как раз тот, кто сеет взаимное непонимание, разделение. А они влекут за собой те многочисленные беды, которые скрупулезно перечисляет апостол Павел: «раздоры, зависть, гнев, ссоры, клевета, ябеды, гордость, беспорядки ...» (2 Кор 12:20).

Сама команда — только средство, а не цель: сказанное о каждом из ее членов по отношению к команде, надо сказать и по отношению к другим

командам, и особенно по отношению к Царству Божьему, которое надлежит строить. Не следует упускать из виду, что сама команда должна быть готовой и отвергнуть себя, чтобы построить Царство. В противном случае вместо закваски она превратится в гетто, в комок — а не в дрожжи — в тесте. Это опасность, подстерегающая команды по мере их старения — связь между членами становится столь прочной и слишком человеческой, что такие команды теряют способность плодиться, чтобы возродиться вовне и, распадаясь, давать ростки для распространения царства.

Е) Хартия команды

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая, или кимвал звучащий ...» (1 Кор 13:1). Этот гимн любви можно прочитать без изменения смысла, заменив я апостола Павла на команду, потому что в ней рождается любовь. Этот пламенный и одновременно столь жизненный текст становится незаменимым руководством для выбравших такую форму апостольской жизни: «Если команда говорит языками человеческими и ангельскими» (и мы видим, как это проявляется в литургии, образе мыслей и разговорах), «а любви не имеет, то она — медь звенящая, или кимвал звучащий» (она стоит не больше, чем колокола, которые напрасно звонят, никого больше не созывая).

Нам следует таким образом перефразировать весь этот текст апостола Павла; сюда подойдет всё: катехизис, пламенные проповеди, полная отдача себя другим, жизнь в бедности, всё это нисколько не будет служением по-апостольски, если команда не будет

укоренена в любви. «Если команда имеет дар пророчества, и знает все тайны, и имеет всякое познание и всю веру, так что может и горы переставлять, а не имеет любви, — она ничто. И если она раздаст всё, что имеет, и отдаст себя на сожжение, а любви не имеет, — нет в ней никакой пользы.»

И как эта столь высокая любовь, «путь еще превосходнейший» (1 Кор 12:31), будет всякий раз конкретно проявляться в целом ряде расположений, исполненных смирения, когда мы любим ближнего больше, чем себя, так и команда внутри и вне себя узнает, в чем ее истинное достоинство: «Команда не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине.

Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.»

Да подаст нам Бог благодать постижения богатств команды и, когда мы постигнем ее апостольскую необходимость, — терпение для ее созидания.

РОПОТ И РОПЧУЩИЕ

Апостол Павел пишет общине, рождающейся в Коринфе: дыхание Пятидесятницы, воодушевление от только что произошедшей встречи с Господом вступают здесь в схватку с языческим образом мыслей, на протяжении веков закрепившимся в нравах и обычаях. Можно живо почувствовать, как христианство прокладывает себе дорогу, и как, в то же время, там и сям еще вспыхивает пламя язычества: абсолютная новизна Тайны, возвецаемой апостолом Павлом, ускользает от многих из тех, кто принял Евангелие с воодушевлением. Они видят в нем лишь необычайно замечательное учение в ряду прочих. С первых же минут возникает угроза для нравственности и для веры.

Как же предостеречь этих Коринфян, столь склонных злоупотреблять своей свободой, да еще и во имя собственной веры? Павел напоминает им историю иудейского народа; он говорит о четырех постоянных и главных искушениях, столь глубоко укоренившихся в сердце грешного человека, что и в другую историческую эпоху они продолжают угрожать христианам: идолопоклонство, исступленная чувственность, искушение Бога, ропот против начальников¹.

По поводу идолопоклонства достаточно вспомнить текст Поля Клоделя, написанный им после обращения:

«Будь благословен, Боже мой, избавивший меня от идолов, Тебе одному Твоим изволением поклоняюсь, а не Изиде или Озирису,

¹ Ср. Алло о Первом послании к Коринфянам, с. XXXIX (Ed. Gabalda)

*Не Справедливости, не Прогрессу, не Истине, не Божеству,
Не Человечеству, не законам Природы, не Искусству, не Красоте ...
Не пустоте, оставшейся после того, как Ты ушел²».*

О сладострастии не стоит даже и говорить, мы достаточно видим его повсюду. Остается искушение Бога — шантаж — и ропот против начальников, психологически очень близкие. Для группы, идет ли речь о миссионерской команде или о христианской общине, эти две беды всегда будут представлять угрозу. Пусть ропот сегодня именуется «критикой», пусть идущие в ногу со временем начальники не смеют больше называть его «злым духом» - несомненно, боясь, что он завладеет и ими (и эти опасения делают им честь), - но всё это не делает его менее вредоносным.

Может быть, некоторые думают, что было бы лучше подчеркнуть более положительные аспекты? Но уметь различать ядовитых змей - это уже нечто чрезвычайно положительное: от святого апостола Павла к святому Бенедикту, от святого Бенедикта к отцу Шеврие, — если упомянуть только эти имена, - из тысячелетия в тысячелетие переходит одно и то же предостережение от всего, что прямо или косвенно предстаёт разделением внутри общины.

Когда апостол Павел составляет перечень пороков и дел плоти, он без комментариев упоминает разврат, противоестественные пороки, пьянство и другие излишества и тут же переходит к перечислению раздоров и их различных проявлений: вспыльчивости, споров, злословия, сплетен, а также язвительности, разногласию,

² Пять великих од ...

недоброжелательным подозрениям, словесным перепалкам ... Для апостола Павла эти «дела плоти» всегда - утоление чего-то: утоление чувственности или обостренного самолюбия, ведущего к разделению; это всегда плоды эгоизма моего плотского «я».

Каждому из нас стоит хотя бы раз в жизни прочитать - а хорошо бы потом и перечитывать - десяток текстов, упоминаемых Иерусалимской Библией в сноске к Римлянам 1:29. Они действительно заставляют задуматься, и мы видим, что каждую общину, которой пишет апостол Павел (кроме дорогих ему Филиппийцев и Фессалоникийцев, чье исключительное милосердие удостоивается его похвалы), он предостерегает на этот счет. И когда апостол пишет своим ученикам, Титу и Тимофею, он настоятельно рекомендует им всегда быть в этом смысле бдительными.

По сути, эти ропот и критика не что иное, как инфантилизм и средства, которыми пользуется дьявол, чтобы по-своему, то есть наоборот, осуществить завет Господа «если не будете как дети» (Мф 18:3). Потому что в основе нашей критики лежит наше несогласие с положением, в котором мы находимся, и с существованием предела, дальше которого мы не можем пойти; и вот, чтобы не признаваться себе в этом, мы браним другого или группу. И инфантилизм как раз и есть этот отказ от объективности перед лицом неизбежного отнятия от груди.

Апостол Павел прямо говорит об этом в Послании к Коринфянам: он не мог «говорить с ними, как с духовными, но как с плотскими»; он не может давать им твердую пищу, потому что они, по его слову, еще «младенцы...». «Если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому

ли обычаю поступаете? Ибо, когда один говорит: «я Павлов», а другой : «я Аполлосов», то не плотские ли вы?» (1 Кор 3:1-4). Таким образом, апостол считает, что три немощи — духовный инфантилизм, превосходство плоти и разделение - тесно связаны друг с другом.

Выход ясен: Иисус предлагает его в притче, объясняющей, что такое истинное духовное детство. Удивительно, что ребенок, помещенный среди Апостолов и данный Иисусом в качестве образца, появляется как ответ на то, о чем рассуждали его ученики дорогой, чтобы узнать, кто из них больше (Мк 9:33-35). Ответ нам известен: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Лк 22:26).

Из всего этого Петр делает вывод: в своем послании он тоже противопоставляет Благой Вести Господней разделения. При этом он пользуется сравнениями, которые приводил апостол Павел: истинные младенцы во Христе не питаются прокисшим и свернувшимся молоком: «Отложивши же всякую злобу и всякое коварство и лицемерие и зависть и всякое злословие, как новорожденные младенцы возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь» (1 Петр 2:1-3).

После Господа и Апостолов хорошо обратиться к другим нашим фундаментальным источникам: один из них, и по времени первый после Святого Писания — «Правило святого Бенедикта». Можно сказать, что «Правило» — основа и обций ствол дерева посвященной жизни и что ветвь секулярных Институтсов также питается его соками. Ибо святой Бенедикт, «основывая

школу, в которой учатся служить Господу», обучает одновременно жизни, отданной Богу, и братской жизни:

Но вот Господь, ища в толпе людей того, кто будет исполнять Его волю, обращается ко всем с призывом: «Кто любит жизнь и хочет жить припеваючи?» И если до тебя доходит этот голос, и ты отвечаешь: «Что ж, это я!», Бог тут же отвечает: «Если ты хочешь наслаждаться истинной и вечной жизнью, береги свой язык от злословия, пусть из твоих уст не исходят лживые слова. Отвернись от зла и твори добро: ищи мира, стремись к нему всеми силами»¹ ...».

На протяжении всего текста «Правила» звучит одно и то же предостережение. В «инструментарии добрых дел»² святой Бенедикт перечисляет:

*не держать в своем сердце фальши,
не дарить поцелуя мира притворно,
не отходить от милосердия;
а также не быть:
ни ропчущим;
ни поносящим ...*

И эти 70 пунктов оканчиваются тем же призывом:

*ни к кому не питать ненависти,
не поддаваться ревности,
глушить в себе муки зависти,
отвращаться споров.*

Пусть всё это очевидно и является азбучной истиной Евангелия; достаточно прочитать эти изречения, даже бегло, чтобы в этом убедиться. Но

¹ Пролог Правил

² Глава IV Правил

сколько раз нужно перечитать их и проникнуться ими, чтобы действительно соблюдать их!

Переходим к Главе XXIII «Правила»: «Прегрешения, влекущие за собой отлучение от Церкви». О чем идет речь? О побегах? Об ударах и ранах? О тех, чьи нравы выходят за рамки приличий? Нет — о тех, кто своими словами или поступками разрушает общность. В пяти строках святой Бенедикт с поразительной точностью описывает это зло: «Если кто из братьев оказывается упрямым, если он упорствует в своем бунте, высокомерии, ропоте, если восстаёт против какой-либо заповеди Святого Правила или старцев ...».

Здесь мы находимся на перепутье, откуда можно пойти по дороге Бога и самой истинной святости или по обходной дороге посредственности. Бывают времена, когда «от брата требуют исполнения чего-то тяжелого, а порою и невозможного» (по крайней мере, по его собственному мнению)¹. В нескольких строках св. Бенедикт поясняет: «принять данное ему приказание со всей покорностью и смирением»; а если такое, действительно, превосходит его силы, открыть это начальнику, но опять же — «не противопоставляя гордость, сопротивление, свое мнение ...»

Зная, что «Правило святого Бенедикта» написано вовсе не только для того, чтобы облегчить управление монастырем и обеспечить в нем должный порядок, но и для того, чтобы «служить отправной точкой для освящения²», мы еще лучше понимаем, почему Отец западной монашеской жизни так настойчиво предостерегает ропчущих от них же самих. Дело в том, что они сами портят себе жизнь. Ведь отказ от ропота

¹ Святой Бенедикт посвящает этому целую главу (глава LXVIII).

² Последняя глава Правила

и критики, принятие даже того, что нам кажется невозможным — самое надежное средство для единения души с Богом во всех обстоятельствах жизни: в этом, и только в этом заключается святость.

Когда мы уступаем нашей слабости и впадаем в критику, когда мы внутренне восстаём, мы должны знать, что это подобно острию иглы, которое проникает в нашу душу и выпускает из нее дыхание Духа.

Отец Шеврие писал: «Один разрушитель за одно утро делает больше работы, чем сто строителей за целый день». Можно предположить, что эта фраза была написана им после какого-то неудачного опыта, но он тут же указывает выход: «Трудно представить себе, чтобы в команде не было мелких конфликтов, мелких расхождений во мнениях и точках зрения, в способах действия: у каждого свой характер и свои взгляды, как у каждого — свое лицо; но надо растворять свой характер, свои собственные взгляды в общих взглядах команды, уметь жертвовать своими взглядами и своим благом, и никогда не отстраняться от тех, с кем мы находимся и должны быть, — если только мы не решили совсем покинуть их и организовать какое-то дело отдельно, ввне. Когда мы решительно не можем объединиться, тогда лучше расстаться. Это поможет избежать многих страданий и той, и другой стороне».

Таков пример Павла и Варнавы.

Когда мы выбираем недомолвки и критику, мы добавляем к настоящей и констатируемой нами беде (если она, действительно, настоящая, а не выдуманная нами по незнанию ситуации), яд, который, в конце концов, растечется по ней гноем и помешает ее заживлению. Мы не должны быть соглашателями, но быть

злопыхателями, тем более, за спиной — не лучше. Вот лекарство от этой критиканской немощи: нам надлежит по-взрослому сказать «в лицо» друг другу (и даже начальникам), — как Павел Петру (Гал 2:11), — то, что мы считаем своим долгом сказать.

Сколь должны мы быть доброжелательны к начальникам и руководителям, как внутри команды, так и вне ее в Церкви и (надо ведь до конца следовать Евангелию!) к тем, кто командует в этом временном мире, включая самодуров и хамов, о которых говорит святой апостол Петр (1 Петр 2:13-25)!

У каждого времени свои беды: пассивность христиан в XIX веке, вседозволенность и попустительство либерализма были тяжкими прегрешениями. Но не будем впадать в культ недовольства, возведенного в ранг добродетели: иначе мы будем подобны слепцам, которые ведут других и увлекают их за собой в пропасть.

Наше наиболее радикальное отличие от марксизма — во всех сферах, даже в тех, где наши практические методы совпадают — состоит в иной первоначальной посылке. В понимании марксизма (я не говорю «в понимании марксистов» — многие из них, несмотря на приверженность доктрине, являются в этом отношении христианами), согласно Диалектике, основному закону вселенной, во всяком материальном или духовном существе изначально заложены противоположности и прогресс может быть только результатом их борьбы.

Христианин же на первой странице Бытия читает: «И увидел Бог, что это хорошо». Поскольку есть Бог, существует изначальная гармония, благо, связывающее все существа Творения; и если первородный грех нарушил эту присущую миру гармонию и внес

разногласия, то нужно ее восстановить и попытаться смягчить последствия ее нарушения.

Мы должны развивать в себе позитивный динамизм, находящий свои истоки в радости от того, что Господь призвал нас к самому прекрасному и самому высокому делу: дарить Бога людям — не отдавая им самих себя (мы сами ничто!), но открывая Его им, — а это нечто совсем другое.

Вступить в борьбу с конфликтами и критикой, внутри и вне нас - это трудно, не будем питать на этот счет иллюзий. Но если мы ее начнем, то в результате мы не только избежим зла, но и замечательным образом укрепимся в добре. Каждый раз отказываться от того, что разрушает, от «дел плоти», значит, соответственно, приобщаться «плодам духа, против которых нет закона: любви, радости, долготерпению, благодати, милосердию, вере, кротости, воздержанию» (Гал 5:22-23).

Противоположность ропоту и разрушению как раз и есть радость, рождаемая восхвалением славы Божией, и то созидание Царства, величие которого описывается в Откровении. Это положительное, если мы не загубим его, будет только расти и распространяться.

Это слово о Радости, этот призыв: «Повторяю вам, всегда радуйтесь» — постоянно исходит от апостола Павла, он повторяет его более пятидесяти раз! И в этом нет ничего удивительного после Евангелия, которое начинается со слов Ангела к Марии: «Радуйся ...», и которое должно вести нас к совершенной радости, к радости Иисуса, переданной нам во всей полноте (Ин 15:11 и 17:13). Апостол Павел понял и не устает повторять то, во что так долго не могли поверить Двенадцать при жизни Иисуса: радость сердца есть плод

послушания Духу. Таинственная алхимия, в которой «слово было принято при многих скорбях с радостью Духа Святого» (1 Фес 1:6), в которой Павел «преизобилует радостью, при всей своей скорби» (2 Кор 7:4).

Не будем обманывать себя: христианская радость берет начало не в кресте (как, бывает, утверждают с необычайной легкостью) - ведь там, где крест, всегда страдание, - а в доверчивом приятии этого креста. Радость - в этом нет никаких сомнений - есть плод испытанной веры. Испытание не должно казаться нам чем-то «странным», как говорил апостол Петр, который продолжает: «Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуйтесь и восторжествуйте» (1 Петр 4:12-13).

Таким образом, по мере нашей приверженности кресту испытание породит ропот или радость: не зря на Голгофе вместе с Иисусом были распяты еще два человека. И если первый приговоренный к казни искушает Иисуса: «Спаси себя и нас ...», то второй принимает ее, и с каким доверчивым смирением! И этот второй «ныне же» вступит в радость, таково обещание Христа.

«Всякое Царство, разделившееся в себе, идет к гибели, и дома его падают один на другой» - что хочет сказать здесь Господь, очевидно. Эти слова мог бы произнести любой человек. Но когда речь идет о делах, имеющих отношение к Богу, раздор бесконечно более пагубен, потому что он затрагивает то, из чего создается Царство: единство в любви и по любви, которое одновременно – граница и территория Царства Иисуса.

Та конкретная группа, в которой мы живем, сама по себе — нечто далеко не выдающееся, и ее действительные недостатки намного превосходят любую

возможную критику. Но истинное зло всякого ропота в том, что он отвлекает от главного – от «очага» веры, который нужно «хранить», от Господа, Которого нельзя предавать там, куда Он нас поместил, от мира во тьме и от тени смертной, куда мы должны принести свет. Вот это мы не имеем права недооценивать, а тем более — разорять.

Итак, все усилия, которые мы, как дети Божьи, направляем на то, чтобы создать один и тот же портрет «кроткого и смиренного сердцем» Господа, шаг за шагом приближают Царство Божие. Единая команда, приходская община, поставившая на первое место такую любовь, это уже двое или трое, собравшиеся во имя Господа Иисуса: цель, которой мы отдали свою жизнь, теперь действительно достигнута.

И в дни искушений или в дни, когда испытания посылаются нам через общину или через члена команды, которые подталкивают нас к ропоту, подумаем о бедном Моисее. Ему не было даровано счастье, после целой жизни, проведенной в борьбе, самому войти в Землю Обетованную, ему пришлось довольствоваться лишь созерцанием ее издалека, потому что однажды, в Мериве, «в день искушения в пустыне, сердца ожесточились и отцы искушали Господа, испытывали Его, даже видя дело Его». И из этого же утреннего псалма мы узнаём, что думает Господь о плоде ропота: «Они не войдут в покой мой» (Пс 95(94):11).

Моисей и Аарон произносят последнее слово: о народе, который ропщет против них в пустыне, они говорят: «А мы что? Не на нас ропот ваш, но на Господа» (Исх 16: 8).

ВРЕМЯ И ВРЕМЕНА МИССИИ

Бесконечно твердя «Господи, Господи», мы не войдем в Царство Божие; точно так же, совершенно недостаточно повторять «Миссия, Миссия», чтобы быть миссионером. Уехать, жить в «стране миссии» — это только первый шаг. Уйти в миссию, как о других говорят «уйти в монастырь», значит резко, радикально сменить особенности мировосприятия, которыми чуть ли не вынужденно руководствуется человек, рожденный в христианской стране.

Это опять же очевидная истина, но признать её еще недостаточно: какая-то почти фатальная инерция заставляет нас продолжать вести себя в стране миссии так, как будто мы находимся в христианской стране.

Так, все много смеялись над монахинями XIX века, которые, оказавшись в Африке, учились у маленьких негритянок плести тонкие и бесполезные кружева, такие, какие всегда плели в их родных провинциях. И пришлось быстро раскаиваться в том, что в странах миссии возводили перенесенные из метрополии псевдоготические соборы. Какими же фарисеями мы будем, еслиотреагируем на это гримасой негодования! И не рискуем ли мы заслужить упрек по поводу бревна в своем глазу? Да, внешне мы стараемся избежать таких ошибок, но уделяем ли достаточно времени тому, чтобы выслушать, понять, проникнуться, а не привезти с собой в чемодане заранее приготовленный апостольский полуфабрикат?

Миссия требует долговременной медленной ассимиляции, которая всегда длится гораздо дольше предполагаемых сроков. Прежде чем раздавать, и раздавать самое драгоценное благо вселенной, которого

ни земля, ни небеса не могут вместить, надо принять, причем не только от Бога (что очевидно), — но принять и от беднейшего саму его бедность. Если смиренное слушание не предшествует раздаянию слова, то мы можем обнаружить, что проповедуем собственные мысли самим себе, а не Иисуса Христа другим. «Нищим благовестуются» (Мф 11:5) - предназначение миссии, но при условии, что благовестники станут слушать тех, кому они благовестуют. А вот потом они смогут нести весть.

Полезно обратиться к опыту миссионеров в далеких странах. Один из них, отец Темпел, апостол в черной Африке, сам с юмором описывает образ мыслей миссионера или западного человека, приезжающего в африканскую страну. И то, что он говорит, мы можем отнести и к нашим собственным усилиям:

«Вновь прибывший из Европы сходит на берег с думой об организационных вопросах. Начинает с таких вопросов самому себе: Сколько собраний мы будем проводить в неделю? Сколько человек примем в группу? А надо, наоборот, постараться навести справки, порасспросить людей и, уже на основании этого, пытаться разгадать их и узнать их заветные мысли.

«Многие европейцы стремились служить Африке. Но они представляли себе свою задачу так: там, у этих черных, ничего нет; чтобы им помочь, мы будем строить. Начинали с верхних этажей — с философии и богословия, говорили на языке книг. А надо было в первую очередь заняться фундаментом: Как тебя зовут? Чем ты занимаешься? Есть ли у тебя работа? Что ты думаешь

о жизни? Чего ты хочешь? Тогда они открыли бы для себя мир, где присутствует Бог».¹

Наблюдения отца Темпеля почерпнуты из его собственного опыта, поэтому он может позволить себе так говорить.

Таким образом, нищий, — которому не хватает земных благ, но которому также не хватает и Бога, — сам становится первым благовестником для того, кто приехал ему благовествовать. Мы приносим Евангелие, но мы также должны принимать его из рук малых и бедных. Они не знают названия этого Евангелия, но они — его свидетели, даже если бедны добродетелью (грешны), или бедны надеждой (мятежны и сварливы). Их беду надо слышать — и долго, мы должны проникнуться ею, чтобы ответ, который мы им дадим, был действительно ответом Господа.

*
* *

Итак, нам надо внимательно относиться ко времени и его течению: «Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, Который родился от жены» (Гал 4:4) — эту тайну, явленную апостолом Павлом, нам нужно сделать своей. Если мы пожелаем принести плод прежде срока, то нас подстерегают две опасности — пренебречь реалиями, неотрывными от людей, к которым мы идем, и сделать упор на аспекты

¹ Цитируется из Элизабет дез Аллюр, Тумлилин. *В поисках Бога, в служении Африке (Elisabeth DES ALLURS, Toumliline. A la recherche de Dieu, au service de l’Afrique, Ed. du Cerf, p.241)*

самые броские, эффектные, но одновременно наименее глубокие и наиболее преходящие.

Все притчи о Царстве Божием рассказывают о медленном прорастании семян в земле. Не случайно говорится, что горчичное зерно, в конце концов, «становится деревом» (Мф 13:32), что семя всходит и растет, «а человек не знает, как, и спит, и встает ночью и днем» (ср. Мк 4:27), что рост проходит через несколько стадий, которые Иисус перечисляет одну за другой: «земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе». А сеятель появится снова, но уже в конце: «когда же созреет плод, немедленно посылает серп» (Мк 4:28-29). Так Бог совершает через человека два относительно кратковременных действия — сеяние и жатву, но вот рост дает только Сам Бог. Об этом напоминает святой Павел: «Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а всё Бог возвращающий» (1 Кор 3:7). А Его ритм медленный.

Действительно, сев и жатва также происходят во времени. Прежде чем достичь доброй земли, сеятель должен пройти через бесплодные участки, где зерно падает напрасно, из-за недостаточной глубины, или его заглушает терние, — чтобы научиться выбирать и ждать плодородной нивы. То же самое во время жатвы: нетерпение понятно и совершенно законно, но закон Господа предписывает долго, до скончания веков, мириться с ростом плевел в поле и не искоренять зло раньше времени.

Некоторые думают, что сегодня городской житель уже не понимает этих притч, слишком «сельских»: действительно, дети городских кварталов никогда не бывали рядом с медленно прорастающими в

земле семенами. Но мы-то и должны пробудить в них интерес к этому и помочь им открыть соответствующий закон природы, так как бесполезно было бы пытаться заменить специальным, техническим языком происходящее в жизни, где время сопровождается ритмы и стадии роста, схожие в мире природы и в мире благодати.

Иисус являет Себя в апостольском обличье не только как Единственный, Посланный благоволением Отца. Он также привлекает наше внимание, самой Своей жизнью, к трем порам миссии. Это не замкнутые внутри себя этапы, не существует четкого деления между одной и другой эпохой, они гармонично переходят друг в друга: каждая пора присутствует в следующей, одновременно подготавливая и завершая ее. И всё же они отличаются друг от друга, и их можно назвать так: время дружбы, время Слова и время Таинства.

Время дружбы — это Назарет: детство, присутствие, совместная жизнь, общая работа, тысячи связей через знакомых и родных, которые заставляют сказать: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?» (Мк 6:3).

Это время дружбы началось еще до рождения Иисуса: это счастливое путешествие Марии, отправившейся помочь своей пожилой двоюродной сестре Елисавете, но также и несвоевременное странствие из-за переписи кесаря Августа, всегдашняя подчиненность семейным или политическим событиям, обычаям или предписаниям. Позже это будут две горлицы, принесенные в жертву при рождении, паломничество в двенадцать лет, жизнь в семье.

Отец де Фуко, «вселенский Брат», и Малые братья Иисуса — наши замечательные проводники по этому времени дружбы, времени скрытой жизни, спрятанной закваски, времени ничего не ждущего молчания, времени «беспольности», тайного общения с Отцом: «и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе» (Мф 6:6).

В жизни апостола также должно быть время дружбы. Он не бизнесмен, для которого «время — деньги»; вернее, для апостола время бесконечно драгоценно, но совсем в другом смысле: оно драгоценно, чтобы его «отдавать» и «терять» в евангельском смысле: «кто потеряет свою жизнь...». Апостол не может спешить или вечно бегать; если он хочет завязать эту драгоценную дружбу, он должен вжиться в окружающую жизнь, стать всем для всех, любить в данный момент и в повседневном служении: «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф 5:41).

Но Иисус покидает Свою деревню: «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие» (Мк 1:15). Это общественное служение: начинается время слова. Деятельность становится насыщенной: Христос призывает учеников, учит в синагоге, помогает больным и грешникам, собирающимся у дверей. Всё идёт теперь в другом темпе, но Иисуса, незнакомого разве что Самарянке, будут знать все в радиусе ста пятидесяти километров, исхоженных Им вдоль и поперек: Он несет Благою Весть, посылает перед Собой учеников, говорит с каждым на доступном ему языке, — толпам рассказывает притчи, с книжниками и фарисеями спорит о Мессии и законе, грешницу прощает.

Но слово подготавливает в самом себе следующий этап: время Таинства. От великого иносказания, заключенного в умножении хлебов, плоть-еда и кровь-питие, которые дают вечную жизнь, возвещают высочайшее время: «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (Ин 13:1): это время Тайной Вечери и Креста, смерти и воскресения, дарованных нам и разделенных с нами.

Время Дружбы, Назарет, длилось тридцать лет, время Слова и общественного служения — три года, время же Таинства завершается в один день.

*
* *

Тридцать лет, три года, двадцать часов: это таинственное членение жизни Слова, ставшего плотью, требует от нас скорее созерцания, чем объяснений: оно должно стать душой наших усилий.

Путь от нулевого километра — отсутствия Бога — до вступления в таинственную жизнь очень долог. Его нельзя пройти за один день. Только медленное продвижение, начиная от первого призыва, позволяет достигнуть цели, не испортив всего; надо также отдать дань уважения первым двум временам, дружбы и Слова, если мы хотим, чтобы таинство действительно было зерном, брошенным в добрую землю и несущим обильный плод.

И если таинства у столь большого числа крещеных оказываются до такой степени бесплодными, то

происходит это потому, что они брошены при дороге их жизни и не могут укорениться в глубокой земле. В этом смысле нам всем надо, нам всегда предстоит менять образ мыслей. Я говорю даже не об официальной статистике и не о заполняемых анкетах: внутри себя — вот где — мы (я имею в виду миссионеров) не должны в первую очередь ставить перед собой вопрос: «Сколько человек пришло на мессу?»»

Истинно миссионерский образ мыслей должен получить другое направление: «Достаточно ли я понял, что и как думает тот, кого я люблю любовью Господа, достаточно ли долго делил я с ним общие работу и хлеб, чтобы иметь право сейчас, не по служебной обязанности и не ради пустого разговора, поделиться с ним Словом? И затем: достаточно ли я прожил с ним, достаточно ли делился с ним Словом, чтобы сейчас, вместе, мы ели уже не манну пустыни, а Хлеб вечной жизни, саму плоть Господа?»»

Торопясь проскочить через этапы, мы не будем подражателями Господа, и бесконечные Божьи богатства не расцветут в душе. Достаточно ли мы уже подчеркивали это? Во всех приведенных цитатах об Иисусе есть слова: «Исполнилось время, пришел час...». В Кане Иисус прямо говорит: «Не пришел час мой» (Ин 2:4), и этот эпизод соединяет время дружбы, совместную брачную трапезу, и время общественного служения, чудо. Ведь эти три времени не разделены, и каждое из них переживается в его полноте: дружба — не «уловка», чтобы «всучить» Слово, и Слово — не «приправа», чтобы «скормить» Таинство. Достаточно выразить это в такой грубоватой форме, чтобы мы почувствовали, сколь отвратительна и кощунственна подобная позиция. Дружба ценна сама по себе, целиком и полностью: у нее

есть своя божественная ценность и собственная задача; она достигает цели — возникновения взаимной любви между двумя людьми, даже если одному из них так никогда и не удастся осознать себя сыном Божиим. Но сам ход дружбы подводит нас к следующему этапу: она побуждает апостола поделиться самым драгоценным благом — словами Бога, являющими Его нежность, которая дает ни с чем не сравнимую радость и наполняет сердце миром.

Слово должно пропитать душу и дух, чтобы придать таинству всю его полноту. Какую реальную силу будет иметь таинство брака, если тайна союза мужчины и женщины, каким его видит апостол Павел в Послании к Ефесеянам, не становится предметом размышлений супругов? Крещение, не оплодотворенное брызжащей водой Слова и постигаемыми и обдумываемыми деяниями Христа, тоже высыхает, подобно цветку, лишенному живительных соков.

Даже когда речь идет о христианине, нужно заботиться о том, чтобы он всегда приобщался временам дружбы и Слова. Дружбу он найдет в местной христианской общине, в команде «Католического действия» или в группе семей. И надо, чтобы там он нашел истинный хлеб Слова Божьего, подаваемый не в качестве закуски или приправы, а в качестве пищи для его веры.

Суровые упреки пророка Осии проникают нам в самое сердце:

«И твой народ — как спорящие со священником ... Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и я отвергну тебя от священнодействия предо Мною; и как ты забыл закон Бога твоего, то и Я забуду детей твоих» (4:4-6).

Эти три времени Миссии апостол должен пережить в своей собственной жизни: ему тоже нужна дружба его команды, любовь христиан там, где он живет; ему также нужно Слово, без конца открываемое заново и живое; он тоже вкушает таинства Евхаристии и обновляется через Покаяние.

Но если из всех этих времен надо выбрать приоритетное для апостола, и, может быть, приоритетное на будущие годы для возрождения христианства, то, как мне кажется, на первый план нужно поставить время Слова. Потому что именно оно, читаемое, слышимое, обдумываемое, пережевываемое в течение дня, придаст должное измерение дружбе и таинственной жизни. Да будет мне позволено, одновременно в знак признательности Жаку Маритену и в качестве истинно пророческого Слова, процитировать этот текст о Евангелии:

«Каждый раз, когда мы перечитываем Евангелие, перед нами открывается новая грань его требований и его свободы, которые грозны и сладостны, как Сам Бог. Блажен навеки заблудившийся в этом лесу света; он уловлен Абсолютом, сияющим в человеческом. По мере того как возрастает наш опыт, мы всё больше осознаём, насколько наша жизнь далека от евангельских нравов и обычаев. Однако одновременно в нас всё больше запечатлеваются идея их таинственной истины и влечение к ней: это я и называю Евангелием, которое сходит в нас. Когда мы размышляем о богословских истинах, это мы сами размышляем о них, но когда мы размышляем о Евангелии, это Евангелие говорит с нами; достаточно только слушать. И, несомненно, Рассказывающий Евангелие недалеко от нас, Он приоткрывает наш ум, пока мы шествуем с Матфеем,

Марком, Лукой и Иоанном. *Mane nobiscum, Domine, quoniam advesperascit* - Останься с нами, Господи, потому что день уже склонился к вечеру.

Мне кажется, что если должно родиться новое христианство, то это будет эпоха, когда люди станут читать Евангелие и размышлять о нем больше, чем когда-либо прежде»¹.

¹ Жак Маритен, *Философ в Граде (Jacques Maritain, Le philosophe dans la Cité, Ed. Alsatia, p.196-197)*

УСТАНОВИТЬ МИССИЮ НА ЖЕЛАЕМУЮ ВЫСОТУ

Необычайная эволюция человечества, которую мы наблюдаем в последние двадцать лет, еще далека от завершения, и резкое изменение привычек, нравов и даже количества людей не перестает ставить новые проблемы. Лучшие специалисты в области прогнозов считают, что во многих сферах мы через двадцать лет будем жить в мире, близком к «лучшему из миров», со всеми его достоинствами и недостатками. В любом случае, условия труда, уровень жизни, здоровье, досуг будут совсем не такими, как сегодня. Лучшие эксперты работающего сейчас Ватиканского Собора¹ также полагают, что самым главным будет новый подъем Церкви в предстоящие годы, а не ближайшие решения Собора.

Итак, и с точки зрения человеческой, и с точки зрения Церкви нас ожидает период, который в небывалой мере будет временем Миссии в ее основном проявлении: провозвестии бессмертия как удела людей и собирании этих людей в Церковь.

Перед лицом такой задачи, самой большой бедой было бы стремление умалить борьбу за Царство Божие, подогнав ее под свой рост, — потому ли, что нам недостает веры, потому ли, что мы ограничиваем свои цели, подлаживаясь под обстоятельства, потому ли, что становимся на почву отрицателей Царства, почву

¹ Текст написан до 1964 года, в предпоследний год Второго Ватиканского Собора

мирскую, со свойственной ей чисто оборонительной позицией.

Поэтому крайне важно осознать, что такое Евангельская Миссия, уровень, на котором она находится, затрагиваемые реалии и определить, что является задачей самой Евангельской Миссии в ее высшем смысле. И здесь может быть только одно правило: Слово Божие.

Следовательно, стоящая перед нами цель — утвердить Миссию на уровне, который нам указывает Слово Божие, теми средствами, которых оно от нас требует. Для этого нам нужно быть миссионерами, — такими, какими их изображают и хотят видеть два столпа Церкви, Петр и Павел: стоящими в Вере, не боящимися испытаний свидетелями Невидимого.

Вечная молодость Церкви — постоянное возвращение к своим истокам.

В отрывке из Послания апостола Павла, который Иерусалимская Библия называет «Отступление об апостольском служении» (2 Кор 2:14 - 7:4), мы находим пример того, как человек достиг в своей жизни высоты, где расположена наша задача. Это уровень, на котором сам апостол Павел располагает свое апостольство; здесь показано, каких человеческих качеств он ожидает от нас, какую весть мы призваны передать.

Этот десяток страниц сбивает с толку экзегетов, напрасно пытающихся найти тут план и путеводную нить, — но Коринфянам известна связь событий, и мы, апостолы, находим в них, вместе с воспоминанием о милостях Божьих, дарованных Павлу, ту же длину волны, на которую настроена наша собственная жизнь. Даже некоторая бессвязность в ходе мысли Павла, или, точнее, в последовательности его мыслей, особенно драгоценна

для нас потому, что мы чувствуем действующую «любовь Христову, которая объемлет» Апостола².

«Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе...». Павел поворачивается к Богу, он узник Христов. Его и в самом деле пленил Господь, ведь именно он был побежден на пути в Дамаск. Но, в то же время, этот узник вступает в торжественное шествие Пленившего его, и отныне приобщается торжеству своего Господина. По мнению апостола, «познание» о Христе должно распространяться во «всяком месте».

Павел не строит иллюзий. Это борьба, со всеми ее победами и поражениями. Кто-то слушает этого Христа себе во спасение, а кто-то — наоборот, в погибель. Поэтому неудача не должна останавливать нас. Да, есть души, благоприятно настроенные, но, таинственным образом, существуют и души, которые, как будто, не хотят знать Бога Таким, Какой Он есть. Дитя, о Котором уже говорил старец Симеон, будет дано людям в «знамение пререкаемое». Апостол это знает, и ему никогда не придется этому удивляться.

Но мы тут же сталкиваемся с вопросом, который выдает в Павле осознание своей силы: «И кто способен к сему?», кто на высоте такой задачи? В этом-то и состоит сила апостола — в уверенности, что сам по себе он не может ничего, но что он может всё «в Укрепляющем его».

² Просим читателя положить перед собой текст апостола Павла; мы будем идти по нему без дальнейших ссылок, комментируя следующие места: с 2:14 по 3:6; 3:12; с 3:18 по 4:18 и с 5:1 по 5:6; 5:8 (уверенность); с 5:11 по 6:13; с 7:2 по 7:4.

А требуется от него быть искренним и представлять Божьим посланником. Единственное рекомендательное письмо Апостола, — в конечном счете, само его апостольство, потому что это апостольство идет (Павел сам, пусть не прямо, говорит об этом) от Троицы: Христа, Духа, живого Бога-Отца.

На протяжении всего отрывка, словно пытаюсь убедить в этом себя самого, Павел возвращается к этой мысли: «Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа, не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога: Он дал нам способность быть служителями Нового Завета...». Вот настоящая профессиональная квалификация, которую апостол получил от Самого Бога. Нам нужно заново открыть для себя смысл словосочетания «квалифицированный рабочий» и суметь применить его во всей полноте к апостолу. Бог делает из нас не подсобных рабочих и не рабочих узкого профиля, а именно квалифицированных рабочих — и для чего? — для того, чтобы мы были этими служителями Нового Завета. Мы видим, как через несколько фраз Павел возвращается к той же мысли: «Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением». Как происходит подобное преобразование? Через созерцание славы Христа, потому что апостол — это тот, кто «открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуется в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа.»

Эти слова выдают внутренние волнения Павла, но они выражают также величие апостола, в котором отобразился Христос. И он это хорошо знает, несмотря на все свои слабости. Вот почему, «имея по милости

Божией такое служение, мы не унываем». Все это идет от Бога.

И если величие апостольской задачи не смущает апостола (зная свою малость, он опирается только на силу Бога), в то же время, ему знакомо настоящее искушение, то, что можно назвать фальшивой апостольской монетой. Есть три вида таких фальшивых монет. О первом Павел говорит с чувством: «Мы отвергли скрытные постыдные дела». Если бы я осмелился что-то добавить к писаниям св. апостола Павла, я бы подчеркнул потрясающее впечатление, которое производят эти слова: скрытные (замалчиваемые) постыдные дела (это могло бы быть названием кинофильма!). Апостол, который не осмеливается говорить! Второе искушение — отсутствие прямоты: «не прибегая к хитрости». Третье — подделка, искажение слова Божьего, настоящая фальшивая монета: мы не осмеливаемся сказать всего, полагая, что некоторые вещи не будут восприняты.

Есть только одно средство преодолеть это тройное искушение: мы не хозяева Вести, «но, как мы были подвергнуты Богом испытанию, чтобы вверено было нам Евангелие, — так мы и говорим, не людям угождая, но Богу, испытывающему сердца наши»¹ (1 Фес 2:4). И Павел добавляет, что у него никогда не было «ни слов ласкательства, ни видов корысти, ни поисков славы человеческой» (1 Фес 2:5).

Евангелие может остаться закрытым для людей, но апостол знает, что надо проповедовать только Иисуса Христа; он проповедует Евангелие, а не себя. И, опять же, апостольскую силу, «сокровище сие, мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была

¹ Перевод епископа Кассиана (Безобразова).

приписывается Богу, а не нам». Подготовка апостола должна включать воспитание этого динамичного чувства собственной слабости, этой силы, идущей от смирения, и, в конечном счете, — подражание Славословию («Магнификат») Пресвятой Девы.

У нас есть двойная уверенность — в том, что Бог проявляется в той мере, в какой апостол чувствует себя самого бессильным, и в том, что зерно, которое умирает, приносит плод. Смерть апостола рождает жизнь верующих. Вера в действии и есть уверенность в том, что смерть ведет к воскресению, что кратковременные испытания производят великую славу, что видимое преходящее открывает дверь в невидимое вечное, что ветшающий земной дом преобразится в вечное жилище от Бога.

С этой точки зрения можно разглядеть уровень, на котором находится апостольство. Это психологическая высота, достигаемая человеком обожненным и Божьим вестником: «Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (2 Кор 4:12). Потому, продолжает Павел, «мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет» — и апостол чувствует, как быстро время изнашивает его тело, — «то внутренний со дня на день обновляется».

Слабость и уверенность, знание — о них говорит весь этот отрывок, и в двух стихах мы дважды встречаем эти слова: «Такую уверенность мы имеем... Ибо знаем...»

Есть еще один важный момент, который открывает нам Павел в этом отрывке (5:11): «Зная страх Господень, мы вразумляем людей».

Существует ложная безучастность и ложное уважение к свободе других. Павел говорит нам, почему он стремится вразумлять: причина — драма Христа, умершего и воскресшего за всех. Христос не посторонний в жизни людей, не верящих в Него, Он в большей степени член их семьи, чем их отец и мать: «Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего» (2 Кор 5:15).

Апостол видит людей и события не «по плоти», но глазами веры, и не может молчать перед лицом человеческого неведения. В то же время, имея такой взгляд, Павел прозревает в каждом «новую тварь»: «древнее прошло, теперь всё новое». Он знает, что Христос примирил с Собой и с Богом всё человечество и, что невероятно, Тот же Христос доверил служение примирения своему апостолу. Последний, поэтому, получает замечательные титулы: он «служитель примирения», он «посланник от имени Христова»: «как бы Сам Бог увещевает чрез нас». Он «сорработник» самого Бога. Теперь Павел призывает и увещевает во имя самой своей миссии. Если апостол слишком спокоен, слишком в каком-то смысле безучастен, как можно верить в необычайность и неповторимость той вести, которую он должен нести людям?

И заканчивает Павел портретом служителя Христа. В отрицательном плане, такой служитель никому не даст «повода для претыкания, чтобы не подверглось посмеянию служение», но, главное, в плане положительном, он обретает целый ряд отличительных признаков. Прежде чем подчеркнуть те черты, которыми Павел наделяет апостола, будет полезно привести здесь и прочитать целиком весь отрывок.

«Во всём являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесноте, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и в бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».

Полезно взять эти стихи и посмотреть, как они дополняют друг друга. Три ряда признаков характеризуют служителей Божьих и отличают их от других людей — великое терпение в бедствиях, знамения, чудеса.

Это излюбленная тема апостола Павла, и несколько ниже в том же Послании мы находим то же тройное перечисление: «Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами» (2 Кор 12:12).

И мы находим детальное описание девяти испытаний в терпении, девяти знамений и девяти чудес. Видя подобное повторение, можно подумать, что Павел тщательно отделял свой текст. Но это совершенно не так, и все толкователи хорошо понимают, что в этом неподготовленном надиктованном тексте Павел, движимый сильным чувством, достигает вершин красноречия, но никак не стремится быть красноречивым, он просто коротко и захватывающе рассказывает нам главное о своей жизни.

Прежде всего, это терпение перед лицом девяти испытаний, причем это терпение и эти испытания, в свою очередь, подразделяются на три вида. Одни идут от самого Апостола, из глубины его души: это огорчения, нужды, теснота. Другие приходят извне и угнетают его — удары, темницы, изгнания. И, наконец, третий тип испытаний — их добавляет сам Апостол, как будто ему мало уже имеющихся: они помогают ему противостоять как внутренним скорбям, так и внешним напастям, — это труды, бдения, посты.

Эти девять испытаний терпения подобны выжженной земле апостольской жизни, — выжженной, потому что через них всё человеческое, что могло бы расцвести и привязать к земле, уничтожается. И пусть никто не объявляет себя апостолом, если он с самого начала и каждодневно не готов идти на такую отрешенность.

Но на этой пустынной земле появятся девять «знамений», расцветут девять драгоценных цветов, состоящих из кротости, терпения, смиренного послушания, тем более значительных (как дар Божий и всецелое предание себя Богу со стороны апостола), что они будут цвести среди невзгод и бедствий. Шесть знамений украшают апостола в самой глубине его души, три характеризуют его апостольское служение.

В самом апостоле это: внутренняя прямота и чистота действий; постижение Бога, то непосредственное знание Бога, которое преобразует взгляд человека; великое терпение души, умеющей ждать, благодушие, кротость Самого Спасителя, о которой Церковь поет на Рождество, прославляя Иисуса в яслях; пребывание в Духе Святом; нелицемерная любовь.

В служении апостола три знамения: слово истины, о котором Павел говорит также, что оно «подобно мечу и проникает до мозга костей»; Евангелие, это слово человеческое Слова, ставшего плотью; сила Бога, вечно живого, Который ждет лишь горчичного зерна нашей веры, чтобы совершить Свои чудеса; оружие правды, то есть святости Праведного Бога, и апостола, примиренного с Богом. Это оружие в правой и левой руке, и для наступления и для обороны, говорит Павел, меч духа и копье, и щит веры.

Выжженная земля апостольской жизни, постоянные усилия, чтобы произвести на ней знамения кротости и одновременно приблизить Царство Господа Иисуса, рождают девять «чудес и сил», которые Павел перечисляет в заключительной части отрывка. Лучшие любых религиозных обетов они освобождают посланника Господа от того, что могло бы замкнуть его на самом себе: потому что один лишь Бог — смысл его существования, один лишь Бог является через него. Они знамения противоречий и одновременно — Блаженства апостола.

Прежде всего, он дважды полностью освобождается от людских суждений: превозносят его или унижают, считают плохим или хорошим — для апостола это больше не имеет значения: забота о репутации, какой бы она ни была, больше не связывает его. Бог, Который знает глубину сердец — его единственный ориентир.

И здесь начинаются семь апостольских блаженств — подлинная тайна апостола, зерно, которое умирает и приносит плод, зримый крест и неперенное воскресение, кажущееся поражение и уже обретенная победа:

их считают обманщиками, а они правдивы;

их считают неизвестными, а они всем хорошо знакомы;
их считают умирающими, а они такие живые;
их карают, но они не будут убиты;
их озорчают, а они всегда радуются;
их считают нищими, а они многих обогащают;
их считают ничего не имеющими, а они обладают всем.

Павел открыл свой секрет: «Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено...». И, словно тут же применяя на практике только что нарисованный им портрет апостола — и какими красками! — Павел преисполняется радостью и гордостью за тех же самых Коринфян, которые его так разочаровали: «Вам не тесно в нас, но в сердцах ваших тесно»...

Ученик имеет в мире только одну радость: быть похожим на учителя.

Апостол хвалится скорбями: крест несет спасение.

Ничто не может отделить его от любви Христа.

Нет в мире ничего живее и актуальнее, чем Слово Божие:

«Верно слово:

Если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем,

Если терпим, то с ним и царствовать будем;

Если отречемся, и Он отречется от нас,

Если мы неверны, Он пребывает верен,

ибо Себя отречься не может»

(2 Тим 2:11-13).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«ДЛЯ НЕГО, Я ОТ ВСЕГО ОТКАЗАЛСЯ»

Наше апостольское призвание в эти дни — с большой сердечной заботой молиться об обращении людей, стоять на коленях перед Словом Божиим, дабы это слово изменило нас самих и настолько проникло в наше сердце и в наш дух, чтобы мы не могли не говорить его, — и, говоря, передавали его истинный смысл: «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1, 9).

Наше призвание — быть такими, как все, в том, что касается работы, пищи, одежды, но быть совсем другими, чем те, кто не знает Бога; в социальном плане не отгораживаться ни от кого, но одновременно с гордостью осознавать, понимать, что, благодаря теологальным добродетелям¹, мы «отличаемся» от мира сильнее, чем возможно выразить словами. Сильнее чем день от ночи — потому что мы озарены светом, невидимым миру.

Но посреди мира, дав обет целомудрия, отделившись от этого мира и уже став живыми свидетелями вечности, где не будет больше ни мужчин, ни женщин, где не будут больше ни есть, ни пить, мы не сможем избежать насмешек и даже ненависти, если останемся верными величию Иисуса Христа, Чье Царство не от мира сего.

Безусловно, мы родились и пришли, «чтобы (другие) имели жизнь и имели с избытком» (Ин 10:10), но

¹ Вера, надежда, любовь (ред.).

воображать, что достигнуть этого можно, уподобившись тем, кого мы хотим евангелизировать — заблуждение, первой жертвой которого падём мы сами. Путь Евангелия противоположен пути мира, и та часть нашей личности, через которую мы приобщаемся великим чаяниям людей без Бога, не должна заставить нас забыть, что наш центр тяжести в другом месте.

Любить мир, с его светлыми умами, которые делают его лучшие и позволяют давать каждому хлеб, мир и доступ к более или менее ответственной работе, благодаря возрастающему благосостоянию и истинной свободе, — да, этого мы хотим. Но в то же время, надо говорить, кричать, являть всем своим существом, что истинное предназначение человека обретает завершенность только за пределами этого преходящего мира, земная стадия которого временна и зыбка, хотя, вместе с тем, она решающая, она — начало.

И чем больше мы, как апостолы, смешиваемся с этим миром, чем больше увлекаемся землей, ее красотой и завершенностью, которую предстоит достигнуть, — словом, чем больше нас увлекает величие человека, тем больше должно обнаруживаться, как «предмет пререкания», что всё это мы почитаем «тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса» (Флп 3:8). Позволять одному являть себя без другого значит совершать предательство.

Миссионер, для которого Второе Пришествие Христа не есть действительное, конкретное великое ожидание, не имеет права называться миссионером. Конечно, это не мешает с легким сердцем строить мир, но этот мир останется для нас относительным, как этап исхода. Это именно то, чего нам не прощает неверующий мир: он не только хочет, чтобы люди

служили Кесарю, но для него всякий, кто ставит Бога выше Кесаря, становится врагом Кесаря. За это умирали мученики первых веков: они были такими же хорошими гражданами, как и все остальные, но Кесарь оставался для них только человеком, и один лишь Бог был для них Абсолютом.

В мире, ослепленном самим собой, мы — свидетели другого мира. Чтобы быть ими, мы не считаем нужным придумывать устарелые обычаи. Водворившись в гуще людей, мы предстаём гласом, вопиющим в пустыне, о которой никто не подозревал и которую он являет. И наш нонконформизм бросается в глаза тогда, когда мы провозглашаем, что Царство Небесное близко.

Всякая любовь, которую перестают возвращать, умирает. Наша жизнь умирает, как только Христос, Троица Отца, Сына и Святого Духа перестают быть для нас Личностями, с которыми мы связали свою жизнь. Наше существование, наше целомудрие, наше послушание и наша бедность не будут длиться долго без любви Христа к нам, которую мы снова и снова созерцаем, обдумываем. Эта любовь сильнее смерти, и она вызывает в нас ответное желание любить до самой смерти. Как только мы перестаем осознавать эту любовь Христову, мы теряем ориентир, и нам становится все равно, по какому пути идти.

Вывод из этого — настоятельная, абсолютная необходимость Веры, веры безграничной, потому что вера только тогда достойна своего имени, когда она безусловна. Обуславливать ее всякими если — «если Церковь будет более динамичной, более ответственной или более современной» или какой угодно еще — означает заведомо отрицать веру, возводя ее первопричину не к

Богу, Который говорит с нами, у Которого есть Свой план и Который есть Бог, а к чему-то другому.

У миссионера, в конечном счете, есть только одна сила: его вера, соединенная с верой всей Церкви: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут» (Мф 24:35). И эта твердая и радостная уверенность — не только скала посреди песков, щит нашего сердца и духа; она, прежде всего, — трамплин к настоящей миссионерской позиции в современном мире перед лицом неверия, трубящего о своей победе.

Спасает один лишь Бог; спасает Он, а не мы. И это твердое знание ставит всё на свои места. Нет, не мы спасаем или не спасаем, как будто это зависит от нас. Ни движение, ни группа, ни конгрегации, ни папы, ни соборы спасти не могут. Есть только один Спаситель, Иисус Христос; при этом, конечно, папа, епископы, соборы и движения тоже совершают реальные дела — мы совсем не марионетки, — но мы должны действовать прежде всего и единственно «через Христа, со Христом и во Христе», как мы повторяем на мессе. А мы каждую минуту действуем так, как будто спасители — мы сами. И, падаем ли мы при этом духом или преисполняемся гордостью, в конечном итоге, результата всё равно нет.

Наша жизнь, ответ любящему нас Богу, это, в то же время, — свидетельство о Боге едином, Которого мы должны преподать людям. Прежде чем быть священником (революционером или контрреволюционером), священником-журналистом, ученым, рабочим или кем угодно, нам следует явить то, что первично и уникально в нашем существовании: мы — своего рода приёмники Бога, настроенные на Его длину волны, и вещаем в диапазоне не земном, а Божьем, всецело присутствуя в этом мире. Мы — голоса не в пустыне, а в

самых шумных городах мира, пророки Бога, а не чего- или кого-либо еще, то есть мы говорим от имени Бога.

Пророки — не те люди, которым открылся смысл истории, и которые готовы предсказывать ее ход на завтра и на послезавтра. А пророки, которые сегодня, завтра и послезавтра (когда это будут, действительно, завтра и послезавтра) говорят о Боге людям и умеют говорить о яслях, о кресте, о бедняке, который — Христос. Способные сказать об этом богатому, который не знает о таком сходстве, и бедному, который должен чтить его в самом себе. Умеющие от имени Христа говорить истину, так, чтобы она не останавливала, а вела к Нему, умеющие утешать, успокаивать слабых, будить спящих, ободрять малодушных.

Но чтобы быть свидетелями Бога в глазах людей, нам нужно быть свидетелями Бога в глазах Самого Бога. А это может совершиться не иначе как по всемогущей благодати Бога и совершается только при постоянной внутренней работе всего нашего существа, работе, которая должна стать страстью в двойном смысле этого слова: неотступной заботой и страданием.

Апостол не просто еще один рабочий на заводе — у ворот ждет достаточно безработных. Он не еще один лидер, эту роль замечательно исполняют профсоюзные деятели. Апостол, где бы он ни находился, на заводе или в другом месте, это свидетель Бога, пророк, посланник Иисуса Христа: он не принадлежит ни к какой другой категории, и у него нет других рекомендаций, кроме как от Иисуса Христа и Церкви, которые его посылают.

И, видя успех своей апостольской работы, когда «Сатана падает с неба, как молния», он повторяет про себя слова Иисуса: «Тому не радуйтесь, что духи вам

повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк 10:20).

А потерпев неудачу — что бывает чаще — он вспоминает ответ Иисуса ученикам, которые не смогли изгнать нечистого духа: «По неверию вашему ... Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мф 17:20 и Мк 9:29).

Он не ждет впечатляющего успеха, симпатий, слишком по-человечески непосредственных. Он делает всё, чтобы не создать препятствий Иисусу Христу своим собственным грехом, он знает, что только крест, боль, противоречия, которые долгое время терпит его плоть, тронут души в их глубине и откроют единственному Спасителю, Иисусу Христу, Назарянину, Тому, Кого люди распяли, и Кто воскрес из мертвых.

«Для Него я от всего отказался, и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Флп 3:8).

Жак Лёв

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

- 1908 31 августа, Жак родился в г. Клермон-Ферран во Франции.
Лицей в Ницце, затем факультет права Парижского института политических наук.
- 1929 Адвокатура в Ницце.
- 1932 Пребывание среди монахов-картезианцев в Святой долине (Valsainte) в Швейцарии.
- 1934 Послушник у доминиканцев в городе Сен Максимин.
- 1939 Рукоположен в сан священника.
- 1941 Создание движения «Экономика и гуманизм» («Économie et humanisme») в Лионе. Жак участвует в исследованиях и начинает жить и работать докером в Марселе.
- 1942 Жак живет один, в квартале докеров и мигрантов. Первые контакты с Мадлен Дельбрель, которая живет в команде в рабочем пригороде Иври под Парижем.
- 1943 Публикация книги «Докеры Марселя. Анализ жизни и работы порта» («Les dockers de Marseille, Analyse type d'un complexe»).
- 1945 Создание «Марсельской Миссии». Архиепископ монс. Делей дает благословение команде священников во главе с Жаком, настоятелем прихода Сен-Луи в г. Марселе.
- 1946 Назначение Жака настоятелем также прихода Сен-Трофим в Кабюселе.

- Публикация книги «В пролетарской миссии» («*En mission prolétarienne*»).
- 1951 Первая поездка в Рим. Встреча с Монс. Монтини, заместителем Государственного секретаря Ватикана.
Создание Центра миссионерского образования в городке Сен-Максимин, совместно с доминиканцами и Мальми братьями Иисуса.
- 1952 Публикация альбома «Бог существует» («*Dieu existe*»), первого из серии «Праздники и времена года» («*Fêtes et Saisons*»), за ним последовало ещё девять с 1953 по 1963 гг.
- 1954 Папской властью запрещена деятельность священников-рабочих.
- 1955 Вторая поездка в Рим. Монс. Де Прованшер, архиепископ г. Экс-ан-Прованс, назначает Жака настоятелем прихода в г. Порт-де-Бук.
Создание «Рабочей Миссии Святых Апостолов Петра и Павла» (*Mission ouvrière Saints-Pierre-et-Paul*)
- 1956 Первое духовное собрание Миссии при монастыре в посёлке Сито. Монс. Де Прованшер признает Рабочую Миссию Святых Апостолов Петра и Павла.
- 1957 Открытие в Тулузе образовательного центра Миссии
- 1958 Публикация книги «Если бы вы знали дар Бога» («*Si vous saviez le don de Dieu*»)
- 1959 Публикация книги «Дневник одной рабочей миссии» («*Journal d'une mission ouvrière*»)
- 1960 Первая поездка в Польшу и в Сахару.
Новая команда Миссии приступает к служению в Тулузе.

- 1961 *Вторая поездка в Сахару*
Поездка и представление Миссии в Германии
Поездка в Польшу и в западный и восточный Берлин
Новая команда Миссии в Сахаре, в местечке Хасси-Мессауд
- 1962 *Поездка в Южную Америку (Бразилия, Уругвай, Чили, Аргентина)*
- 1963 *Новая команда Миссии в бразильском городе Сан-Паулу.*
Публикация книги «Динамика веры и неверие» (Dynamisme de la foi et incroyance) (совместно с отцом Коттье).
- 1964 *Публикация книги «Как бы видя Невидимого» (Comme s'il voyait l'invisible).*
Смерть Поля Ксарделя в Бразилии и Мадлен Дельбрель во Франции.
- 1965 *В Риме одобряют устав и статус Миссии Петра и Павла, как апостольского Института; Жак покидает орден доминиканцев и посвящает себя Миссии Петра и Павла. Публикация книги: «Церковь и бедность» (Église et pauvreté) (соавтор в коллективе авторов).*
- 1967 *Открытие в Фрибуре (Швейцария) нового образовательного центра Миссии.*
- 1969 *Вернувшись в Европу после пятилетней жизни в Бразилии, Жак готовит к открытию «Школу веры и служений» (Ecole de la foi et des ministères) в Фрибуре.*
Миссия покидает Порт-ле-Бук.
Публикация книги «Во время и не во время» («À temps et à contre-temps»), совместно с отцом Войомом и отцом Конгаром.

- Публикация книги «В ночи я искал» («*Dans la nuit j'ai cherché*»)
- Публикация дневника П. Ксарделя «Огонь, пожирающий пастыря»
(*La flamme qui dévore le berger*).
- 1970 Проповедь во время духовной великопостной реколлеции в Ватикане для папы Павла VI. Новые команды Миссии приступают к служению в городах Монреаль (Канада), Токио (Япония), Тремблей (Франция), Сальвадор де Бахья (Бразилия). Поездка в Канаду
- Публикация проповеди «Иисус, называемый Христос» (*Ce Jésus qu'on appelle Christ*). Жак получает католическую литературную премию.
- Предисловие к книге Д. Барбе «Создавая поместные общины»
(*Demain, les communautés de base*).
- 1971 Публикация хроники Миссии «Отверстые небеса» (*Les Cieux ouverts*).
- 1972 Встреча с Павлом VI, посвящённая будущему Школы Веры.
- 1973 Жак подаёт в отставку с поста руководителя Миссии. Новый руководитель Миссии - Мишель Куйено.
- Жак - директор Школы Веры. Он преподаёт миссионерские предметы и размышления. Поездки в Рим и в Канаду. Поездки и организация встреч, сессий в Сенегале, в Береге Слоновой Кости, в Верхней Вольте, Того, Камеруне.
- 1975 Поездка в Северный Камерун, организация первого «Месяца веры».

- Посещение команд выпускников Школы Веры в Африке и в Канаде.*
- Публикация книги «Великие учителя Молитвы» (La prière a l'école des grands priants).*
- 1976 *Пребывание в Канаде. Поездка в Рим. Второй «Месяц веры» в Камеруне, в Нгаундере.*
- 1977 *Пребывание в Канаде, Мексике и Бельгии. Поездка в Рим. Третий «Месяц веры» в Камеруне, в Отеле. Пребывание в Чаде и в СССР.*
- 1978 *Пребывание в Канаде, СССР, Польше, Венгрии. Поездка в Рим. Сессии в Заире, Бурунди и Камеруне. Создание «Месяца веры» в Канаде, в Матане. Сессии в Алжире, Тунисе. Сессии на острове Св. Мориса.*
- Публикация книг «Будьте моими учениками» («Vous serez mes disciples»), «История Церкви» (Histoire de l'Église) (совместно с Мишелем Меслином), «Притчи и прибаутки» («Paraboles et fariboles») (с иллюстрациями Жака Фэзана).*
- 1979 *Сессии на острове Реюньон, в Заире, в Польше. Сессии «мини-кварталов» в приходе Сен-Франсуа-Ксавье, г. Париж.*
- Пребывание в Канаде. Создание «Месяца веры» в Бурунди. Поездка в Рим.*
- 1980 *Великопостная проповедь в приходе Сен-Франсуа-Ксавье, Париж.*
- Пребывание в СССР, Польше, Венгрии, Канаде. «Месяц веры» в Камеруне, в г. Яунде. Поездка в Рим.*
- 1981 *Великопостная проповедь в приходе Сен-Франсуа-Ксавье, Париж.*

- Пребывание в СССР, Польше, Венгрии, Канаде, Японии. Поездка в Рим.*
Сессии в Береге Слоновой Кости, в Заире, Бурунди.
Жак начинает жить при монастыре в Сито.
С 30 октября Школой Веры руководит Ноэль Эбшиер.
- 1982 *Пребывание в СССР, Польше, Венгрии, Германии.*
Поездка в Рим.
Жак заканчивает дела, связанные со Школой Веры.
Паломничество в Святую Землю.
- 1986 *Жак переезжает из монастыря в Сито в монастырь в Тамье.*
Публикация книги «Мой Бог, в котором я уверен»
(Mon Dieu dont je suis sûr).
- 1987 *Публикация книги «Жить, слушая великих учителей молитвы»*
(La vie à l'écoute des grands priants)
- 1988 *Публикация книги «Счастье быть человеком.*
Беседы с Домиником Ксарделем».
(Le bonheur d'être homme. Entretiens avec Dominique Xardel)
- 1991 *Жак поселяется при женском монастыре в Эшурньяке на юге Франции.*
- 1992 *Публикация книги «Иисус, где тебя искать?» (Jésus, où te chercher?).*
- 1994 *Публикация книги «Жить по Евангелию с Мадлен Дельбрель» (Vivre l'Évangile avec Madeleine Delbrél)*
- 1999 *14 февраля Жак умирает в монастыре в Эшурньяке.*

*Рабочая Миссия
Святых Апостолов Петра и Павла*

Короткая хроника Миссии

1941 Жак Лев был послан в Марсель (Франция) как представитель движения «Экономика и гуманизм» для изучения условий работы и жизни в порту. Он работает докером.

1942 Издание экономического и социального исследования о порте. Жак Лев одновременно замечает, что самой большой бедой докеров было «незнание Бога».

1943 Жак Лев продолжает работать докером и начинает создавать совместно с другими священниками так называемую «приход-миссию» под лозунгом «Миссия Марселя».

1955 На основе «Миссии Марселя» была создана «Рабочая Миссия Святых Апостолов Петра и Павла».

1965 В Риме, во время Ватиканского Собора, устав Миссии был утвержден конгрегацией монашествующих Святого Престола. Миссия получила статус «апостольского института», новой формы апостольской жизни.

1971 Перенос центрального дома Миссии во Фрибур (Швейцария).

Короткая хроника Миссии в России

1972 *Этьен Пако, француз, работает в России инженером французской фирмы на строительстве химических заводов до 1976 г.*

1976 *Антонио Санти, итальянец, работает в России, инженером итальянской фирмы на строительстве химических заводов до 1978 г.*

1977 *Жак Лёв встречается с православными христианами в Москве и знакомит их со своим опытом. (Ежегодно до 1982 г. см. предисловие к его двум книгам, изданным в 2002 г. на русском языке)*

1991 *Антонио Санти работает в Москве инженером итальянской фирмы. По приглашению Католической Церкви служит директором в новой российской организации Каритас до 2001.*

2002 *Антонио Санти возвращается в Москву изучать положение христианской веры в новых условиях жизни российского общества в XXI веке.*

2003 *Миссия решает открыть свое представительство в России для развития взаимоотношений с религиозными организациями РФ.*

2004 *Заявление об открытии представительства в Министерстве Юстиции РФ. «С 1972 года МОРР служила во благо людей и стремилась улучшать межцерковные отношения, уважая историко-культурные традиции и законы российского государства. Она и впредь намерена всячески содействовать укреплению христианского свидетельства в современном мире.»*
Регистрирована.

2005 *Заявление об открытии « Да апостольский дом » в Католической Архиепархии в Москве. «Дом открывается,*

чтобы люди, ищущие смысл своей жизни и истину о Боге и Церкви, имели возможность приблизиться к христианской вере Церкви.» Принято как инициатива МОРР в епархии.

2007 Назначение представителя МОРР в России главным настоятелем Миссии.

2008 Открытие подворья Миссии в Швейцарии, главный настоятель сохраняет свою резиденцию в представительстве в Москве.

Представительство в Москве

моб. +7 910 470 0298

E-mail: antonisanti@hotmail.com